

ДЕНИС ДУБЕЕВ

Мемуары Барьериста

МОГЛИ

БЕРЕЧЬ

• «С колеса
на склад

0+

Денис Дубеев

Мемуары Барьериста

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=60860273

SelfPub; 2023

Аннотация

Книга Дениса Дубеева своим появлением продолжает и развивает тему индивидуума и общества. В ней достоверно и с необходимой долей юмора показан процесс становления личности с юности до зрелых лет и ее взаимоотношения с обществом в период расцвета и упадка СССР. Книга может привлечь всех, кого интересует состояние советского общества, устроения в нем. Она также может служить яркой иллюстрацией к истории российской интеллигенции в целом.

Содержание

От издателя	6
Предисловие	7
ГЛАВА 1. КУЛЬТ	10
ГЛАВА 2. ВЕСЬМА ПРИЯТНОЕ СЕЛО И АНТИМЕДИЦИНА	15
ГЛАВА 3. БИБЛИОФАГ	20
ГЛАВА 4. МЕЧТАТЕЛЬ И РЕАЛИСТ	24
ГЛАВА 5. МИСТИКА И МАТЕРИАЛИЗМ	28
ГЛАВА 6. В ШЕСТОМ КЛАССЕ СЕЛЬСКОЙ ШКОЛЫ	36
ГЛАВА 7. ЮНЫЙ ТЕХНИК	43
ГЛАВА 8. ТЕ ЖЕ И НВП	52
ГЛАВА 9. ПОЗНЕР-ШКОЛА	57
ГЛАВА 10. КОМСОМОЛ	68
ГЛАВА 11. ПОЧТАЛЬОН	78
ГЛАВА 12. ЛАБОРАНТ	84
ГЛАВА 13. БАРЬЕР КРЕПЧАЛ	99
ГЛАВА 14. СУЕТА СУЕТ	111
ГЛАВА 15. ЗНАКОМСТВО С ЭВМ	118
ГЛАВА 16. НОВЫЕ, ОЧЕНЬ ИНТЕРЕСНЫЕ ЗНАКОМСТВА	132
ГЛАВА 17. МАТМЕХ	137
ГЛАВА 18. ЕЩЕ ОДИН ДЕБЮТ	150

ГЛАВА 19. АКТИВИСТ ВСЕГДА В СВОЕМ ФУТЛЯРЕ	160
ГЛАВА 20. ПОЛУФИНАЛ	180
ГЛАВА 21. ПОЛНЫЙ ФИНАЛ	189
Любовь Чефранова (Ланева). Простая биография	195

Денис Дубеев

Мемуары Барьериста

От издателя

Автором опубликованных автобиографических «Мемуаров барьериста» является мой отец – Чефранов Дмитрий Николаевич. Это издание дополнено автобиографическими воспоминаниями его супруги – Чефрановой (Ланевой) Любови Николаевны.

Предисловие

Данное сочинение представляет собою краткий очерк автобиографии Дениса Дубеева, уже известного читателю по серии «ДД в НИИГОГО». В отличие от той серии, несколько самоироничной, как и некоторые другие рассказы этого автора, данная серия серьезна и достоверна настолько, насколько достоверным может быть связный пересказ сна. Я отношусь к числу тех людей, которые с удовольствием читают мемуарную литературу с целью лучше понять человечество прошлых эпох и через это лучше понять современность и, предположительно, будущие времена. Полезность такого чтения признают любители чтения не все. Некоторые предпочитают искусно составленный детектив. Мне тоже попадались порой детективы, интересные с точки зрения описания характеров и обстоятельств, но в данном случае мы имели намерение *написать* мемуар.

Серьезным препятствием для этого послужила осторожность, как связанная с замкнутым характером автора, так и с тем, что как ни старался автор писать о себе, все равно произведение его мизантропии на эгоцентризм приводит к тому, что пишет он преимущественно о людях, с которыми вместе шел жизненным путем, хотя и был во многом не согласен с ними в оценке этого пути. О людях же следует писать с очень большой осторожностью – ведь никогда не зна-

ешь, на что обидится тот или иной загадочный человек. Поэтому в данном очерке почти нет действительных имен, да и вымышленных не густо, но обстоятельства даны откровенно, правда, порою шутя.

Предполагается дальнейшая серьезная работа, со сверкой документов, фотографий, событий, дат. Предполагаются разножанровые серии мемуаров, связанные друг с другом общей судьбой лирического героя и дополняющие друг друга до максимально полной картины жизни в моих глазах, ушах и прочих органах чувств. Необходимы будут также серии, содержанием которых станет жизнь моих родителей и вообще поколения, предшествовавшего моему. Материалов для этого мало – но память все-таки есть. В последних же выверенных вариантах очень обдуманно появятся точные имена.

Спрашивается, а зачем это надо. А вот зачем. Возможно, я буду интересен своим потомкам так же, как интересны теперь мои предки мне. Дедушка с бабушкой оставили нам записки, почему не оставить записки и мне. Далее, очевиден вопрос, почему же вместилищем этого моего субъективизма стала всеобщая Проза.ру вместо личных каракуль в шкафу? Ведь никому не интересно чьи-то пустые мемуары читать. Отвечу – кому не интересно, пусть не читает, я не обижусь на них. Половина, если не больше, авторов на нашем портале пишет о наболевшем, о своем, лишь немного затушевывая, залитературивая свой автопортрет. Именно этим как раз ин-

тересен портал. Ну а я откровенно даю – ммемуаррр!!! Однако возможно и такое: литературная хитрость это, а вовсе не мемуары реального лица. Почему бы и нет?

Выражаю искреннюю признательность и благодарность историкам и частным лицам, интерес которых к скромному наследию моих предков в истории российской цивилизации в значительной степени способствовал моему намерению если и не осуществить, то, по крайней мере, начать этот личный проект. Разумеется, их имена также будут названы после того, как этот проект примет более или менее законченный вид.

ГЛАВА 1. КУЛЬТ

Я – нелюдим. Сложилось это давно, а начиналось это в далеком детстве в форме какого-то неясного, смутного недоверия к поведению взрослых людей. Самые ранние проявления этого чувства описать очень трудно, так что отнюдь не самое раннее я для начала возьму.

Начнем с марта 1953-го года. Погода стоит у нас в Кузнецке все еще морозная по типу мягкой зимы. Лежит еще сугробами чистый, чуть синеватый снег. Как раз в те дни мне отмечается 8 лет, и я далеко еще не дорос до понимания происходящего вокруг. А вокруг происходит величественный, торжественный, траурный, патетический, исторический миг. Красный кумач, обшитый по краю черными лентами, виден на улицах везде. По радио, то есть в повсюду и на улицах, и в домах – звучат мелодии торжественной печали, или же речи, речи, речи, смысла которых мне не понять. Вот перед нами снежный плац знакомого школьного двора. Строгими, ровными рядами, точным четырехугольником, фронтом построения (то есть лицами) внутри замер весь школьный личный состав. Великая, страшная, немислимая война закончилась совсем недавно (не такая была ведь война, чтобы за восемь всего-то лет стало народу «давно») и расхлябанность мирного времени все еще остается нашим школам чужда, никто и не чаял еще, что может иначе быть. По-

строение есть построение, и действительно школьники своими рядами ровно окаменевши поклассно стоят. В то время также и близко не было нынешнего материального достатка, нынешнего приятного разнообразия фасонов и цветов, да и школа «мужская» была. Черный замерший строй, равнение на середину – на временную трибуну в одной из широких сторон построения, где траурный красно-черный кумач. «Старшие товарищи» с трибуны что-то еще говорят. Какому-то мальчику в рядах стало плохо, в обморок он упал. Ему помогли стоявшие рядом, строй же в целом недвижно стоял. Я не помню, видел ли падение этого школьника сам, или же разыграл его в воображении на основании услышанных рассказов – тем не менее определенно помню, что разговоры среди старших об этом происшествии были, и взрослые объясняли обморок подростка не столько холодом, сколько силой затмивших мальчика чувств. Я был тогда в первом классе, участвовал ли я в построении лично – не помню, но черный просторный прямоугольник на белом затоптанном плацу, между светлым зданием школы и пришкольным заснеженным юннатским участком, окруженный валами убранного снега по сторонам – в моей зрительной памяти всю жизнь как заледенелый стоит, вот только не помню я точно, была ли трибуна или нет. Была она, кажется, от меня где-то слева и сбоку, я на нее не смотрел. Умер товарищ Сталин – и вся огромная страна величественно, искренне скорбит.

Однако были и другие мотивы в тех траурных днях. В те

времена на улочках рубленых, с наличниками и подзорами, на улочках одноэтажных деревянных домов владельцы частных домовладений обязаны были иметь красные флаги и в праздники оными флагами свои домики с подворьями украшать. Сказать по совести, я слишком мал был для того, чтобы исследовать юридическую сторону этого обстоятельства в жизни местных людей – были ли частники-домовладельцы «обязаны» это делать юридически официально согласно каким-либо конкретным биллям государства на этот счет, или же делали это по доброй воле по принципу «кашу маслом не испортишь» в безжалостной тоталитарной стране – но как бы то ни было, на нашей улочке флагов было полно, и все по случаю траура обшитые черной каймой. А жили же мы тогда, как помнится, у доброй-предоброй старушки «бабы Дуки», снимали что-то вроде полдома у нее, и она очень-очень тепло всегда относилась к нам. Так вот сидит недовольная баба Дука на кухне, обшивает черной лентой флаг и сквозь зубы ворчит что-то насчет того, что «эти, мол, помирать себе будут, а нам докуки мало – еще и обшивай...». Мама слушает между делом какую-то по радио речь и вполголоса, задумчиво, с тенью легкого неуважения к льющейся из динамика речи, как бы рассеянно говорит: «Ну, эти новые... не скоро-то они воспитают весь народ под себя...» Настроения подобного рода производили во мне ощущение – нет, нет, еще не фальши, но смутной раздвоенности уже, достаточной для того, чтобы я траурный флаг бабы Дуки в один

контекст с тем подростком включил.

Прошло какое-то время. Мне кажется – очень немного, по историческим справкам – года так три. Во всяком случае, в феврале 1956-го года я оставался еще в младшей школе, четвертый класс – по возрасту от политики далеко. Грянуло «разоблачение культа личности Сталина», повсюду только и слышно было: культ, культ, культ... В те времена в жилищах интеллигенции были весьма желательны портреты «великих вождей». Опять же, как и в случае с красными флагами на маленьких улочках городка, я не знаю официальный статус этого факта, но помню, однако, что у нас, на съемной половине маленькой сельской хатки, на простой белой стене были два простых черно-белых бумажных портрета формата, возможно, чуть больше, чем А4, или вроде того. Рамок не было, держались они на кнопках или как-то иначе еще – память не сохранила технических тонкостей на этот счет. Это были, естественно, портреты Ленина (слева) и Сталина (справа) если из комнаты на них посмотреть. Я часто смотрел на них.

Но вот, надо так полагать, что пришло указание: портреты Сталина – снять. Снимали портреты повсюду, мама сняла и у нас. На стене остался темный прямоугольник, как остается на стенках от снятых картинок всегда, если долго при солнце висят.

Как известно, XX-й съезд КПСС с антисталинской речью Хрущева на нем состоялся 1956-ом году в феврале, то есть

полной зимой. Несомненно, портреты снимались несколько погодя, да и мне вдруг случилось прозрение, чай, не того же самого дня. Помнится, была весна, я смотрел вроде бы из палисадника (?) сквозь открытое низенькое окошко в дом, размышляя о том, отчего это при взгляде снаружи в комнате кажется темно, видел в этом полумраке стенку с одиноким Лениным на ней, скучающим без верного Ленинца своего – и вдруг острое, неведомое ранее чувство насквозь охватило меня: наступит время, и про Ленина тоже радио будет гадости какие-нибудь говорить (не обязательно именно такие, придумают что-нибудь еще) и портрет «любимого дедушки Ленина» тоже придется снимать... Вообще-то моя жизнь в то время была другими впечатлениями богата, особо-то политика не интересовала меня, и это неожиданное ощущение запомнилось мне поначалу просто в ряду других, и лишь впоследствии, размышляя о судьбах страны, я всегда возвращался к нему. Острота культа личности Сталина не кончилась этим событием для меня, я сохранил к этой сложной проблеме в истории нашей страны не только образовательный интерес, и доверия к тогдашним настроениям взрослых это не добавляло ничуть.

ГЛАВА 2. ВЕСЬМА ПРИЯТНОЕ СЕЛО И АНТИМЕДИЦИНА

Одно из противоречий моего раннего воспитания в районном городке Кузнецке заключалось в том, что, с одной стороны, мне категорически запрещалось без разрешения взрослых уходить одному со двора, но, с другой стороны, мама последовательно и очень толково приучала меня к правильным действиям в городе одному; иной раз давала мне поручения, ради которых, руководствуясь нарисованной ею схемой, нужно было пройти ряд поворотов и улиц, выполнить поручение и вернуться домой. Так что в возрасте 6—7 лет я с пониманием относился и к территориальной ограниченности повседневной домашней игры, и на улицах в городе тоже уверенным был. Порою случалось и в «самоволку» уйти, заигравшись, не без того, а уж соседние дворы да и крыши сараев облазил я будь здоров

В то же время от ранних лет манил меня горизонт вдалеке и любил я рассматривать как всякие штуки вблизи, так и далекое, недостижимое небо вверху. Прекрасно помнится мне, как однажды лежал я на весенней, сырой и прохладной тесовой крыше сарая, смотрел снизу вверх на чуть желтеющий месяц в уже вечереющем небе (первая четверть лунного счета фаз подходила уже ко второй) и размышлял я о том,

что же такое могут значить слова в одном из прочитанных незадолго до этого стихотворений, что там, на Луне, «холодно даже Реомюру»; и на звездное небо, и на облака очень любил я смотреть. Таким порядком жизнь в Кузнецке подготовила меня к той деревенской вольнице, в которой я оказался при переезде в село в возрасте 9-ти как будто бы лет.

В южно-курском селении Больше-Солдатское (теперь в интернете «Большое Солдатское») обстановка была другая – бегай, играй где хочю. Колхозники на неторопливо едущих телегах охотно позволяли ребятишкам запрыгивать на ходу на телеги и ехать для удовольствия покататься на них. И в других отношениях нравы были просты. По своему обыкновению мама снимала парадную половинку более просторной «хаты» у старушки одной – это была горница метров, я думаю, не более 10~12-ти с гаком (это местный жаргон) при ней крохотные кухонька и спальенка, а помещения, оставшиеся для хозяйки, были поменьше еще. И вот это «огромное» здание было побелено снаружи по стенобитной глине в белый цвет, стояло под соломенной крышей, и были в нем «земляные», то есть глиняные, регулярно смазываемые свежим, разведенным в воде, коровьим (лучше конским) навозом полы. Так жили колхозники все, разве что многие хатки были поменьше еще. Тесовых крыш я там не видал вообще, ибо при дефиците леса и обилии соломы тратить доски на крышу было бы безумием там, а железные крыши и деревянные полы были только у местной

«элиты», если по-настоящему сказать. В «элиту» мы в том селении за все время пребывания в нем не вошли. Для этого нужно было много чего иметь поверх нервной, неровной ссыльной судьбы, и мы не стремились к тому. Вот тетя Лена сумела устроиться в ссылке, ей повезло, а мама моя не смогла. Тут, по правде сказать, еще и везение нужно, сложная штука ведь жизнь.

Продолжим о нравах в селе. Лето в разгаре, мама куда-то ушла, мы со старушкой одни. Кто-то ломится в дом беспощадно, сотрясает входную дверь, орет и грозит убить. Старушка перепугана аж до жути, ее лицо побелело буквально как мел – и это не метафора, именно как беленая мелом стена. Я никогда не видел ранее такого белого лица и удивился тому, насколько точным может быть сравнение в книгах «побледневший как мел». И она вся трясется и просит меня, еле выговаривая слова, сбегать за помощью, за людьми. Глядя на нее, и мне стало стрёмно, однако. Вылезаю я через маленькое окно в палисадник на улицу, злодей за углом и забором-плетнем не увидел меня. Нормальный местный ребенок помчался бы за помощью к соседям, но я – городской интеллигент, я в милицию устремился стремглав, благо недалеко.

В милиции дежурный, скучая, слушает мой сбивчивый рассказ.

– Петренко!

– Ась?

– Сходи погляди, чё там такое...

– Щас побачу.

И Петренко в тогдашней темно-синей милицейской форме лениво плетется за мной по летней жаре.

На крылечке нашего дома сидит в дымину пьяный молодой мужик. Выломать дверь ему не удалось, он оставил эту затею, сидит пригорюнившись, и мучает его только один вопрос: – «Иде я?». Оказывается, он было решил посчитаться с соперником по сердечным делам, но перепутал улицу и двор. Теперь вот не знает, куда же его занесло... Дальнейшая судьба этого парня мне неизвестна, предполагаю, Петренко его отпустил. А старушка от своего перепуга отходила с трудом.

Конечно, и на Солнце есть пятна, и Пушкин в лицее тоже неуды получал. Были и более темные стороны жизни в Солдатском, но разве Сервантес закончил бы когда-нибудь своего Дон-Кихота Ламанчского, если бы о всех-всех-всех темных сторонах человеческой жизни писал? Ограничимся этим и мы.

Первые годы мой жизни – 1945 и 1946 просто голодными были, и это отразилось на мне. Официально считалось, что здоровьем я слаб, и врачи рекомендовали ограничить подвижность, освобождали от физкультуры и проч. А то, что этот «ослабленный» ребенок как медвежонок лазуч и любит подальше гулять – то это обстоятельство, будучи по тогдашним «материалистическим» представлениям «ненаучным», не входило в «научный» расчет. Мама же верила заключе-

ниями врачей абсолютно, например, не разрешала купаться в реке и в пруду, как это делали детки там все – ведь ВРАЧИ не велят! Когда же впоследствии я стал уже почти взрослым человеком, то медицина на основании новейших по тогдашнему новому времени аргументов признала свои былые ошибки и стала советовать как раз подвижность детям с диагнозом таким, как у меня. Для мамы это было потрясением и крушением веры в абсолютную истинность Просвещения, Науки, Медицины, а пишущий эти строки к тому времени уже настолько привык к своему почти врожденному недоверию миру «взрослых» людей, что только плечами пожал, узнав о том, что медицина по неведению своему помогала последствиям тяжких голодных лет и далее ослаблять организм. Ошибка в науке исправлена самой этой наукой, а это уже хорошо. В те же прелестные годы в прогретом летнем южнорусском селе я уходил подальше в заросли поймы реки и плескался там в бочагах, чтоб никто не заметил и мама узнать не могла. Да я и не так чтобы специально так делал – но если вода на пути, не возвращаться ж назад.

ГЛАВА 3. БИБЛИОФАГ

В каком возрасте я научился читать, точно сказать не могу. Скорее всего, меня, по правилам тех лет, до школы-то читать и не учили. Было мнение, что если ребенок научится до школы читать, то в первом классе ему будет скучно, он привыкнет смотреть на свое окружение свысока и на уроках шалить, а когда весь класс догонит его в ученье и дальше привычным размеренным темпом пойдет – то этот нежелательный стереотип ох как больно отзовется на нем. Ребенка нужно в других направлениях развивать – рисование, музыка, то да се. Для этого в Кузнецке у меня свои оригинальные возможности были, об этом как-нибудь пообщаемся в другой раз. Так что вряд ли я до школы умел читать, но это точно неведомо мне.

Во всяком уж случае, в число моих первых прочитанных изданий входили материалы по анатомии человека, причинах опасных болезней, предотвращению заболеваний, эпидемий и всего такого нехорошего в форме плакатов типа наглядных пособий для санитарно-эпидемиологического просвещения страны. Мама ведь до войны работала в медицине, затем сандружинницей была. Как известно, во время войны и в послевоенное время в связи с массовыми перемещениями людей и неустроенностью быта, худого питания, несчастий, горя, стрессов и прочих факторов, снижающих им-

мунитет, санитарно-просветительская и контрольно-наблюдательная функция добровольных санитарных дружин просто необходимой была. У мамы в Кузнецке что-то еще было на этот счет, и я прекрасно помню, сколь занимательными были те цветные наглядные пособия для меня. Одно из семейных преданий гласит: «К некоторой очень милой учительнице местной школы пришли подружки почаевничать и поболтать. Вдруг в комнату вбегает маленький мальчик и радостно кричит: – «Мама, мама! У меня есть сонная тетеря, вот тут!». Смутно помнится – это был я, но сам тот плакат с анатомией кровеносной системы на фоне скелета и мышц яснее помнится мне. Вывод из этого прост – этого мальчика просто скелетом не напугать, экая невидаль – ходит тут где-то скелет. Что-то серьезнее нужно, чтобы его испугать.

Но мы немножечко от темы отвлеклись. Как бы то ни было, еще в Кузнецке я начал охотно и с любопытством читать, а в селении Больше-Солдатском это просто в привычку вошло. Притом я достаточно быстро читал и удивлял этим сотрудниц детской районной библиотеки в селе. С самым невинным выражением лиц они спрашивали меня о содержании возвращаемых мною книг, а я, как наивно проверяемая овечка, с чувством, с толком, с расстановкой, с жестикуляцией и т. п. охотно и в лицах все рассказывал им, совсем не догадываясь, в какие инстанции они на меня «настучат». Обнаружилось это внезапно вот так:

Однажды прекрасным солнечным зимним днем шли мы

с мамой куда-то по нашим личным делам, а навстречу попался нам какой-то немолодой уже человек и манерами, и наружностью вылитый чеховский интеллигент. Таких людей теперь уже не встретить, а тогда попадались еще, и вот этот живой представитель исчезнувшего Серебряного века здоровается с матушкой как с доброй старинной знакомой, они говорят о каких-то школьных своих делах, и этот человек как бы кстати заговаривает и обо мне. Оказывается, моя читательская активность стала известной в РОНО и вызывает некоторое беспокойство у понимающих в этом деле людей, в частности, у него. Все хорошее хорошо только в меру, и чтение – тоже. Слава Богу, мальчик не просто глотает книги, он усваивает их. Это хорошо, но в таких количествах чтение книг все равно отвлекает от реального мира, приучает к иллюзиям вместо реальных оценок, и как бы в дальнейшем просто мечтателем в жизни наш дорогой библиофаг не стал.

Разумеется, я привожу здесь уже позднюю реконструкцию разговора, но лейтмотив я и тогда уловил. Мне понравилось новое для меня звучное слово «библиофаг», а степень и характер опасности я стал понимать только уже взрослым человеком, когда столкнулся с беспощадной реальностью лицом к лицу. Должность этого человека, даже если мама и называла ее, пролетела мимо моих ушей. Едва ли он был учителем в единственной сельской школе, так как в этом случае я мог бы неоднократно видеть в школьных постройках его, и он не был бы мне, по моим впечатлениям, полностью

незнаком. Сомнения нет – РОНО

Разумеется, никакие меры против любимого чтения не помогли, и я оставался библиофагом еще много лет. Теперь вот читаю мало – этому много причин.

ГЛАВА 4. МЕЧТАТЕЛЬ И РЕАЛИСТ

Был в моем классе один такой мальчик, который на окружающих очень приятное впечатление производил. И хотя я прекрасно помню его реальное имя, назовем его здесь Алексей. Был ли он на год-два старше других ребят – я не знаю, не помню уже. Правильное, аккуратное атлетическое телосложение сформировалось у него рано, на туповатого второгодника-двоечника он манерами никоим образом был не похож. Официальная успеваемость в школе, как явление в социуме вообще, уже не интересовала меня, и поэтому я просто не помню, какова была успеваемость у него. Он был «серьезный молодой человек», почти исчезнувший ныне как тип.

Жил он с матерью без отца, что было не редкость в те послевоенные времена. У них был свой маленький домик, довольно темноватый внутри, тесный двор, корова с теленком – вполне приличное хозяйство по понятиям нашего села. Он не просто «помогал мамочке по хозяйству» как я – он тянул все хозяйство как взрослый хозяин-мужик. Я бывал порою у них в доме, и мое впечатление сложилось именно таким. Мать его работала, я полагаю, не то в колхозе, не то в МТС и нахвалиться на мальчика не могла. Было это либо

в то лето, когда мне было 12 лет, либо годом спустя. Я гулял по окрестностям, созерцая природу, людей, насекомых, растения, птиц, облака, прокручивая воображением вариации приключений из книг или а ля из книг, Алексей же в то лето подрядился водовозом обеспечивать водою колхозников на полях.

Поблизости от реки на ровном твердом травянистом пространстве был родник с очень вкусной водой, часть которой накапливалась в срубе колодца над родником, избыток же ручейком сбегал в речку вблизи. Алексей подъезжал с порожней бочкой на двуколке, вставал ногами на сруб, бросал в воду на длинной вожжине ведро. Зачерпывал, вытаскивал, аккуратно в бочку переливал и снова бросал ведро в тот сруб. Наполнив таким манером пузатую бочку, худошавый, достойно сложенный паренек отвязывал лошадь и ехал на полевой стан. Насколько я понимаю логистику колхозов среди бескрайних черноземных полей, поставив там полную бочку со свежей прекрасной водой, он перепрягал лошадку в пустую вчерашнюю бочку и обеспечивал подобным же образом другой полевой стан. Сколько же ездов делал он каждый день – увы, наш библиофаг, весьма внимательный к людям, болтая с ним у колодца о том и о сем, просто не догадался спросить, как не догадался спросить, сколько идет трудодней... или денег, если оформлено по МТС. И оформлено-то на кого. А когда Алексей со своею бочкою уехал, я занялся размышлением о том, почему это известняковые ка-

мушки в ручейке имеют прелестные зеленоватые, голубоватые и розоватые акварельные цвета, а вытщенные на воздух и обсыхая, приобретают все скучный сероватый цвет. Помнится, в те дни занимала меня еще одна тема. В чистейшем воздухе тамошних огородов, зарослей, лугов никак не укладывалось в голове совместное представление о воздухе как сплошном, прозрачном, ощущаемом телесно флюиде, с одной стороны, и представление о воздухе как о реальной «почти пустоте», с другой, так как относительные размеры молекул воздушных компонент и расстояний между ними соответствуют всего лишь нескольким мухам в комнате размерами довольно большой. Другими словами, если в зале летает сколько-то мух и мы смотрим туда, то картину на противоположной стене того зала мы видим сквозь зал или сквозь нескольких порознь витающих мух? Выходит так, что мы видим все это в природе вокруг нас не сквозь «воздух», как видим сквозь воду или стекло, но как бы сквозь «пустоту»? Это укладывалось, но с очень большим трудом. А то, что Алексей в это же время работал как взрослый, скользило поверхностно, не проникая сквозь эти барьеры вглубь. Вот вам и влияние книг, заполняющих душу, в которую уже не вмещается вместе с ними реальный мир.

Временами я сильно скучал, из ровесников не было с кем о многом мечтательно и умозрительно поговорить. Однажды пришла мне в голову мысль, как было бы хорошо, если бы все люди на свете были такими, как я. Но тут же я сам разве-

ял ее в пух и прах – ведь в этом случае застопорились, остановились бы все работы на нашей Земле. Жизнь людей – это не жизнь бестелесных героев, которым авторы готовы подсунуть в готовом, исправном виде все то, чего потребует сюжет. Я же не умею делать реального ничего, и если все мы станем именно такими, как я, то мир развалится довольно скоро от нашей лени и неумения работать так, как работает масса прилежных, умелых людей, знающих туго, конкретно миллионы практических дел. Однако и эти правильные мысли оставались умозрительной игрой, образ жизни и мыслей уже не рационализировал я никогда, и мечтателем оставался всегда. Алексея же помню всю жизнь в веренице тех по-человечески замечательных тружеников-мастеров, которым посвящены другие линии моих мемуаров, здесь же тема одна – нелюдим, и все эти хорошие люди в данную серию не войдут.

ГЛАВА 5. МИСТИКА И МАТЕРИАЛИЗМ

С раннего детского возраста и практически по сию пору изредка снятся мне разнообразные удивительные сны, в которых реальные черты бытия причудливо и как бы ирреально сливаются с чувствами, коих в реальности нет. Словесный пересказ этих снов представляется мне невозможным прежде всего потому, что язык в основном состоит из слов, изначально возникших именно для коммуникации в сфере обыденных фактов, язык сохраняет эту основную функцию по сей день и до сих пор еще не выработал надежно-го словесно-грамматического аппарата для передачи субъективных переживаний во сне. В очень похожем положении находятся математики и физики, исследующие объективные свойства материи вне довольно расплывчатых, но все же известных рамок окружающего нас макромира, пророки религий, бесспорно слышавшие Бога, но тщетно пытавшиеся передать услышанное в проповеди на бытовом языке пастухов, да и поэты хотя б. В самом деле, читая иные бессмертные строки, можем ли мы быть уверены в том, что они продуцируют в нас именно те самые чувства, под влиянием которых явился в душе поэта именно этот стих, или они продуцируют в читателе хотя бы и возвышенные, но все же чувства иные,

не те...

Возможно, когда-нибудь я займусь сочинением фантазий на темы запомненных снов, но мера вероятности этого очень и очень мала. Сейчас важно отметить здесь только то, что, во-первых, темы реального и нереального удачно сбалансированы в тех снах с убедительностью хороших произведений художественной литературы, а, во-вторых, иные из них оптимистичны, приятны, вселяют уверенность в себе и, как бы это сказать, содержат в себе благодать, другие содержат в себе сценографию успешной, хотя и суетной борьбы в миру с враждебными силами как сверхъестественными, так и мирскими, третьи (редкие, к счастью) являют собою тяжелый, жуткий кошмар, и, наконец, в своей совокупности все эти «вещие» сны значили для меня ничуть не меньше, чем книги, иллюзии или фантазии наяву. Изучая по школьному ходу лет историю Древних и Средних веков и дополняя ее художественной литературой, на основании собственных сновидений я отчетливо знал, из каких источников и корней росла идеология язычества и суеверий в те простые, безнаучные времена. В детстве я не мог еще ясно сформулировать эту мысль, и она существовала во мне в расплывчатой форме полуощущений и полупредставлений, если логику к ним привлекать. Дефиниции были затруднены, да и не с кем было бы мне в том нелепо атеистическом мире на эту тему болтать.

Помимо вещей снов, огромное значение для меня имел жуткий страх темноты, также посещавший меня. Боялся я

тьмы не часто, но случалось, вполне ощутимо чудилась мне какая-то неясная, неопределенная, жуткая негативность даже в собственной хате, в знакомом окне, за печью, за шкафом во тьме. Иногда этот страх имел притягивающую силу, я осторожно выбирался из дома и убежал во тьму, гулял в лесополосе, в оврагах и возвращался, усталый и освеженный, домой. Такие случаи бывали со мною в несколько более позднем возрасте спустя пару лет, а в описываемый период в Больше-Солдатском я просто любил погулять поздно вечером или же в ночь. Такие прогулки приятно щекотали мне нервы своей непередаваемой остротой, в которой кроме мистического, зимою был еще и вполне материалистический страх – в иные зимы волки утаскивали дворовых собак и хозяева забирали их на ночь в «сенцы» зимой. Однажды на нашем огороде и в заросшем «яру» за ним я обнаружил в снегу натуральные волчьи следы. (Они определенными признаками конструктивно отличаются даже от самых крупных собачьих, и это было самое то.) Конечно, в возрасте 10—12 лет зимою я далеко по ночам не гулял. Однако окраина села тогда не освещалась, в маленьких хатках рано гасили свет, и уйти в снегу по кромке Барсучьего лога хотя бы немного в сторону от домов в глухую темень степи ради мистических ощущений – мальчику тех лет такое переживание запоминается надолго, если не навсегда.

Ради полноты этой картины нужно заметить, что я и сам научился вызывать в себе некий мистический страх найден-

ными мною приемами, которые я рискну, не будучи в этой области специалистом, «приемами самовнушения» назвать. Страх получался несильным, однако по типу именно тот, и я никогда не доводил этот искусственно вызванный страх до слишком серьезной черты.

Когда же стихийные, самооявляющиеся страхи по-настоящему «доставали» меня, я искал спасения в вульгарной атеистической литературе, которой в то время было в библиотеках полно, а поскольку я и без того запоем читал научную фантастику, приключения и путешествия, не отказывая себе в удовольствии почитать на десерт серьезную научно-популярную литературу типа «занимательной астрономии» и т. п. (об этом сказано выше) то сотрудницы нашей библиотеки находили естественным и мой спорадический интерес к литературе подобного сорта. Почитав что-нибудь насчет того, что «сверхъестественного» нет просто потому, что «естественное» из атомов состоит, я спокойно укладывался спать, а ночью из-за печи... и тогда я судорожно вспоминал спасительную аргументацию «материализма», но она рассыпалась в прах, притом именно логически она рассыпалась, потому как всякий раз в ней обнаруживался какой-нибудь скрытый опровергающий изъян. Действительно, например, из того, что атомы существуют, вовсе не следует невозможность специфических неатомарных структур, и эта невозможность следует примерно из тех же самых причин, по которым из существования положитель-

ных чисел вовсе не следует невозможность существования хотя бы одного отрицательного числа. Допустим, само привидение в своей конкретной кажущейся форме только «привиделось» нам, но причина-то не видимой формы, но самого привидения надвигается сейчас на меня... И получается так, что весь наш «брошюрочный» научно-популярный «атеизм» способен опровергнуть только конкретные представления людей о природе и действии потусторонних сил, в системе которых несведущие в естествознании люди прошлых веков представляли себе эти силы, но нет никакого опровержения по существу. Опровергается только старинная, архаичная, невежественная форма представлений о «сверхъестественных» факторах или силах, но не содержание таковых.

Предположим, к примеру, что некая ведьма в деревне лазает кошкой в чужой коровник и вытягивает из коров молоко. Ясно, что подобное представление о ведьмах может иметь только такой человек, активные, довлеющие знания которого об огромном, разноликом мире вокруг ограничены маленькой, отсталой от внешнего мира деревней, в которой люди знать не знают и ведать не ведают сложность реального мира, все эти «атомы», «электроны», «фотосинтезы», «кванты», «америки», «австралии», «океаны», «орбиты», «материки»..., а если и слышали что-то краем уха об этом, то не вдумывались в это глубоко. Существой на самом деле ведьмы, благодаря своим «сверхъестественным» способностям они наверняка получили бы доступ к таким возмож-

ностям организации своего быта, при которых не нужно бы было им воровать молоко у крестьянских коров. Придумали бы они что-нибудь поинтереснее вдалеке от грязноватых хлебов. Так что классические ведьмы действительно не существуют, а если и существуют, то не «ведьмы» они, что-то другое совсем, и на это «другое» опровержения нет. А вот «ОНО» уже рядом, вот здесь и тянется, тянется ближе и ближе ко мне, хочет меня достать... Я не умел тогда ясно выражать подобные мысли, но я отчетливо помню, что, замирая от ужаса, я именно в логике нелепой, поверхностной псевдоатеистической литературы свою опору терял. Но ведь эти идеи внушаются нам всей силой школы, прессы, агитации и пропаганды; партия, пионерия, комсомол – все на таких идеях стоит... Вот это и был очень сильный удар по моему доверию всей системе «взрослых людей», я просто не мог понять, как на подобных слабых идеях держится «взрослый» мир.

Стоит сказать, при каких обстоятельствах эти страхи исчезли сами собой. Стал я постарше, поопытнее, посильнее. Задумался я о «пришельцах», о возможности существования иных «высших форм отражения материи в ней самой» помимо нашей человеческой формы. Само собой стали приходиться мысли, а не есть ли всё это, так сказать, всего лишь неумелые, неуклюжие попытки установить «контакт» именно с «той» стороны. Невероятно, но вдруг?! Пошел я сам этим страхам навстречу, но они, подобно миражу, стали рас-

творяться, стали исчезать и остались со временем лишь ностальгическим воспоминанием детства и подростковых лет. А вот удар, нанесенный ими официальной горе-идеологии нашей несчастной страны, остался со мной навсегда.

Что же касается формальной религии, то был я от этого очень и очень далек. Церковь в селении была разрушена до полного исчезновения даже своих руин очень давно до меня. Была старая-старая, серая от ветхости хата, и вроде бы тоже соломою крыта та серая хата была. Ничем, кроме отсутствия хозяйства и ограды-плетня, не выделялась она в общем ряду таких же убогих хат, разве что отсутствием нищенского быта вокруг, что придавало ее бедным стенам какую-то гордость, достоинство и простоту. Но это могло мне казаться апостериори из дальних краев и лет.

Над входом в простые деревенские сени небрежно прибит был из двух посеревших от старости реек простой покосившийся крест. Как местный житель, я знал, что время от времени приезжает священник «батюшка» и «служит» что-то такое здесь, но за несколько лет жизни в этом селении факта приезда священника я не видал никогда, и никогда не был в этом униженном храме внутри.

Родители мои были атеистами разума, суеверная компонента религии была им по духу чужда, но они никогда не позволяли ни детям, ни себе никакого неуважения к чувствам и убеждениям людей, то есть признавали религиозность души человеческой законным выбором этой личной души.

Впервые в церковь привел меня в городе Курске отец, я чувствовал себя в ней неловко, я был там чужой и мне неудобно было смотреть на людей, открыто выражающих свои тайные духовные чувства в присутствии нас – любопытствующих со стороны. Тем более что был я тогда вполне искренним пионером и церковь была мне табу. Короче, был я тогда в Божьем храме смущен. В те годы я не знал за религией, кроме суеверия, ничего, лишь много лет спустя стал находить несуетное содержание под слоем суеверий, а когда в первый раз переступил я порог храма Божьего ради мира в душе – я и не помню уже. Но было это в другие годы и от селения Больше-Солдатское далеко.

ГЛАВА 6. В ШЕСТОМ КЛАССЕ СЕЛЬСКОЙ ШКОЛЫ

Возраст 6-го класса средней школы оказался переломным в некоторых важных отношениях для меня. В том году из-за тяжелой болезни матери я жил в районном селе Больше-Солдатском как бы полуодин – мама лечилась в клиниках и санаториях других областей и заново училась в то время ходить, отец с другой своей семьей жил километров за 70 от меня, тетки обретались в трех разных городах, маленькую сестренку временно забрали до выздоровления матери в детдом... а присматривает за мною и кормит меня одна приятная простая семья: хозяин дома – мужчина трезвого поведения, работает кузнецом в МТС, хозяйка подрабатывает, возможно, в колхозе и на разных подспорьях через сельсовет, в семье толковые дети, есть и хозяйство приличной руки. (Я с искренней, многолетней благодарностью вспоминаю ту простую семью, и по другой линии мемуаров ей отдельная глава отведена.) Сами понимаете, для прощания с детством такие одиночные условия бы подошли.

Во-вторых, именно тогда накопленная энергия недоверия к миру взрослых людей стала заметно сказываться на мне. Факторов было множество, описал я не все – только то, что легко описать. Очень трудно, например, передать ощущения

при виде ровных рядов проржавевшей, негодной сельскохозяйственной техники, хорошо видимых из школьного окна. Если она была когда-то годной, почему под открытым небом стоит? Если изношена законно, почему не свезли на металл? Колхозник обязан заработать в колхозе установленный минимум трудодней, иначе приусадебный участок от него заберут. А люди в трудодни не верят, лишний раз на работу идти не хотят, на участок себе наработали – ладно, горбатиться зря не пойдем. Вот бригадиры да звеньевые и ходят утром по дворам и гонят словами людей буквально как на барщину в колхоз... Постоянно идет кампания по ликвидации безграмотности на селе. (Моя мама – учительница и активистка, я вижу этот процесс.) За год столько-то бабок научили читать и писать, но мелкому служащему из сельсовета или района бабка сказывается неграмотной все равно – чтоб не заставили «лишнего» подписать. Стимул учиться в старших классах у деревенских ребят простой – колхозники паспортов не имеют или получают их с огромным организационным трудом и не могут поэтому надолго покинуть по собственной воле село. Окончившим же десятилетку паспорта выдаются как бы сами собой, и только тогда они становятся полноправными гражданами страны, в которой правит, как известно, «союз рабочих и крестьян». Поэтому и приходили в школу иные юноши и девушки ежедневно за семь километров из деревень, по черноземной осенне-весенней грязи, в которой по ступицы тонут колеса машин и телег, по снеж-

ным заносам зимой. По поводу всего этого и многого другого старшеклассники задавали порою горькие вопросы учителям – тем, кого любили, у кого не боялись спросить. Учителя отвечали, что и сами все видят, но ведь вы уже взрослые ребята и понимаете ведь, что на экзаменах придется вам отвечать не так, как видите вы нашу и вашу общую жизнь, но как положено видеть, как учим вас мы... А что еще могли ответить старшеклассникам в те годы любимые учителя?

Читающий эти строки должен иметь в виду, что мы имеем здесь здесь не историческое исследование России, но чисто личные воспоминания человека, которому в том возрасте более приличествовало знать, кто и когда сочинил фантастический роман «Робур-завоеватель», чем точно помнить годы, когда при Хрущеве проходила ломка новокрепостного состояния советских колхозников-крестьян, когда милицейские власти стали выдавать общегражданские паспорта всем жителям страны, включая деревенских, когда вводили в колхозах прямую денежную оплату труда вместо сомнительных «трудодней», когда вводили пенсионное обеспечение по старости для крестьян... Эти конкретности были мне тогда не по возрасту и не по чину, я пишу здесь только об атмосфере, в которой жил и которая формировала меня. Атмосфера же эта создавалась разными факторами общественного бытия, например, официальное радио в форме так называемой «радиотрансляции» не умолкало с 6-ти до 24-х часов по Москве, и оно не то чтобы не могло открыто сказать,

оно намекнуть не могло на то, что Коммунистическая партия Советского Союза делает чивой-то не таво. Хошь ни хошь, но эфир заполняй, и по изгибам потоков пустословия можно было почувствовать, какие камни в политической тьме огибают они. С одного раза это не получится никогда, но день за днем, день за днем, день за днем... в конце концов почувствуешь неприятственный запах того, о чем «они» не вправе говорить. С другой стороны, я был не только начитанным, нервным и где-то болезненным ребенком – я был довольно общительным дитем, свободно общался с самыми различными людьми, разного возраста и положения в жизни, и даже как бы я нескромно подозреваю теперь, что не только просто «смотрел» на жизнь, но как бы и «видел» ее... Прекрасно помню, как именно в те годы, о коих идет здесь речь, будучи летом в Курске у тети Вали в гостях, бродил я по городу, рассматривая людей, представляя себе их образ жизни, занятия, как бы выстраивая по ним какую-либо повесть или роман. (Для равновесия должен заметить, что у тети Вали в гостях я не только изучением характеров и типажей населения занимался, но также протранжирил с непривычки в местном тире все свои карманные рубли и еще, отправившись с местными хлопцами на речку Тускарь погулять, ухитрился на каком-то промышленном пустыре влезть ногами в разлитую смолу, отчего тете Вале пришлось отмывать керосином не только меня, но также мою одежду и обувь всю. Так что не только философом, но в какой-то мере ребенком в те годы я тоже

был.)

Итак, мы видим, что не только немолчное радио и разнообразные книги формировали мой общественный кругозор, но и общение с разнообразными людьми, что придает моему кругозору некоторую насыщенность и полноту. Здесь же, на этих страницах, я стремлюсь всего лишь передать атмосферу, в которой жил, и подбираю не только те обстоятельства, которые видел, но и те, о которых слышал от людей. Поднимите подшивки газет «Правда», «Известия», «Труд», журналов «Коммунист», «Молодой Коммунист», «Блокнот Агитатора» и др. за те тоталитарные годы, вчитайтесь в них – и решайте, насколько точен здесь я, оценивая эпитетом «затхлая» общественно-политическую атмосферу в стране.

Я не знаю, как сложилась бы моя жизнь, если бы я со всей своей библиоманией, с прелестным видением природы в целом и в мелочах, с волшебными снами, с мистическим страхом и прогулками по ночам, с доброжелательным отношением ко мне самых разных людей – нашел бы отклик и нишу в идеологии нашей страны. Но этого я не нашел, а постепенно копившееся ощущение, что «взрослые», все очень милые порознь, в целом, как система, делают что-то не то и не так и делают это как-то очень нехорошо – еще не будучи высказанным и определенным, это смутное ощущение привело в середине 6-го класса к тому, что я как-то резко и сразу потерял интерес к официальной общественной деятельности

в школе, а членство в «совете пионерской дружины», которым наивно гордился я поначалу, представилось мне в свете тусклом, ненужном, чужом. По-прежнему я чувствовал себя как рыба в воде во всяких там тусовочных делах, во всяких драм- фил- физ- и прочего качества кружках, выпуске стенгазеты всем обществом со смехом, возней и спором – но в официальные «собрания», «президиумы» и «советы» с тех пор меня было не затащить, и это уже на всю жизнь.

Пожалуй, мой нелюдимский стаж именно с этого времени и следует нам считать. Несколько ярких примеров по этой теме в контекст не вошли – как и не все детали конструктора входят порою в модель. Если я не сумел объяснить здесь истоки моего нелюдимства – мне очень жаль. Я старался как мог и сделал как получилось. Нам же нужно теперь дальше по теме идти.

Замечу здесь вскользь, что за время моего отсутствия (около 60-лет) заметно похорошело село. По снимкам из космоса видно, что стало побольше оно, вроде бы новое широкое шоссе связало его со страной. По фотографиям в Яндекс-фотках видно: есть уже новая церковь, много новых хороших домов. Восстановлены руины самого приметного в архитектурном отношении здания, в которых играл я когда-то в составе ребятни и рядом с которым выкапывал ножичком из земли блестящие пороховинки для «поджигных». На прежнем месте и сквер, в нем – братская могила солдат Великой Отечественной Войны. Сколько там было имен,

на фасах постамента под памятником гипсовым, стандартным, простым... А ведь между тем массаракшем и моим приездом в село едва-то прошло десять лет – суший пустяк с высоты теперешнего возраста моего. Так может быть, был я тогда со своим нелюдимством неправ, принял осложнения после тяжелейшей болезни страны за лейтмотив бытия? Сложная штука жизнь...

ГЛАВА 7. ЮНЫЙ ТЕХНИК

В классах 7,8,9 и 10-м учился я в трех разных школах двух разных городов. Все они были очень разные – и школы, и города, и все интересно по-своему на свой оригинальный манер. Однако наша тема узка, и по той же причине, по которой я не описываю в прошлой главе прекрасно поставленную и социально значимую художественную самодеятельность школы в Больше-Солдатском селе, я воздержусь от подробного описания этих населенных пунктов и школ, ограничусь их нумерацией 1-я, 2-я и 3-я школы (а школа в Больше-солдатском селе станет в этом ряду, так сказать, «нулевой»).) Иначе, во-первых, сочинение станет непомерно большим, а во-вторых, читателю будет трудно поверить в нелюдимость лирического героя, который столь активно участвует в драмкружках. Однако в этом и соль вопроса, что мое постепенное, шаг за шагом нараставшее отвращение ко всякому общественному делу в те годы коснулось только того, что пахло отвратительным запахом лицемерия в нашей стране, но не все же было так плохо у нас! Была масса интереснейших, умных, честных людей и дел, и тогда я еще не уклонялся от них. Та же художественная самодеятельность в Больше-Солдатской средней школе развивалась в зданиях, мало пригодных для школ, а школьный двор выходил на руины, которые я в прошлой главе упомянул.

Сколько в школе было ребят в старших классах, потерявших отцов на войне, сколько в младших классах, потерявших теток и дядьев! А сколько в семьях было раненых и калек! И вот на школьном-то вечере при переполненном зале (многие родители пришли) школьная самодеятельность ставит отрывки из Шиллера и Гете на немецком, естественно, языке, и ей рукоплещет зал. Каково?! Разве можно пройти мимо этого и участия в этом не принимать?

Но с другой стороны, в том же самом достославном селе Больше-Солдатском местный партийный бугор, не то председатель райисполкома, не то секретарь райкома (не припомню точно сейчас) подъезжает на своей казенной «волге» к партийно-государственному крыльцу и обнаруживает сырую погоду вокруг. Водитель машины выходит и лакейским манером подстиляет газетку ради того, чтобы районный вельможа мог ступить на крыльцо, не опачкав штиблет. Народ это видит и жизнерадостно шутит: – по правде ходит хозяин-то наш, по «Правде»... В те же годы происходит заметное имущественное расслоение колхозов – некоторые из них вполне приличны, и колхозникам в них хорошо, другие неуклонно скатываются в нищету. Мой отец – специалист сельского хозяйства, работал на низовке в этом деле всю свою жизнь и заслужил на этом кучу трудовых правительственных наград. При редких наших встречах в ответ на мои вопросы он с горечью объясняет причины расслоения подробно, одна из важнейших причин – явно неправиль-

ный, неравно-стоимостной порядок приема обязательных госзакупок от «социалистических коллективных хозяйств», то бишь «колхозов», установленный партийно-государственным руководством страны, а радио как будто ничего не замечает и бу-бу-бу. Даже самый маленький ежик в Кочегурском лесу почуял бы, заподозрил бы какую-то связь между несовершенным порядком госзакупок в стране и важным, неприступным обликом партийного бугра. Копаться в этом мне не хотелось, и я с непосредственностью подростка просто отворачивался от этого ото всего. «Бороться» с этим тоже не хотелось – так как бороться с «этим» – значит копаться в нем. Так что душа сама поворачивалась к этому спиной и уходила в оставшийся, великолепный и часто воображаемый мир. Так что противоречия в этом нет – можно и «политику» не любить, и общительным быть в одно и то же время, сохраняя цельность характера и души.

Главное здание первой из означенных выше школ наполовину лежало в руинах после войны. Занятия велись в уцелевшем крыле, остальные части здания строители восстанавливали уже при мне. Вскоре после моего прибытия в школу педагоги устроили субботник – совместным «коммунистическим» трудом школьники старших классов должны были расчистить и выровнять там некий разбитый машинами проезд. Я успел подойти туда, когда работа уже кипела вовсю, сыскал свободную лопату и пристроился с краешку к ряду наших ребят, стараясь интенсивностью усилий скрасить

неблагоприятное впечатление от опоздания в строй. К моему удивлению, я был встречен ухмылками и непонятными шутками ближайших ко мне ребят и ядовитыми окриками тех, кто подальше стоял. Оказалось, весь фронт работ был поделен педагогами на участки по классам, который класс раньше свою работу закончит – тот раньше домой и уйдет. Напрасно я апеллировал к волшебной прелести свободного труда при коммунизме – точка зрения распорядителей этого «мероприятия» оказалось иной. Я продолжил «свободный коммунистический труд» на участке своей «бригады», но радости от субботника не получил.

Далее все продолжалось примерно в таком же ключе. Самодеятельность в школе оказалась без иностранного языка, и первую же свою русскоязычную роль я блистательно провалил. Я должен был сыграть растерянного интеллигента в водовороте революционных дней. Я должен был рассеянно выйти на сцену, остановиться над героем-красногвардейцем, раненным в страшном бою за светлое будущее всего рабочего мира и бросить в пространство какую-то реплику, вроде того: «О времена! О нравы!» Затем должны были подбежать другие герои, и дело бы дальше пошло. На репетициях все шло как надо, но выйдя на сцену, я вдруг подумал, что образ заблудшего интеллигента как бы недостаточно достоверен в игре, ранее отрепетированной мной. Этот старорежимный интеллигент наверняка был верующим человеком. В такой момент экспромт рождается мгновенно, любой артист отве-

тит: «Это да!». Долго не думая, я вышел в нужную точку, посмотрел на лежавшего «красногвардейца» (так и подмывает написать – который рожи там строил мне; но это неправда, он старательно скромно лежал) и... крестным знамением я себя осенил! Хохот в зале взорвался невероятный. Это был гомерический массовый хохот, сыпался мел с потолка. Ну и что? Комики в нашем репертуаре были не нужны, и в дальнейшем меня ограничили (даже в «Борисе Годунове»!) работой над реквизитом, чему я тоже очень был рад.

Вследствие особого стечения обстоятельств, которые подлежат подробному рассмотрению в других линиях моих воспоминаний, во всех этих школах были, правда, в малом числе, детки из особых семей. Например, в той первой школе училась девочка, дядя которой работал в аппарате ЦК. Она была уверена в том, что Никита Сергеевич Хрущев вовсе не так уж и глуп, как о нем говорят. Он действительно хочет блага стране, но его ненавидит большинство в тех высших кругах и оно, это консервативное большинство, преднамеренно доводит до дури любую его позитивную мысль. Если бы все наверху были такими, как ее дядя, то кукурузу не сеяли бы по всей стране, но только там, где она по науке нужна. Но таких там немного, и Хрущев одинок.

В других школах были, например, сын одного западноевропейского социал-демократа, с оружием в руках пытавшегося остановить коричневую чуму на баррикадах и после военно-полицейского поражения бежавший в нашу страну еще

до Великой Войны. Он воевал добровольцем уже на нашей Великой Отечественной Войне, был ранен и остался у нас. Был также мальчик из Азии, отец которого сложил свою честную голову в боях против американского империализма на Дальнем Востоке уже после Второй мировой войны, но семью заблаговременно отправил в Советский Союз. Были и другие ребята и девочки, общение с которыми заметно расширяло кругозор. Были и просто спортсмены – очень интересные парни, они находили возможность для тренировок даже в свободные дни. Директор одной из школ был в свое время переводчиком в Индонезии и на официальной основе рассказывал школьникам (притом не только «активу») много интересного, вполне лояльного официальной идеологии, но в газетах не принято было об этом писать. В общем, в школах было интересно, но только не на уроках и не на разных «собраниях» тоже, поэтому вернемся в школу №1, в которой я так неудачно дебютировал сначала с лопатой, затем на сцене в интеллигентных очках.

Как известно, количество способно в качество переходить. В моем случае это заметно произошло в 7-м классе, когда суммарная начитанность прошлых лет дала очень вредный эффект – на фоне менее начитанных детей я мог почти не учиться совсем, в крайнем случае как-нибудь выкручивался за счет богатства словарного запаса и разнообразия форм выражения мысли на правильном языке, а сами по себе «положительные» отметки уже не интересовали меня, так

как прогрессирувало равнодушие к «системе» в целом и появилась даже некая, что ли, бравада, родственная браваде озорной ребячьи. Есть особый шик в том, чтобы «тайно» в школе курить, но так, чтобы тайной курения как бы хвастаться всем. Я, естественно, не курил, это мелко по масштабам моим, мой собственный шик заключался лишь в том, чтобы вести себя безупречно и, не зная урока, на глазах всего класса с блеском на тройку (а случалось, на «пять») выкручиваться у доски, презирая при этом и «отличников», и «хорошистов», причем почему-то последних я особенно невлюбил. Больше всего мне не нравилось то, что и отличников, и хорошистов педагоги затягивают в «актив», сначала в пионерии, потом в комсомоле, а этого я не хотел. Учителя почему-то меня не понимали и однажды был случай такой: меня предупредили, чтобы я обязательно на общем собрании был, так как меня будут в президиум «выдвигать». Совсем не придти – это было бы слишком, поэтому я «опоздал» и со злорадным удовольствием созерцал из дальнего угла «отличников и хорошистов», томящихся на сцене за длинным столом.

Учителя настолько не понимали меня, что в первой школе на общем годовом построении я был награжден значком «Юный техник» по итогам года за 7-й класс. Это было полной неожиданностью для меня, но на построениях возражения бесполезны, и на попытки сопротивления я получил ответ от завуча школы такой, что сегодня де слишком сумбур-

ный день, и она приглашает меня на чашечку чаю назавтра к себе домой. Спокойно и поговорим.

Квартира завуча была от школы недалеко. Шел я туда в боевом настроении, но потерял весь пыл, только туда войдя. Вся небольшая квартирка была заполнена правильными деревянными стеллажами абсолютно библиотечной добротности и вида, на стеллажах плотными ровными рядами стояли полные собрания сочинений одно новее другого, и ни единой закладочки не торчало из них. Я сразу подумал, читала ли их она. Этот вопрос мучил меня во время всей церемонии за чайным столом, а с таким вопросом в башке ни один дипломат успешно политику не проведет. Я пытался объяснить своей визави, что в нашей школе имеется прекрасная механическая мастерская для уроков труда, и некоторые ученики старших классов чинят в ней мотоциклы, я же от этих умений бесконечно далек и считаю тех мастеровитых учеников более достойными кандидатами на получение такого значка. Завуч, весьма респектабельная полная дама предпенсионных педагогических лет, заботилась о моем чае, расспрашивала о родителях, о семье, а по существу вопроса отвечала, что насчет ремонта мотоциклов она подробностей не знает, зато ей давно доподлинно известно, что только один мальчик в школе делал в той мастерской приборы для физического кабинета в дополнение к тем, что там есть. Я объяснял, что приборы мои не работали и не в счет. Завуч возражала в том смысле, что представил меня к награде учитель

физики на педсовете, а он считает, что для усвоения физических законов намного полезнее понять, почему не работает самодельный прибор, нежели отбарабанить по учебнику как попугай, отчего работает прибор фабричный. Она же, как гуманный, не вправе оспаривать мнение специалиста на этот счет. Значка «Юный физик» нет, нашли подходящий этот, по смыслу ближе всего... Короче, битву титанов я проиграл, и остался злополучный значок у меня. Я его не носил – было стыдно, а впоследствии он затерялся в переездах по огромной стране. Этой потери мне жаль – очень хороший значок.

Но как бы то ни было, доверие ко «взрослому миру» получило еще один ощутимый удар и процесс отчуждения от интересов и действий старшего поколения в нашей стране продолжался своим чередом.

ГЛАВА 8. ТЕ ЖЕ И НВП

Когда я учился в 7-м классе, по всей стране был большой переполох по причине усиления трудового воспитания в школах. Государство никак не могло разобраться в различии между классическими гимназиями и так называемыми «реальными» училищами царских времен и пыталось втиснуть в советскую среднюю школу и то и другое зараз, но в результате, как водится, ни того ни другого оно получить не смогло. Однако в нашей школе был гениальный директор и талантливый педагогический коллектив, отчего удалось организовать при школе несколько небольших, но хорошо оборудованных разнопрофильных мастерских, в коих с большим удовольствием околачивались многие ученики, и ваш смиренный повествователь лично бывал среди них. Ни разу не был я только кабинете домоводства для девочек, а в швейную мастерскую для тех же девочек я с каким-то техническим поручением как-то раз заглянул и был очень смущен любезнейшим приемом почтеннейшей начальницы-портнихи и оравы девиц. Впрочем, возможно, что «кабинета домоводства» и не было вовсе там, только швейная мастерская была, а также и единственность посещения я под присягой показать не смогу. Навскидку вспомнилось, будто бы раз, а столько десятилетий прошло. Как там у Грибоедова-то нашего про Молчалина говорили: «...

шел в комнату, попал в другую...". Будем считать условно, что заходил только раз.

Девочки вполне серьезно не только «учились», но и реально научались там шить. В школе была традиция – в официальных случаях все девочки присутствуют в стандартной школьной форме, а на неофициальные школьные «вечера» старшеклассницы надевают то, что сшили сами в той мастерской для себя, со свободным выбором ткани, с подбором фасона к лицу – вот это был там цветник! К моему удивлению, в двух последующих школах и тени не было такого педагогического ума – девочки шить не умели, одевались из магазинов, очень скучных в те времена.

В старших же классах, в 9-м или в 10-м уже, был один ученик вполне добротной комплекции и приличных для юноши сил. Он вполне осознанно выбрал себе по жизни профессию портного и был единственным мальчиком в школе, занимавшимся в той мастерской серьезным обучением вполне профессиональному шитью. Там он занимался, естественно, в компании девиц, все остальное время так же естественно проводил в компании ребят, и в звериной иерархии подростков его статус был очень высок. Сочетание добротного статуса с девичьей мастерской я долго не мог понять и однажды в школьном коридоре стал издеваться над ним – будучи мальчиком хотя и длинноватым, но семиклассником всего лишь в тот год, по возрасту нескладным и по медсправкам официально «больным». Некоторые ребята стали меня уре-

зонивать, другие с любопытством смотрели спектакль. Как и многие сильные люди, портняжка был флегматичен и миролюбив. Сначала он тоже был удивлен моими насмешками и пытался словесно меня успокоить, затем перешел к угрозам, но это не помогло. Его раздражение нарастало, он подошел ко мне... Что ж, апперкот – это хорошая штука, сразу вправляет мозги. Когда все вокруг перестало кружиться, в башке же – звенеть и я пришел в себя, я уже твердо знал, что настоящий мужчина может заниматься чем угодно – и даже учиться шитью в гареме прекрасных девиц.

Этот эпизод не входит в лейтмотив нашей темы, но тема нуждается в рамке хотя бы для того, чтобы благосклонный читатель увидеть бы мог, что не в вакууме постепенно и неуклонно я погружался во тьму. Наоборот, школьная жизнь интересной была, я активно участвовал в ней, но это не помогло.

Я не знаю, полностью или не полностью был я освобожден от физкультуры в том конкретном году. На уроках присутствовал, кое-что делал, учитель меня не нагружал. Но от НВП освобождения не было, и я маршировал там как все. Девочки – на «домоводстве», мальчишки – на НВП. Учитель объясняет сущность солдатского бытия как привычку машинально, не вдумываясь, безошибочно правильно выполнять по командам комплексы заученных действий. Комплексы эти разумны и соответствуют условиям наибольшей вероятности решения поставленных задач при сохранении

личного состава в бою. А начинаются эти заученные действия со строевой подготовки – чем и занимается наш 7-й класс, тем более что тогдашняя школьная форма для мальчиков располагала к строевой подготовке просто покроем своим.

Вот ребята поняли вводные, построились, отмаршировали вчерашний урок. Стоим шеренгой лицом к довольно далекой стене.

ШАГОМ – МАРШ! раз-два...

Печатаем шаг, стена все ближе и ближе. Невольно замедляется ход – чтобы носом ее не снести, да и лоб побережь, пожалуй.

ШИРЕ ШАГ! раз-два! **СТОЙ!** раз-два!

КРУГОМ!... **ШАГОМ – МАРШ!** ... итд.

Вот мы снова на исходной позиции лицом к стене, инструктор разъясняет нам нашу ошибку. По его словам, командир все видит, все знает, никаких препятствий в виде стены быть у нас не должно. Снова печатаем шаг, все ближе и ближе стена, я напрягаюсь весь, но шаг держу. **НАЛЕ – ВО!** раз-два! Вся шеренга как один человек машинально, заранее разученными движениями ног выполняет на ходу поворот и с облегчением движется колонной по одному, едва не касаясь правым плечом стены. Даа, командир все видит, все знает и вовремя голос подаст...

А я в то время как раз размышлял о свободе воли, о том,

что такое «осознанная необходимость» и как это может быть так, чтобы «солдаты стреляли в народ», как об этом учебник истории нам говорит. На одном из таких уроков я вдруг почувствовал, как это бывает так, что солдат автоматически выполняет заученный до гипноза прием. Через бездну лет я помню отлично, как стоял я в строю одноклассников перед этой стеной, ждал команду, какую – мне все равно, и вдруг какой-то внутренней плазмой почувствовал всем организмом, что и команды «ЦЕЛЬСЯ!» и «ПЛИ!» я выполнил бы в таком состоянии строевой отрешенности так же безошибочно, спокойно и молча, как сейчас равнодушно готов выполнять и «МАРШ», и «КРУГОМ» – все равно. И в то же мгновение я понял для себя навсегда, что Родина позовет – постараюсь служить беспорочно, но в военное училище сам по себе не пойду, даже был бы здоров. Эта профессия – не для меня, и очень жаль, что всему человечеству она еще очень и очень нужна. Однако и дурак-пацифист тоже не получится из меня, других же за выбор нужной военной профессии укорять я не стану, но это – не для меня. И по наклонной поверхности я покатился быстрее.

ГЛАВА 9. ПОЗНЕР-ШКОЛА

В старших классах средней школы учеба воспринималась мною как досадная доюка, как такое же нелепое правило жизни, как и всё остальное, установленное «взрослыми» на Земле. Я придерживался внешнего распорядка посещения уроков в значительной степени только из-за того, что моя мама по своей основной профессии все же учительницей была и я хорошо представлял себе, сколько неприятностей по работе причиняют нарушители школьного порядка учителям. В этом плане я испытывал чувство солидарности по отношению к учительскому сословию в целом, а во вторых, школьные лентяи и балбесы не имели ни малейшего авторитета в моих глазах из-за своего очевидного сходства с обезьянами; они ничего не знали, не читали, говорили короткими, однообразными, крикливыми фразами, с ними не о чем было поговорить. Я мало общался с ними и был далек от подражания им.

В то же время Коммунистическая партия СССР в упор не видела и не желала видеть социальное расслоение в стране, вводились законы об обязательном среднем образовании для всех, отменялось «второгодничество», чрезвычайно затруднялось исключение негодников из школы и т. п. В откровенном поведении балбесов официальная идеология обвиняла учителей, учителя же, среди которых все больше

и больше становилось женщин, теряли последние рычаги воздействия на негативную прослойку ученического состава школ. Хорошо учились только те, кто уже в 12~16 лет (вне зависимости от социального происхождения, однако) имел осознанные долгоиграющие цели, также ученики, которых в прилежании поддерживала семья. Как сельский житель, среди этих ребят я отчетливо видел тех, кто устраивался в городскую среднюю школу из деревень, из бедных колхозных семей, которые всеми силами стремились вырваться из слабеющих, обиженных судьбой и партией колхозов нашей «свободной» страны. Увы, при всем старании им не доставало начальной образованности для усвоения материала старших классов, им было трудно в ученье, им «натягивали» оценки учителя. А как же с балбесами быть? На этом фоне учителям было просто не до меня, они сквозь пальцы смотрели на то, что я ленюсь, прекрасно знали, я полагаю, что на переменках все отчаянные лентяи пристают ко мне с обычным требованием «дай списать», а если я в тот день домашнюю работу не делал, я тут же взгляну в задачник и расскажу, что и где там надо подчеркнуть, умножить и т. п. Случайно схваченную двойку я исправлю через какое-то время блестящим ответом у доски, останусь по оценкам в середняках и не доставлю никаких неприятностей учителям. О моей внеклассной активности и завсегдайстве в библиотеке они тоже, я думаю, были осведомлены. Короче, им было не до меня. Однако исключение было, и для ясно-

сти этого исключения позвольте мне привести один эпизод из тех дней.

Ясный день, класс; мое место, естественно, у окна (уж на это-то моего авторитета хватало.) Учительница пишет пример на доске – что-то вроде деления двух алгебраических многочленов. Вызывает решать ученика. Ученик путается, сбивается, никак не может числитель и знаменатель на множители разложить. Кое-кто в классе самостоятельно решил в своей тетрадке пример и скучает, в основном же ребята ждут решения с доски. Я давно уже все написал и смотрю от скуки в окно. Соседка по парте успешно списала с меня и занята чем-то своим.

Учительница устала трудиться с одним учеником, отправляет его на место, вызывает другого и так же за ручку пытается его сквозь пример провести. Наконец отпускает его, отворачивается к окну, и я отчетливо вижу ее усталый, безрадостный профиль. О чем же задумалась эта немолодая уже, невеселая женщина, чья профессия состоит в том, чтобы вдалбливать своеобразную, небытовую красоту математических формул в головы тех, кому эта красота не нужна и кто не стремится к ней сам, и кому заведомо полезнее было бы расширение бытового запаса слов ну хотя бы до тысячи разных корней, нежели деление алгебраических многочленов одного на другой.

Учительница вздыхает, смотрит на время и вызывает меня. Я четко, как повороты строевой подготовки на паркете

спортзала, расписываю пример. Лицо учительницы светлеет, классу она говорит: -«Вот видите, ребята, как надо примеры решать!», – ставит пятерку в журнал и отпускает меня. Вскоре звенит звонок. Как бы то ни было, в четверти хуже тройки уже не будет, а ни в отличники, ни в хорошисты никоим образом я не стремлюсь.

В нашей школе было минимум две математички, одна вела алгебру, другая как будто геометрию в нашем классе вела. Кажется, именно геометричка сумела вызвать меня на очень серьезный, с глазу на глаз, разговор. По словам этой учительницы, в нашей школе очень низок уровень преподавания теоретических дисциплин. Трудовая подготовка, практические предметы поставлены в школе отлично, но абстрактная математика – увы. И я хорошо смотрюсь только на нашем слабеньком фоне, если же попаду в более сильную школу – меня ждет неприятный сюрприз, и чем дальше, тем будет трудней. Способности же у меня есть, и я могу подготовиться даже в нашей школе на уровень лучших столичных школ. Мне надо не дурака валять, а просто систематически заниматься, и более ничего. Одному, конечно, заниматься как следует трудно, она может мне в этом помочь, например, методическими указаниями, подбором примеров, анализом работ. Я был тогда настолько глупым подростком, что ее инициативу отклонил, и только в следующем году, во второй уже школе, я увидел ее правоту. Вот там-то и пришлось мне позаниматься вплотную, чтобы выйти на средний уровень уче-

ников. Примеры наподобие упомянутого выше деления двух многочленов там щелкали в три минуты почти что все ученики, и там значительно реже обращались ко мне с просьбами дать им списать. (Но случаи вроде бы были, не без того.)

Заканчивая тему школьного обычая списания уроков, замечу, что в третьей школе этот прискорбный обычай принес заметную пользу мне. Там было два иностранных языка, английский и немецкий, причем в часы занятий иностранным языком класс делился на две группы и расходился по разным местам. Это было очень правильно с точки зрения качества преподавания языка, так как группа из 10-15-ти учеников – это, наверное, оптимум в этом деле или близко к нему. Однако это требует удвоения числа учителей по отношению к наличию классов, и как это неизбежное удвоение прошло через РОНО, ОБЛОНО и т.д., я не любопытствовал даже тогда узнать. Одна половинка нашего класса занималась немецким, другая – английским языком. Естественно, я оказался в немецкой группе, и девочки из этой группы тотчас повадились на переменках перед уроком приставать ко мне с просьбами дать списать, перевести из учебника текст и т. п.

Глядя на них, и девочки из английской половинки класса с такими же просьбами стали обращаться ко мне. (Там была также девочка, которая вела по-английски свой личный домашний дневник. Ко мне она не приставала, а откуда мне известно стало про дневник – джентльмен не скажет никогда.) В школьной библиотеке оказались все нужные учебники.

ки, материалы для чтения, методические материалы – вскоре на равных основаниях я потакал лентяйкам и тем и другим, а впоследствии, уже работая после школы в НИИ, я обнаружил пользу иностранных языков для работы, и английского в том числе. Увы, речь поставить не удалось, но для работы – читал.

Уже в первой школе, скучая на уроках, я заполнял это время как мог. Листал учебники и так и эдак, вследствие чего уже к концу второй четверти знал их хотя и бессистемно, но почти наизусть. На уроках истории и географии я внимательно рассматривал карты, выстраивал воображаемые путешествия по ним, заполняя их, эти карты, содержанием прочитанных некогда книг. Придумывал сюжеты и антураж воображаемых историй, сценографию фантастических кинолент... Однажды задумался я о причинах падения древних царств, а скудные объяснения учителя и учебников на этот счет не устраивали меня, и я от нечего делать развил собственную теорию, которую здесь изложу.

Представим себе Древний Египет на заре своего исторического бытия. Ни каналов, ни иероглифов, ни пирамид – всё начинается только-только сейчас, и, главное – никакой «истории» нет. НЕТ ИСТОРИИ, представьте себе. Жизнь выдвигает проблемы, которые нужно решать. Какие древние племена не сумели решить такие проблемы – те просто исчезли в истории без каких-либо царств, вот египтянам кое-что удалось – они и устроили цивилизацию себе, а заодно

стали учить этому занятию молодежь. Всё бы да ничего бы себе помаленьку, но время идет неуклонно вперед, и лет через сто, к примеру сказать, жизнь выдвигает новые задачи перед новым поколением людей. Новое поколение египтян их успешно решает и включает в учебный процесс. Время идет вперед, и немалое время – тысячи лет. Египтяне успешно решают все новые и новые задачи и включают их в учебный процесс. В конце концов учебный процесс наполняется так, что учиться надо долгие годы, успешно заканчивают курс только зубрилы одни, «отличники», не к ночи будь помянуты, да «хорошисты», а кто и не был зубрилою по природе – от такого учения зубрилкою стал все равно. А много ли пользы от зубрил, ведь они хорошо решают только задачи прошедших времен, коих и нету теперь, а решение новых проблем им приходится не по зубам. Да и цивилизацию-то изначально создавали не зубрилы отнюдь, нечего было, известно, в самом начале зубрить. Стоит ли удивляться тому, что вследствие перегруженности учебного процесса опытом прошлых времен новые поколения молодых египтян теряли способность к решению новых задач. Например, давно пора было переходить с иероглифов на алфавит, а им – невдомек. Пришли греки с алфавитом, сделали им «эллинизм», только всего и делов. Эта теория оказалась применимой к древним великим царствам вообще, а как это повлияло на мое отношение к учебе – если читатель в школе еще не успел заучиться вконец, он догадается сам.

Иногда я обращался с разными вопросами к учителям, но, как правило, ответы не устраивали меня. Например, при общем равнодушии к СМИ, однажды я все же обратил внимание на короткое победоносное сообщение в общем потоке районных новостей о том, что некое СМУ (или УНР, не припомню сейчас) перевыполнило квартальный план строительных работ на сколько-то тысяч рублей. Насколько я понимал в этом деле, строительно-монтажные управления стоят не «деньги» – сооружения, объекты строят они. Учитель-мужчина (географ или историк, кажется – географ) попытался мне объяснить плановую связь между строительством и расходами на него. Выходит так, – с огромным недоумением продолжал спрашивать учителя я – что главная задача в строительстве – это расходовать деньги, а стройка – это как бы побочное приложение к ней??? Учитель устал объяснять это мне, и мы закончили исследование этой темы на том, что я еще мал, подрасту – разберусь, а пока «не бери в голову», все путем.

Далее, возьмем концентрацию школьного курса литературы на таких, например, сочинениях, как «Недоросль», «Ревизор» и даже блистательное «Горе от ума» – разве не похоже это на то, как если бы наши потомки лет через двести-сто станут изучать наше время по материалам журнала «Крокодил»? И вообще, зачем нам всем без исключения нужна классическая литература феодально-буржуазных времен? Не практичнее было бы изучать то, что ребята читают реаль-

но, ну, «Человека-амфибию» там, «Аэлиту» и проч. Обязательно я включил бы в курс своеобразного «Конька-горбунка». Мало того, что я с детства любил эту сказку, свидетельствую сверх того: на моих глазах в деревне простой бригадир простой плотницкой бригады читал на отдыхе товарищам всего «Конька-горбунка» наизусть без заметных купюр, и слушали товарищи с удовольствием простую декламацию его, тогда как «Онегина» ныне ценит не каждый-то интеллигент, а Печорин – вообще не герой и не нашего времени вовсе. А из буржуазно-феодальной эпохи я взял бы Жюль Верна, Майн Рида, еще кого-нибудь. Удовлетворительного разрешения такие вопросы не получали, так что все это продолжало негативно влиять на мое отношение к миру «взрослых» людей, и никакого стремления войти во «взрослый» мир со всеми своими потрохами по-прежнему не было у меня. И по-прежнему «Ихтиандры» да «Ариэли» прочно владели мной.

Как литературные герои, они тоже окружены литературными «взрослыми» людьми, персонажи есть и хорошие, и плохие, но очевидных глупостей в воображаемом, сочиняемом мире нет. Впоследствии я понял, что очевидных глупостей в воображаемом мире литературы нет по тем же самым причинам, по которым прямая музыкальная фальшь под перо композитора не попадет. Тогда же я был подростком и воображаемый мир, в котором как бы рисуется всякое, но рисуется ясно без фальши, и даже фальшь, присущая негод-

ному герою как его особенная черта, изображается писателем без фальши – этот искусственный мир понятнее, яснее и ближе был для меня, чем отчетливо лживый реальный мир. Если персонаж в книге лжет, то он лжет другому персонажу, но не читателю, не мне. В реальности же люди лгут мне, а кому же понравится это. Не имея по возрасту способностей разобраться в этом во всем, не анализируя свое поведение вообще, я отворачивался от реального мира и погружался в воображаемый мир.

Среди моих мечтательных развлечений на скучных уроках было порой и такое: изобретал я школу, в которой программа была бы разумной, а методика прохождения дисциплин имела бы принципиальную основу в живой непосредственности занятий в кружках. Это была всего лишь игра со скуки в уме, но вот спустя много-премного лет, во время перестройки еще живых развалин СССР на новый «свободный» лад известный телеведущий Владимир Познер рассказывал в одной из своих передач о своих родителях, переездах семьи из одной страны в другую, о школах и «университетах» своих. В частности, он подробно рассказал о школе с оригинальной методикой преподавания в Нью-Йорке, в которой он во время своего тинэйджерства имел удовольствие быть учеником. Слушая тот рассказ, я не верил своим ушам – мы с товарищем Познером, оказывается, учились в очень похожих школах: он в далеком Нью-Йорке реально, я – воображаемо в СССР.

Некоторые читатели могут подумать, неужели в стране совсем уже не было школ для особо одаренных детей? На это отвечу я так.

Особо одаренным ребенком я не был, в методическом отношении все мои отличия от одноклассников были следствием пристрастия к чтению и суммы рано прочитанных книг. О мистике и размышлениях о сути бытия я не рассказывал никому (никто и не догадывался об этом со мною поговорить) а направляли в такие школы, если они и были, отличников прежде всего. Я же отличником не был и не стремился им быть. Ночью из мистического любопытства по пожарной лестнице на крышу шестиэтажного дома я лазал.

В пионерских президиумах – не сидел.

ГЛАВА 10. КОМСОМОЛ

Первоначально я не обращал никакого внимания на комсомольские организации в школе, но когда уже в моем классе началась-поехала кампания по вступлению в комсомол, то я увлекся этой идеей и размечтался было о том, что вот теперь наиболее продвинутые ученики старшего 8-го класса нашей школы станут товарищами по комсомолу своих молодых учителей, и мы с ними на комсомольских собраниях станем совместно обсуждать наши внутришкольные проблемы и вместе работать над решением их. Как обычно, ни с кем из «старших товарищей» я такими мыслями не поделился, и никто не мог развеять этот мираж. В то время я как раз учился во второй школе, которая вообще была сформирована незадолго до этого именно как восьмилетка от нуля, и мы становились поэтому первыми школьниками-комсомольцами в ней. Так что даже и простого примера школьной комсомолки не было в натуре передо мной.

Я не скажу, чтобы кампания приема в комсомол была бы совсем уж убогой – наоборот, вроде прилично все это прошло. Но вот я узнал, что общие, единые комсомольские организации в школах если и были когда-нибудь в нашей стране, то во времена Павки Корчагина, не иначе, а с тех пор уже много воды утекло в реке под названием «социализм». Наша ученическая комсомольская организация оказалась орга-

низованной от учительской комсомолки отдельно, ни о каких совместных собраниях и речи быть не могло, и это сразу погасило мой интерес. В последующие годы в третьей школе я был вполне пассивным членом организации, из поручений вешали на меня только выпуски стенгазет (что, впрочем, нравилось мне) а также по линии физического кружка с двумя-тремя товарищами и официальным письмом от школы ездили мы по «ящикам» нашего городка и звонили из проходной в заводской комитет комсомола. Там уже знали о нас и обеспечивали в порядке шефской помощи разной лабораторной мелочевкой, которая заводу не стоит практически ничего, но для школьно-кружковских самоделок очень бывает нужна. Но я не думаю, что для таких поручений хоть какое-то значение мог иметь мой комсомольский билет, да и билеты моих товарищей тоже.

Однажды, к моему огромному удивлению, я оказался участником одного происшествия, смысла которого я до сих пор не пойму. Поэтому будем условно считать, что это было нечто такое, непонятно конкретно нам что.

Как-то раз в разгар учебного года один из школьных авторитетов обошел некоторых школяров и предложил вечером часов в семь подойти в кабинет директора, но никому об этом не говорить. В кабинете директора собралось со всей школы, ну, вроде как десять так человек. Там был незнакомый парень, внешне, по одежде и по манерам – ни дать ни взять электрик, идущий со смены домой. Директор предста-

вил его собравшимся как офицера милиции (вроде бы лейтенант, точно не помню уже.) Этот «простой рабочий парень» преобразился и в четких, ясных выражениях, уверенно и абсолютно правильно применяя профессиональную, юридически ясно осмысленную речь, сообщил нам о серии весьма вредных преступлений, следы которых по оперативным данным приводят в наш микрорайон. Похоже на то, что преступник тут же и живет, знает каждую дырку в заборах, а местные жители давно примелькались ему. Недооценивать противника не надо.

Как ни маскируйся, он может заметить избыток оперативного состава в микрорайоне и лечь на дно. Мы же, как местные школьники, тоже примелькались ему, тем более что мы вечно что-нибудь затеваем, лазаем, деремся, собираем металлолом и вообще в микрорайоне свои. Наша задача такая: покрутиться на местности до конца операции час-полтора, ни во что не вмешиваться и в оба глаза повсюду смотреть. Заметив что надо, немедленно в точку связи ему сообщить.

Эта песенка была так уверенно спета, что никто и не усомнился из нас. Я прокантовался до отбоя операции в своей зоне ответственности (угол соседнего со школьным двора, знакомый проход со школьной территории через качающуюся доску в заборе) ничего подозрительного не обнаружил и тем исполнил свой долг. Через несколько дней нам также полуофициально сообщили, что преступление раскрыто, преступник найден, милиция нас благодарит. Более

того, преступник оказался женщиной, ее ребенок учится в нашей же школе в пятом классе, и когда это вскоре стало известно всем, он был еще среди нас. Его обступила любопытная школьная братия, он очень смутился, он стал героем на час. Я с брезгливостью прошел мимо этой оравы, мельком взглянув на него. Наше участие не афишировали, а я в мыслях своих был настолько от мира далек, что даже не думал о причинах отсутствия каких-либо «грамот», благодарности в приказе по школе всем участникам операции итп.

Эта история ушла после школы в тень, и вот теперь, вспоминая ее, я подвергаю ее сомнению уже потому, что времена Павки Корчагина, когда партия абсолютно верила комсомольцам, а комсомольцы 16-лет с отвагою шли на все – те времена закончились тогда уже давно, и вряд ли начальники под свою ответственность разрешили бы привлечь неподготовленных несовершеннолетних «детей» к какой бы то ни было «операции» вообще. Не было ли это своеобразным научно-исследовательским экспериментом, маневрами, родом учений? Но как же тогда сын преступницы пятиклассник? Или низовые начальнички-милиционеры, страдающие избытком инициативы, провели этот номер на свой страх и риск, а затем заметали ответственность под ковер? Во всяком случае, из этого следует, что руководители школы зачисляли меня в ученический комсомольский актив.

Некоторый косвенный свет на это происшествие могло бы пролить описание характера того преступления, но всякий

косвенный свет создает лишние тени, и мемуары превращаются в чисто литературный рассказ. Ничего не поделаешь, эта история так мало интересовала меня тогда, что я не запомнил деталей, и здесь я пишу о ней как о самом ярком эпизоде моего участия в школьных комсомольских делах, если не считать случая, когда я нарисовал для стенгазеты столь совершенную карикатуру на одну двоечницу в нашем классе, что она, карикатура, до такой степени восхитила всех и саму ту двоечницу тоже, что некий верзила безбашенный тут же на глазах всех почитателей моего таланта выхватил ее перочинным ножом из стенгазеты и очарованной модели вручил. Поскольку та колоритная ровесница интересовала меня только как художника и не более того, то я, как художник, этим доказательством признания моего искусства был польщен. Во всяком случае, таинственные прогулки поздними вечерами во тьме подъездных железнодорожных путей предприятий и лазание по платформам с огромными фигурными литьевыми формами и отливками на них запоминались мне ярче, чем тот комсомольский рейд.

Чтобы не нарушать смысловую линию последующих глав, я расскажу здесь за мой комсомол вообще. Вскоре по окончании школы я затеял было писателем статью и направил в один из журналов некий фантастический рассказ, с простительным банальным волнением ожидая ответ. Нескорый ответ был очень и очень доброжелательным, конкретным и корректным, однако по смыслу разгромным, литературно-

го дарования нет. Более того, обдумав аргументы литконсультанта редакции, я поразмыслил над рассказами Чехова, кажется, еще Мопассана и пришел к заключению, что редакция все же права – и оставил писательство надолго, если не навсегда. Но в тот же год написал я еще один опус – длинное письмо в Комсомольскую Правду, в котором подвергал критике комсомол. Когда-то структура и функции комсомола соответствовали тогдашним задачам и все это было тип-топ. Но времена изменились, задачи теперь другие, поэтому следует реорганизовать Всесоюзный Ленинский Коммунистический Союз Молодежи – ВЛКСМ – под них. Естественно, я предлагал и конкретные изменения в задачи комсомола и в устав.

Письмо напечатано не было, а через промежуток времени вроде бы в год или более того со мной попытался связаться товарищ из идеологического сектора (или отдела?) ЦК ВЛКСМ, еще молодой человек. Я позвонил ему по оставленному им телефону и услышал, что мое письмо «интересно», что нужно встретиться и «поговорить». Я отвечал, что не вижу необходимости в этом. Я по-прежнему готов подписаться под положениями того письма, я действительно думаю так. Вопрос только в личных жизненных планах и более ни в чем. Я не общественник, не активист. Я – технарь, у меня интересная и полезная обществу работа в НИИ. На комсомоле свет клином не сошелся, работой тоже строят коммунизм. За прошедшее время я твердо решил остать-

ся пассивным членом комсомола, то есть платить членские взносы (они совсем невелики, не о чем и говорить) участвовать в собраниях, мероприятиях, изредка поручения выполнять. Кстати, я еще недавно был членом Комсомольского Прожектора, в организованном порядке фотографировал нерадивое отношение к аппаратуре с последующим размещением фотографий на надлежащем стенде в НИИ. Теперь я этим не занимаюсь по причине перехода на другую работу, но зато участвую в народной дружине – тоже полезная вещь. Другими словами, я такой же комсомолец, как и масса других, и выделяться из них не хочу.

Более того, я вовсе не уверен в окончательной правоте моего письма, так как это всего лишь точка зрения одного человека. Возможно, более опытные люди могут поспорить с ней. Если письмо не печатают, значит, не все так просто. Но это дело организаторов комсомольской среды, а я рядовой комсомолец – лейтмотив моей жизни иной.

Незнакомец выразил сожаление по поводу моего отказа заниматься этим в дальнейшем, и эта тема исчезла из моей жизни навсегда. Никогда ни при каких обстоятельствах не замечал я негативных последствий этой истории, работая на режимных предприятиях, например. Фамилию того парня я вроде бы позабыл, но спустя много лет встретил очень похожую фамилию в каком-то официальном сообщении по поводу ответственных мероприятий в ЦК КПСС, в перечислении «ответственных работников аппарата ЦК».

Нет ничего удивительного, если это был он.

Более никаких активных действий в комсомоле я не затевал, лишь в последний год комсомольского стажа, вопреки моим самоотводам, воплям и слезам, меня выбрали-таки окаянные бездушные коллеги комсоргом отдела математических методов исследования в одном НИИ. Эта история подробно описана мною в серии «ДД в НИИГОГО», в рассказе «Волшебная сила науки, или Дубеев – комсорг». Здесь я добавлю только то, что в общем комитете комсомола предприятия был в то время один интересный товарищ, очень хороший специалист с загадочной судьбой. Близко я его не знал, но он хорошее впечатление на меня производил. Так он однажды мне с глазу на глаз сказал, чтобы в своем стремлении досрочно освободиться от статуса комсорга я бы поосторожнее был. В комитете поговаривают, что не наш это ты человек, чувствуют товарищи нюхом – не наш. Но взять меня не за что: скользкий, говорят, сам выскальзывает из рук – знает, сволочь, слова... Но это никак не связано с письмом в Комсомольскую Правду с десятков лет до того, ведь я действительно в том комитете нагло вато себя держал. Предупреждение было понято мною, и коррективы я в поведение внес. Тем и закончился законными образом в 28 лет мой комсомольский стаж. Но билет я, понятное дело, храню.

Осталось сказать, что при развале СССР, на последнем съезде комсомола было много крику по поводу необходимости перемен. Звучали и конкретные предложения – я слушал

их по телику и смеялся – неужто в архивах нашли то письмо, ха-ха-ха. Конечно, нет, к тому времени все это просто в воздухе носилось само собой, и они взяли это из воздуха сами, но опоздали с реформами на много ответственных лет.

Конечно, здравомыслящий человек, начитавшийся по уши антисоветской литературы, может сказать, что тот парень якобы из аппарата ЦК ВЛКСМ вполне мог быть из совсем другого учреждения, из того самого, которое для оперативной работы любые удостоверения своим людям дает (под отчет применения и с последующей сдачей в соответствующий отдел.) Однако не надо слишком много антисоветской литературы читать, а надо принять во внимание, что то учреждение вполне могло проверить меня незаметно и без таких пышных форм. Констатируем вывод: вскоре после окончания средней школы, в самом начале взрослого жизненного пути наш лирический герой взял да и вполне продуманно отклонил возможность, неожиданно подставленную судьбой – возможность сделать весьма вероятный карьерный шаг наверх. При этом он чувствовал себя вполне в своей тарелке и даже не замечал того, что на самом-то деле его остановил прозрачный, невидимый, но уже к тому времени отвердевший, росший из раннего детства барьер, барьер недоверия миру «взрослых» людей. Первый раз в седьмом классе опоздать на общешкольное собрание ради того, чтобы в президиум не попасть – это потребовало тогда усилия воли для сознательного противопоставления себя системе взрослых лю-

дей. А тут я наплел «товарищу из ЦК» кучу правдивых, легко проверяемых самоотводов – совсем без напряжения воли, как нечто идущее само собой.

ГЛАВА 11. ПОЧТАЛЬОН

Итак, вернемся в 1962-й год, год моего окончания школы. В то время я практически не думал ни о каком «жизненном пути», ни о какой реальной «жизненной цели». Разговоры ровесников на эту тему казались мне скучны, я не участвовал в них. Я произвел весьма неблагоприятное впечатление на некую серьезную родственницу, когда в вымученном разговоре о моих собственных перспективах перепутал специфику двух вузов, авторитетных в наших кругах. Авторитетная же в нашей семье дама была шокирована примерно так же, как несомненно был бы шокирован футбольный фанат, если вместо символики ЦСКА, например, раскрасить его в символику «Спартака». Заняться моей судьбой решил один знакомый научный работник, которого я видел до этого случая всего лишь единственный раз. Он был в гостях у тети Тани, той самой, которая в серии «ДД в НИИГОГО» имеет обыкновение в Татьянин день напевать: «Через тумбу, тумбу раз... и т.д.» Он вроде бы починил тете Тане приемник, вслушивался в выступление, кажется, Кеннеди и переводил нам в том смысле, что великое будущее, мол, ждет великую американскую молодежь, но и великая американская молодежь ради этого великого будущего должна и сама великие усилия приложить. Тогда мы посмотрели друг на друга с недоумением, как на ненужную игру природы, каждый

со своей стороны. Теперь он пожелал встретиться со мною и в трудоустройстве помочь. Но я в то время сочинял стихи омерзительного содержания, тетрадку которых впоследствии сам же и спалил (о чем давно уже сожалею, там были и хорошие стихи.) В тот день особенно был я не в духе, на аудиенцию явился, но делового впечатления не произвел. Хотел пристроить меня к делу еще один почтенный человек, он мог устроить меня паркетчиком-учеником, но быстро понял, что способностей к систематической работе у меня нет. Были и другие попытки, о коих в полной версии мемуаров, может быть, я когда-нибудь вам расскажу.

От разговоров про дневные отделения вузов я приловчился отговариваться материальными обстоятельствами семьи и тем, что не выбрал еще направление: гуманитарное, биологическое, техническое... это сразу показывало мою несостоятельность для разговоров с деловыми людьми, что вполне устраивало меня. Мне хватало ума помалкивать о том, что я ненавижу интеллигенцию вообще – как тип человеческой мрази, которая о многом де пищит, но защищать это «многое» не умеет, пример чему – жалкие судьбы интеллигенции в кровавых делах того современного века. Для подобных социально-духовных гримас вполне хватало упомянутых мною стихов; впоследствии я несколько поумнел и мнение об интеллигенции на противоположное переменял. Но в те сумасбродные дни при таких настроениях в душе, конечно же, было трудно протекцию в интеллигентном обществе найти.

Но как бы то ни было тогда, школа уже закончилась, а у меня все еще не было ни малейшего представления о том, как прокладывать далее путь. Воленс-ноленс, а надо было как-то вживаться в тот «взрослый» мир, который был так нелюбезен до этого мне.

От неприятных мне разговоров о выборе определенного «жизненного пути» на какое-то малое время (всего-то несколько недель) я спрятался в деревне у отца. Сон в шалаше над рекою под шебуршанье полевок в соломе под ватником под головой, купанье в парной реке на рассвете, такой холодной под вечерним туманом и такой ласково-теплой под первым бликом солнечного луча, целебный воздух свежих пятнадцатилетних сосновых лесополос за деревней на песчаных буграх, мирные разговоры с людьми, забвение деревенских проблем, о которых совсем недавно в одной из глав текущих мемуаров я с такою горечью вспоминал (ну да, они есть, ну и что же с того?) простое музицирование заезжего гармониста (мелодии Блантера на Исаковские стихи) исполняемые без концертных понтов искренне для себя (по профессии он был шофер) – и через пару-другую недель я уже дома серьезно работу искал.

В тот год на заводы летом пришел первый выпуск новых ПТУ, и ученики не требовались нигде. Стал я искать работу попроще, и вот что нашел. Огромная лесотоварная база, огромные штабеля бревен и досок, мощный, поющий рокот огромных распиловочных станков и двигателей для них,

огромные горы опилок и стружек на отведенных местах, могучие погрузчики, краны, автомобили, огромный небесный простор, и все это такое огромное, что все эти распиловочные станки и двигатели для них, могучие погрузчики, краны, автомобили и уж, конечно, неторопливо деятельные люди при них – все это кажется маленьким и тонет в запахе свежей хвойной доски.

На краю этого ароматного лесотоварного мира приютился прозаический тарный участок, то есть такая небольшая площадка, на которой несколько простоватых мужчин, посмеиваясь и перешучиваясь между собою, на простых деревянных рабочих столах, с помощью простых инструментов и шаблонов разученными до автоматизма движениями быстро-быстро сколачивают обыкновенные ящики для овощей, потребность в которых в овощеводстве и в торговле в то время была велика.

На краю того участка притулилась дощатая, когда-то добротной покрашенная сторожка вроде вагончика без колес. В сторожке – стол, на котором помимо счетоводного вида бумаг лежит газета «Правда», сложенная таким образом, как будто кто-то недавно ее читал. На стене над столом – портрет Гагарина, из тех, что были в журналах тогда. За столом женщина колхозно-счетоводного вида щелкает на конторских счетах и что-то пишет в свой любимый гроссбух. Она приветлива, улыбочива, но считает, что перспектив для меня тут нет. Надо прораба подождать, он и решит.

Прораб уделяет мне времени достаточно для того, чтобы меня понять. Однако отвечает отказом: – «Ты, парень, в зеркало на себя посмотри. На тебе же написано: твое дело – работать мозгами, твое место – в НИИ. У нас тут работа физическая, однообразная, простая. Другой характер здесь нужен, ты сам через неделю уйдешь...» Ничего не поделаешь, я откланялся и ушел.

Спустя много лет при других обстоятельствах мимоходом я видел подобный участок в месте совсем другом. Люди в шапках и ватниках делали ту же работу почти под открытым небом и в конце ноября, разве что хилый навесик как будто бы их прикрывал. Так я до сих пор и не знаю, что же делали те жизнерадостные «ящикоробы» на той лесотоварной базе от портрета Гагарина в двух шагах под долгими холодными дождями, в морозы или в метель. А тогда не подумал спросить.

Как пробраться в НИИ и в какое, и где они – те мифические «НИИ», принимающие на работу лоботрясов, никогда не думавших о конкретной сущности труда – я вообще не знал. Повсюду объявления «требуется», но везде специальность нужна, а «ученичество» везде отшили от меня ПТУ. Временно устроился я в свое почтовое отделение почтальоном, и много интересного в ближайших к дому закоулках нашел. Ранее я даже представить себе не мог, как часто встречаются в нашем городе двери, оставленные незахлопнутыми хозяевами утром на работу уходя. Как часто откры-

вают двери незнакомым людям пятилетние крохи, едва умеющие дотянуться до ручки дверей, и с какой доверчивостью они говорят: «Бабушка спит, а мама на работу ушла». Как живуч еще старинный обычай держать в прихожей тарелочку с мелочью для чаевых, и как корректно нужно от них отказаться, чтобы хозяйка молвила, чуть покраснев: – «Извините, древний обычай такой». Интересен был начальник отдела доставки, поэтическая натура, единственный постоянный мужчина среди крепких почтовых баб; он находил высокий, общественно значимый смысл и высоконравственную ответственность почтальона перед каждой открыткой и каждым, пусть даже простым, письмом.

Занятия на почте были утром и вечером (утренняя и вечерняя «доставки») а дневные часы можно было бы поиском постоянной работы занять. Но я ленился, о будущем не думал, по-прежнему много читал и витал в облаках.

Осенью вдруг оказалось, что в одном из наших городских НИИ есть сотрудник, который знал о моем пристрастии к школьным физическим кружкам, и там простые лаборанты были в то время нужны. Он сам меня разыскал, и я оказался в волшебном мире лаборантом в одной из самых настоящих лабораторий самого настоящего НИИ. Вот на том и закончились детства этапы последние, взрослая жизнь началась.

ГЛАВА 12. ЛАБОРАНТ

Первое мое НИИ оказалось расположенным в солидном, тяжелом бывшем доходном доме классической царской постройки, с наивными полуколоннами фасада, с удобным фойе, удобным полуподвалом с деликатными спусками в него почти от широкого тамбура парадных входных дверей налево и направо, со внутренним сложным двором и массой труднодоступных закоулков во флигелях. Высшими структурными подразделениями института оказались так называемые «лаборатории», в свою очередь состоявшие из мелких комнатных «отделов», а те – из «групп», что имеет значение для понимания нашей темы, так как были в стране еще и другие НИИ, в которых были иные наименования подразделений – то есть более крупные подразделения именовались «отделами», «лаборатории» были частями отделов, а «группы» тогда все равно – это самые мелкие части тех и других. Численность народа, то есть сотрудников, и сложность задач в таковых устойчивых подразделениях бывает разнообразной, запутаться в этом легко. Я с трудом разобрался как в планировочных, так и в организационных закоулках лаборатории, в целом же институт оставался неведомым царством путаницы для меня.

Проблематику института здесь раскрывать я не стану по причинам литературного свойства, но замечу, что все

это было связано с прикладными свойствами электричества, а на моем месте был бы нужен не фантазер с сомнительными успехами в школьных физических кружках, но добропорядочный выпускник «райпищеторга», как в наших шуточных кругах иной раз с любовью называли Радиополитехникум нашего городка по причине аббревиатуры РПТ. Во всяком случае, мои приемы обращения с паяльником и отверткой оказались любительскими, взрослые коллеги с удовольствием показывали мне правильные приемы, а я с удовольствием перенимал, находя все это похожим на школьный физический кружок в более продвинутой фазе развития, то есть как бы игрой.

Особенно мне понравилась атмосфера беспечной веселости, которую приносили в строгий трудовой коллектив сотрудники помоложе, и даже воркотня сотрудников пенсионного возраста по поводу «неуместных забав» казалась лукавством и тоже игрой. Смеялись над чем попало, в том числе и над далеко не смешным. Вот вам пример.

Где-то за городом далековато был у нас «филиал». Выглядел он как третьесортный дачный хуторок на краешке бледного леса, ветхие одноэтажные домики (может быть, два или три) покосившийся старый штакетный забор оформляли этот пейзаж. Я так и не узнал, почему филиал был столь скромнен при барственно-коммунальных интерьерах городского институтского центра, пока сам догадываться не стал — это чтобы шпиён ЦРУ или НАТО, проезжая в автобусе при-

городных линий километрах в двух или трех от него, ничего б заподозрить не смог. В огородиках этих дачек сотрудники НИИ закапывали в землю вещественные итоги своих теоретических изысканий, проводили от них помехо- гидро- и грязезащищенные кабели в домик, подключали к приборам и вместе с сотрудниками нашей лаборатории со вполне серьезными, сосредоточенными лицами что-то мудрили там.

Для разных исследований также и разные приборы были нужны, их привозили из города на машинах, вместе с людьми иногда. Некоторые приборы были транспортабельны и легки, другие представляли собою металлические коробки весом килограммов под пятьдесят, и, как это ни странно, именно они были изготовлены чехословацкими заводами ТЕСЛА, тогда как только внешняя отделка коробов, на мой взыскательный взгляд, соответствовала технической славе этой известнейшей марки, а тяжесть откуда взялась? Известно ведь всем, прогресс идет в сторону уменьшения массы приборов, что-то не вяжется тут. Мне объясняли, что прогресс вообще-то движется извилистыми путями, а по физике дела в данном конкретном случае именно масса активных элементов прибора, как физический параметр, играет определенную роль. Так что не горюй, проповедник прогресса, на сегодняшний день это лучший в мире прибор.

На пути от лаборатории до машины было препятствие в виде охраны на проходной внизу. Во избежание переговоров и проволочек, одной лаборанточке, девушке ми-

лой и хрупкой, был выписан именной постоянный пропуск на вынос приборов за территорию предприятия сквозь проходную, и обычно она сопровождала приборы до проходной.

И вот, представьте себе, эта девушка, весело помахивая пропуском, цокая шпильками туфелек по коридорам НИИ, приближается к проходной института, а следом за ней двое рослых лаборантов (в том числе ваш покорный слуга) несут за надежные железные ручки тяжеленный прибор. На выходе в будке у турникета дежурит новая вахтерша, которая местных обычаев, по-видимому, еще не знает, но добросовестно выучила уже устав караульной службы, я думаю, наизусть. Она изучает пропуск и разрешает девушке пройти, но тут же блокирует турникет:

– Молодые люди, вы куда?

– А? Мы? – Вот прибор.

– Отойдите в сторонку и не мешайте. Девушка, вы можете выносить.

– Но мне же его не поднять!

– Это ваши проблемы. Молодые люди могут пройти отдельно и подождать вас с той стороны.

...Начальник караула, вызванный вахтершей для разруливания ситуации, оказался в положении действительно дурачком. Ситуация в принципе ясная, дело обычное, машина на улице ждет. Но если он сейчас пойдет против своей подчиненной вахтерши, в дальнейшем будет она пропускать все подряд. Он счел за благо более ответственному руково-

дителю по этому поводу позвонить – и поставил тем самым в очень неловкое положение теперь уже и его... А чем там кончилось дело, я уж не помню теперь, но помню, как смеялись мы в лаборатории, неоднократно вспоминая тот эпизод.

Веселые были люди, смеялись по пустякам.

Была там какая-то темная комната, в которой на прочных скамьях и, кажется, еще на стеллажах стояли и кисли прямоугольные крупные банки из толстого, литого, прозрачного стекла. В банках крепились металлические пластины и был налит электролит, и все это коммутировалось разными способами посредством клемм, шайб и проводов. Это были, как мне казалось тогда, аккумуляторы банальных старинных систем, однако, будучи заряженными электрическим током через выпрямители от сети, они давали простой постоянный ток очень высокого качества, пригодный для научных работ, каковой ток и разводился по проводам вдоль стен в нужные для опытов места.

В процессе функционирования тех аккумуляторов электролит и пластины взаимно разлагали друг друга, отчего качество тока снижалось, а в банках возникал и накапливался темный, липкий так называемый «шлам», каковое слово по-немецки (Schlamm) означает просто «тина» и «грязь». Одновременно выделялся и запах столь мощной химической силы, что от него ржавели клеммы, шайбы и провода и портилось все вокруг. Поддерживать в этой комнате порядок и менять электролит было обязанностью лаборантов, но они ман-

кировали этим как могли и довели аккумуляторную до такого гадостного состояния, что новому в лаборатории человеку было трудно туда войти.

Ознакомившись с этической компонентой этого сложнейшего вопроса, я решил, что работа – это работа, химия – это химия, шлам – явление научное, во всяком случае, это не «грязь» в бытовом значении этого слова, а кто любит науку, должен и к побочным эффектам относиться легко. Посему надел я поверх своего нового рабочего халата огромный желтый клеёнчатый фартук, влез в резиновые сапоги, надел резиновые перчатки и занялся полезным для лаборатории делом – стал аккумуляторную в порядок приводить. Оказалось, что это не просто так взял да в порядок весь этот гадюшник привел. Там было много окислившихся контактов, требовалось менять электролит... Короче, не помню я, сколько дней возился я там конкретно, но помню, что приличный, почти что чистенький и новый клеёнчатый фартук почти что до невозможности извадюкал я там едким шламом, и что не одни только местные начальники заглядывали через открытую дверь ко мне, но подходили также и простые сотрудники, тарасили на меня свои восхищенные глазеныпы (как в цирке на ученого шимпанзе) подначивали разными шуточками и уходили в трудовую тишину своих глубокоумудрых «отделов» продолжать научные дела. По окончании этой работы я почувствовал, что стал в лаборатории личностью довольно популярной, хотя считалось, что я – оригинал.

...Вскоре нашел я там занятие, которое оказалось как раз по мне. В некоторых отделах лаборатории громоздились на столах приборы, нередко друг на друге в два этажа. Они затеняли от света стол, и там добавлялись еще настольные лампы системы «дайдоспать». Серые, окрашенные шаровой краской металлические корпуса приборов, темные приборные панели, белесые циферблаты на них, негромкое пение электросхем – все это наводило такую индукцию сна, что никакая чашечка никакого, даже лучшего тогдашнего кофе не могла ее преодолеть. Будучи знаком с работой в этих отделах, я никоим образом не стал бы осуждать молодых инженеров приятного пола (неужели «инженериц»?!) только за то, что они отрывались от этой работы и шли посмотреть, как новый лаборант разносит аккумуляторную станцию в драбадан.

Работа в тех отделах была такая:

Руководствуясь какими-то своими «схемами эксперимента», девушка-инженер поворачивала в нужное положение установочные лимбы приборов, нажимала кнопки и поджидала, когда разбуженные кнопками стрелки приборов перестанут в своем новом положении качаться-колебаться и в этом новом своем положении снова уснут. Тогда она считывала с циферблатов в определенном порядке показания приборов и диктовала их лаборанту, который обычно чуть сзади рядом сидел и записывал цифры новой строкой в журнал. По окончании записи девушка-инженер, руководству-

ьясь какими-то своими «схемами эксперимента», поворачивала в нужное положение установочные лимбы приборов, нажимала кнопки и поджидала, когда разбуженные кнопками стрелки приборов перестанут в своем новом положении качаться-колебаться и в этом новом своем положении снова уснут. Тогда она считывала с циферблатов в определенном порядке показания приборов и диктовала их лаборанту, который обычно чуть сзади рядом сидел и записывал цифры новой строкой в журнал. По окончании записи девушка-инженер, руководствуясь какими-то своими «схемами эксперимента»... и вот это занятие, представьте себе, продолжалось весь день. Иногда работа несколько разнообразилась тем, что «инженер-исследователь» вооружался секундомером и ориентировался в чем-то по нему, остальное было все то же, как написано здесь.

По заполнении тех довольно толстых журналов типа амбарных книг следовало в два этапа обстоятельно их «обсчитать». Сначала, насколько я эту методику припоминаю теперь, их обсчитывали по простым арифметическим формулам типа «сложить, умножить, подытожить», по ним выводились аккуратные усредненные величины, и весь этот этап заканчивался сведением полученных арифметических результатов в новые таблицы теперь уже меньшего объема, чем исходный журнал.

Такое мощное изобретение, как ЭВМ, тогда еще считалось новинкой в определенных кругах и до нашего НИИ

не дошло. Наиболее успешно мечты о нем осваивали писатели-фантасты, внедрение же ЭВМ на практике шло более реалистичным путем. Поэтому такая простая арифметическая обработка сырых «экспериментальных данных» велась с помощью ручных арифмометров типа «железный Феликс», и выполняли ее, естественно, женщины-инженеры и девушки-лаборантки, мужчин же ни тех ни других к этой работе было нежелательно допускать, так как мужчины – народ необузданный, мужчина может в приступе раздражения испортить железный прибор. А то, что механический арифмометр является источником повышенного раздражения – знают все, кто ручки ему крутил. Уж на что я был парнишкой уравновешенным и был способен часами сидеть в двадцати сантиметрах от пышных локонов над складками халата, вдыхая аромат таинственных духов, слушать диктуемые цифры и машинально вписывать их в журнал, думая о чем-то своем – но и мне «железного Феликса» не доверяли, боялись – сломаю еще.

Однако полученные таким образом промежуточные таблицы нужно было еще по сложным многоярусным логарифмическим и тригонометрическим функциям посредством логарифмической линейки окончательно обсчитать – и вот тут-то и наступал для меня звездный час. Не ведомо мне почему, но логарифмическая линейка чем-то нравилась мне, и нежелание сотрудников делать эти расчеты удивляло меня. И вдруг при первой же попытке по длинным форму-

лам что-то полезное рассчитать я с искренним недоумением обнаружил, что повторный расчет по тем же формулам, в том же порядке и по тем же исходным данным дал мне неизнаваемо иной результат. Подтвердилось основное свойство логарифмической линейки – она дает верные результаты только в очень умелых руках. Даже самое простое требование к профессионалу, а именно, автоматически, не думая об этом, всегда держать визирную линию в момент установки строго против носа – и то было почти невыполнимым потому, что вступало в противоречие с природным предпочтением человека смотреть на близкие предметы перед собой одними только глазами, не целясь носом на них. О других, более сложных условиях счета на этой линейке я уж и не говорю, не всё оказалось так просто, как кажется нам в первый раз. В школе же были у нас только простые примеры, да я и не помню точно теперь, входила ли линейка в школьный курс. Мне приходилось иной раз обижать лучшее чувство справедливости в представительницах моего поколения напоминанием о том, что коль скоро то или иное положение достойной уважения науки входило в школьный курс, то его нужно помнить и применять. В результате подобного спора обиженная сторона неизменно доказывала, что то или иное положение достойной уважения науки в школьный курс не входило, а если некоторые тут путают и сваливают в одну общую кучу школьный курс, физический кружок, дополнительную литературу и невесть что еще – то нечего других-то

в невежестве тут обвинять, за своей собственной памятью лучше присматривать надо. Так что я и не знаю теперь, такими ли уж злонамеренными саботажницами были представительницы прекрасного пола, когда, вдоволь накрутившись ручкой «железного Феликса», отказывались на линейке считать на одном только том основании, что они не умеют, а научиться не могут. Это выше сил человеческих, на линейке так много считать. Мужчины же, как известно, тоже всегда отговорку найдут (какая еще линейка, провод мне скручивать надо! и т.п.) Мое желание попробовать в этом невинном занятии скромные силы свои было встречено с пониманием, первое фиаско не обескуражило никого. Я обзавелся известным руководством Панова и тренировался по нему даже дома, вольно на диване развалясь и ноги повыше положив, а заинтересованные лица по-прежнему верили в меня. Вскоре мне стали доверять эти, как считалось, самые сложные расчеты; первое время проверяли, потом перестали проверять.

На основании этих окончательных вычислений составлялись итоговые таблицы, которые собственно и содержали в себе результаты работы лаборатории в цифровой сжатой форме, а для наглядности, как это делается обычно, по итоговому таблицам еще и графики строились в надлежащих масштабах (в том числе логарифмическом) иной раз цветными карандашами, иной раз с прорисовкой пунктирных, штрихпунктирных и прочих фигурных линий простым карандашом. Этим тоже с удовольствием занимался наш уни-

версальный лаборант, при случае выполняя также и свою «нормальную» работу, то есть припаять, отпаять, открутить, прикрутить, сеть нечаянно коротнуть и т. п. – много, короче, дел. Уже тогда я стал замечать, что мне и там тоже прощают и начальники, и товарищи многое, как прощалось мне многое в школе, как прощается многое любимой собачке в семье. Но к такому я с детства привык и, к моему глубокому, но, увы, запоздалому сожалению, этому значения не придавал.

Судьба, однако же, бывает справедлива, и в данном случае судьба без промедления наказала тех, кто слишком много мне в том НИИ доверял. Произошло это так.

С момента моего прихода в лабораторию я неоднократно там слышал пугающее слово ОТЧЕТ. Сначала сотрудники произносили его небрежно, мелкими буквами: ладно, ладно, будем делать отчет, тогда и вставим эти цифры сюда... Затем в этом слове появился выделяющий его в общем потоке курсив, затем уже грозно: ОТЧЕТ.

Наконец более или менее обычные работы прекратились, данные, полученные за весь период работы – перепроверялись; писались, обсуждались, редактировались и беспрестанно уточнялись какие-то сложные, непонятные, терминемкие тексты... Напряженность росла и росла. Вот одна из старших сотрудниц дала мне какие-то тщательно отобранные, выверенные таблицы и попросила построить к ним графики, но поаккуратнее, пожалуйста, это пойдет в ОТЧЕТ. Я

постарался как только мог, вроде бы трижды на линейке все пересчитал, а уж как старался штрихпунктир соблюдать – вообще и сравнения нет. И, конечно же, в той запарке и эту мою работу не проверил никто! Привычка – страшная сила, и тут она всех подвела.

Наконец-то отчет готов. Это столбики машинописных и светокопировальных листов, так называемых «синек», в аккуратненьких, свеженьких, чуть еще липких, приятно пахнущих, коленкоровых переплетах вежливых, солидных, однотонно темных цветов из фирменной профессиональной переплетной мастерской. Все, что долженствует быть опечатанным и прошитым – все опечатано и прошито, на всех титульных листах вереницы ответственных виз. Все готово к рассылке по «организациям» нашего министерства и по другим адресам. Все довольны, на работе приятная расслабленность после страды – и вдруг...

Какая-то тень пробежала по нашим отделам. Товарищи шепчутся, с ужасом посматривают на меня. Я же не понимаю, в чем дело, все мне боятся сказать. Наконец вызывают меня на ковер.

В кабинете начальника лаборатории целая комиссия собралась. Начальник, его заместители, какие-то люди еще, чужие, влиятельные фигуры. Женщина, которая давала мне те злополучные таблицы, спряталась за шкафом и дрожит. Кто-то из посторонних смотрит с недоумением на меня как на чужую кошку на дачной кухне в углу и говорит: – «И этот олух

даря небесного делает ответственные расчеты для вас?»

Представьте себе, уважаемый читатель, что вы приобрели дорогой электронный прибор... Ах, в каком же веке вы читаете это? В 2014-м году? Ну, тогда вы купили всего лишь новейший смартфон. В инструкции написано, что в 99-ти случаях из ста этот прибор благополучно выдерживает падение с высоты полутора метров на бетонный пол. Скажите откровенно, дорогие мои, неужели вас не охватит неодолимое желание узнать, во скольких случаях из ста этот прибор благополучно выдержит падение на бетонный пол с чуть большей высоты, не с метра пятьдесят как указано, а с метра шестьдесят, и неужели вы устоите перед желанием этот вариант рассчитать?

Наши инженеры получили задание исследовать некоторые электромагнитные процессы в техногенных системах в определенных границах изменения величин. Эти границы были согласованы со всеми заинтересованными организациями и соответствовали ГОСТу по тем временам. А наши умные инженеры, под предлогом обезопасить научные выводы от казусов и случайностей, с какими нередко бывает связано установление априорных границ для природных, пусть даже и техногенных, явлений, в своей повседневной работе брали несколько расширенный диапазон в расчете на то, что при чистовом оформлении для отчета лишнее будет отстранено. В официальный отчет попадет только то, что положено, а более полный вариант останется в лаборатории как накоплен-

ный опыт, как внутреннее ноу-хау лаборатории, коли на то пошло. Я об этом понятия не имел и выполнил те злополучные графики как всегда, и никто не проверил их!!!

Если бы я заузил диапазон – была бы катастрофа для руководителей лаборатории прежде всего. А так – получился всего лишь очень неприятный конфуз для всех более или менее ответственных лиц. Куда смотрел так называемый «нормоконтроль»? С чем еще в этом липовом «отчете» с прямыми отступлениями от согласованного ТЗ и ГОСТа не счел нужным ознакомиться Главный Инженер Научно-исследовательского Института, когда своей визой утверждал этот странный отчет, каким еще «неучам» и «олухам» доверяют в этом НИИ ответственные расчеты, которые вообще-то должен выполнять квалифицированный инженерно-технический персонал?

Как там выкручивался институт, я не знаю. Говорили мне, что, слава Богу, заметили это до рассылки отчета по адресам и успели поправить дела. Но как бы то ни было, для меня это был очень хороший урок. Я его помню всю жизнь и в своей дальнейшей работе учитывал возможность подобных неожиданных ляпов всегда. А самое удивительное в этом – это то, что такое крайне нежелательное происшествие никак не повлияло на отношение в лаборатории ко мне. Меня по-прежнему любили, считали чудаковатым, но «своим», а я, олух царя небесного, так долго этого не понимал...

ГЛАВА 13. БАРЬЕР КРЕПЧАЛ

Эта глава может показаться для понимания трудной, так как она противоречит светлому, оптимистичному, жизне- и человеколюбивому настрою предыдущей главы. Герой нашего повествования пришел в то НИИ в каком-то раздрае своих человеческих сил, без каких бы то ни было планов на будущее, с явным нежеланием что-либо подобное обсуждать – но со способностью напрягаться и работать на легкой, не слишком-то обременительной работе. Эта мимикрия обманывала многих, отсюда и оптимизм предыдущей главы. Однако ничего удивительного в этом нет – старшие классы школы приучили героя к мимикрии, и остается только гадать, каких успехов в земной суете мог бы достичь тот книговоспитанный юноша, имел бы он конкретную жизнесуетную цель.

По-прежнему совсем не размышления о перспективах жизненного пути заполняли мой повседневный внутренний мир – по-прежнему только чтение оставалось основным состоянием личности библиофага подобно тому, как своеобразная дрема остается обычным состоянием дачного кота, прерываемая прогулками в терра-инкогнита в кустарнике у ручья и приключениями по вечерам. Круг чтения становился все более и более серьезным, легкомысленные приключения Атосов да Портосов исчезли уже давно, уходили

Жюль Верны и Луи Буссенары, читались Диккенс, Грин, Паустовский, Поль де Крюи, Аксенов и др., а также по-прежнему оставалась любимой фантастика чуть ли не всех родов; подходила эра более серьезного чтения – учебника логики, например. Совершенствовался и внутренний фантастический мир – дополнение к воображаемому миру книг, мир ярких цветных фантазий, переходящих в такие же сны. Писалась бесконечно любимая мною повесть «Снежинка в трещине метеорита», которая никогда не увидит свет, потому что литконсультант в том, еще не забытом в те годы ответе, был совершенно прав, и не каждую песню души вдруг подхватит читательский хор.

Ребенок, живущий во многоязычной среде, обычно позже начинает говорить – но сразу на всех языках. Так и я, бесконечно с детских лет забивавший свою голову и чувства содержанием всяческих книг, даже и после окончания школы не имел правильного представления о реальном содержании тех объектов, которые в жизни окружали меня. Так, Научно-исследовательский Институт, как явление в обществе, представлялся мне торжественным храмом науки, в котором люди, наделенные особенной мудростью и особо выдающимся интеллектом, вершат таинственные, непостижимые простому разуму дела. Несогласие такого представления со здравым смыслом мешало реально жить, но не мешало пассивно влачить существование, что я и делал в те времена.

Кстати, именно в таком состоянии вечно пребывают иные,

вполне «адекватные» поэты, в чем они сами нередко, порою и с горечью даже, признаются в стихах. Был «адекватным» и я, когда оказался в реальном НИИ и увидел, что оно так же сильно отличается от моего идеала, как реальный дорожный велосипед отличается от Конька-горбунка. Ну посудите сами, велик ли идеал в той истории, которую я вам сейчас расскажу.

Применялись в нашем деле некоторые вспомогательные приборы, которые изготавливались либо кустарно в самой лаборатории, либо полукустарно в институтских мастерских; в последнем случае они имели и внутри, и снаружи вполне промышленный вид. (Изготовленные же в лаборатории приборы такого совершенного вида иметь не могли, так как не все еще (не будем показывать пальцем) лаборанты этой лаборатории умели профессионально паять:) Так вот, один из наших сотрудников был на семинаре в ГДР и с холодной завистью созерцал там такие же по назначению гэдээровские приборы, по всем своим характеристикам, и техническим, и видовым, намного лучше наших из мастерских. Обида за Родину – это опасное чувство, и он там ляпнул где-то не по делу, что в нашем НИИ есть приборы намного лучшего качества, если и не по внешнему виду (приборы ведь вспомогательные, красота не нужна) но по техническим возможностям – факт!

Вернулся патриот наш домой не чуя грядущей беды. Вдруг вызывают его куда надо и спрашивают, чего такого

он там про наши приборы трепал. Оказывается, немецкие специалисты едут с ответным визитом к нам и просят включить в программу консультаций вспомогательные, но очень нужные приборы, о которых советский товарищ им рассказывал... Две недели, а может быть, больше, вся наша лаборатория стояла на ушах. Ничего мы не делали другого, кроме того, что те товарищи, которые научными рангами повыше, разрабатывали, а товарищи, которые пониже, изготавливали, а в средних чинах – испытывали и проверяли образцы. Запарка была такая, что к изготовлению катушек индуктивности, подгонке резисторов и тому подобным занятиям был привлечен даже ваш покорный слуга, не слишком-то опытный к тому моменту в подобных делах.

Несмотря на мое участие в деле – приборы получились как надо (!!!) и наша лаборатория обрела-таки самый совершенный вспомогательный прибор, пусть неказистенький с виду, зато характеристики – во!!!

В такой обстановке не устоит ни один идеал, не устоял и мой идеал совершенного воображаемого НИИ. Храм высокой науки остался во мне идеально и отвлеченно от мира вещей и людей; и всего-то за несколько месяцев в том жизнерадостном, теплом, душевном НИИ из ребенка с задержкой языкового развития я превратился в ребенка, отдельно говорящего уже на двух языках. На языке идеалов – с одной стороны. На бытовом языке – с другой. Однако ребенок остается ребенком, и речь его – детская, на скольких бы язы-

ках ни начинал говорить.

Кажется, в повести «Белый Бим, Черное Ухо» есть эпизод, когда охотничья собака с отменным собачьим чутьем вдруг обнаруживает, что хозяин – бесчутый. Разумеется, собачка в повести антропоморфна, но тем не менее ее переживания по этому поводу описаны интересно, и я бы сравнил их с моим отношением к товарищам в том НИИ, когда я обнаружил, что ничего «возвышенного», «поэтического» в этой лаборатории нет, и более того, инженеры лаборатории как будто бы не реагировали на глубину, широту, красоту населяемого нами мира, на высокое призвание Человека Науки в нем. Вполне возможно, в лаборатории по каким-то причинам не заладился тон, может быть, это я был еще слишком молод для этих людей и не ловил флюиды их души – но именно там я впервые задал себе вопрос: откуда берется серый инженер? И четко ответил на него: из высшей школы, откуда же еще. Расспрашивал я своих старших товарищей по работе о том, где, как и чему учились они в институтах, слышал ностальгические нотки в их рассказах о студенческих временах, но все более и более склонялся к мысли о том, что учиться в нашей высшей школе вредно для людей.

Действительно, требующийся объем чисто технических знаний инженера таков, что необходимая гуманитарная составляющая, достаточно тяжелая для равновесия с технической составляющей профессионального курса, но органически связанная с ним в единый профильный комплекс, нико-

им образом не поместится в пятилетний курс. Находясь под мощным давлением потока усваиваемых технических знаний, студенты невольно модифицируют свою личность, «техницируют» ее, перестают быть гармоничными, но сами этого не замечают – вот вам и «серый» инженер, ремесленник умственного труда. Конечно, я относился к каждому из них с огромным естественным уважением, я понимал, что это не их вина – это беда всего нашего технологичного века, но для себя я решил, что буду учиться в высшей школе только после того, как достаточно окрепну душой, чтобы успешно такому давлению противостоять. Вопрос карьеры, заработной платы, социального роста и т. п. в связи с этой темой вообще меня не интересовал – это был детский лепет, если правду сказать.

Гуманитарное же образование вообще выпадало из рассмотрения, так как еще до работы в НИИ я уже понимал, что развитие цивилизации в целом делает математическую, техническую составляющую комплексных знаний необходимым качеством современного человека вообще. И односторонний гуманитарий так же не полон, как и односторонний инженер. Однако инженер в принципе может на досуге с пониманием почитать разнообразную литературу по тематике гуманитарных наук и развиваться в этом направлении довольно-таки далеко. Я лично знал инженеров, самостоятельно освоивших до уверенного чтения латинский и японский языки. (Один из них показан в серии «ДД в НИИГО-

ГО» под именем Вадима Чекменева, но он такой не один.) А вот много ли гуманитариев, с удовольствием читающих техническую литературу в нашем лучшем (?) из всех миров.

Далее, даже крупнейший специалист, например, по сложнейшим установкам синхрофазотронам в принципе может в свое личное время какой угодно филологией заниматься и Спинозу между делом читать (делают ли они это действительно – это другой вопрос) а вот самого-самого продвинутого гуманитария никто не допустит настраивать синхрофазотрон. Ситуация это неравновесная – гуманитарий имеет дело со словами, с невесомыми, нереальными элементами идеального мира, которые могут быть всего лишь ошибочно интерпретированы или подменены, но их невозможно сломать, и каким бы предметом ни занимался гуманитарий в своей профессии, между ним и материей всегда существенно присутствует эта аура слов. Тогда как технарь-инженер непосредственно работает с реальными, сложными, легко ранимыми машинами технических наук, непосредственно контактирует с самостоятельной, независимо движущейся «объективной» материей-природой, и меры актуальной ответственности гуманитария и технаря в содержании их работы несравнимы между собой. Ошибся гуманитарий – ну и что? Последствия могут быть серьезными, но не вдруг. Ошибся инженер – и катастрофа, «техногенная», так сказать. И вот эту объективную ответственность технаря я почувствовал неосознанно еще в Кузнецке, когда

тайно от взрослых развинчивал бытовые электрические приборы, включенные по незнанию дела в сеть (Ангел-хранитель спасал?) и в дальнейшем, взрослея, постепенно умом эту ответственность понимал. А ведь эта ответственность завлекает, разве не так? В детстве из-за чтения разнообразнейших книжек был я перенасыщен невесомыми идеями сверх головы, и для равновесия естественным образом мой путь в систему комплексных, общечеловеческих знаний со школьных лет осознанно через технику и пролегал.

Да, конечно, встречаются все же люди с редким двойным умом. Например, доктор технических наук и он же кандидат философских наук. Однако такие люди, к сожалению, очень и очень редки. Возможно, встречалось мне несколько, но на них не написано это, а достоверно я знал одного — это был секретарь того отделения научного общества, в котором впоследствии я состоял. В том же первом моем НИИ я столь высоко не взлетал, и открытие одностороннего развития старших товарищей моих инженеров решающим образом влияло тогда на меня.

Пожалуй, не лишним было бы вспомнить здесь кое о чем другом. Еще в дошкольные годы, как это помнится мне, в Кузнецке папаша одного соседского мальчика работал на местном аэродроме и приносил сыночку для игры, забавы (или для развития, может быть) сломанные, негодные для дела приборы и всякие штучки домой. Играли мы с тем соседским мальчиком вместе, и он такими игрушками охот-

но делился со мной, их было полно у него. Более подробно об этом будет рассказано в другой серии мемуаров, а здесь мы делаем вполне вероятное допущение, что те ломаемые нами «игрушки» тоже со временем повлияли на выбор жизненного пути.

Второе открытие тех жарких, горячих юных дней было связано с переоценкой ценностей в отношении моих ровесников, которые поначалу выигрывали в сравнении с относительной молодежью в НИИ, то есть с людьми на полпоколения старше нас. Сначала мне казалось, что они, ровесники, интереснее, умнее, разнообразнее научной молодежи вокруг меня, но тщательно продумывая эту тему, анализируя некоторые яркие эпизоды школьной жизни, я пришел к более обоснованному мнению насчет того, что и мои старшие товарищи в лаборатории в свои школьные годы тоже были яркими, интересными подростками и детьми, а мое первоначальное мнение весит не более, чем мнение обезьянки в одном вольере насчет того, что обезьяны в ее компании кривляются намного интереснее и умнее, чем это делают обезьяны в вольере другом.

И только одно исключение в этом уравнительном мнении есть: как бы то ни было, но мое поколение в большей мере хлебнуло в хрущевскую оттепель политического тепла. Это сделало моих ровесников более информированными, более вольными в мыслях и словах, но сделало ли умнее – вопрос. Я прекрасно помню интонации одной учительницы в школе,

когда она высказала свое мнение о нашей свободе, которую имели мы. Компания юнцов после занятий в свободное время обсуждала новость о денежной реформе 1961 года. Она подошла, послушала и вдруг с открытой завистью и со счастливым лицом сказала: – «Ребята, как я завидую вам. Вы можете говорить о том, о чем мы в наше время и думать-то не могли...» Да, говорить мы могли, но делают ли людей намного умнее блики летающих слов?

Не могу гарантировать, что именно в том году, возможно, немного позднее, тема моего поколения получила неожиданное развитие во мне. Я пришел к убеждению, что Советский Союз есть чудовищная смесь идейно-политических анахронизмов со вполне жизнеспособной энергией народа, но положительные перемены следует ожидать не ранее восьмидесятых годов. Дело в том, что мое поколение, насколько я понимаю его, этой придури не потерпит, но и сделать, однако, до определенного момента не сможет ничего. Не формальная власть как таковая в больших странах, но реальная сила во всех профессиональных группах в стране принадлежит слою средних начальников, руководителей, т. е. «шефов» – если кругло сказать. Обычный нормальный возраст этого слоя – 40~50 лет. Исключения, конечно, бывают, но погоды не делают, а мое поколение вступает в эту возрастную категорию в середине 80-х годов. В это время основная масса средних шефов будет из моего поколения, а насколько я понимаю ровесников, они не станут терпеть наш советский ма-

разм, тогда как от более старших поколений перемен не дождешься – они росли не в те хрущевские времена. И действительно, когда в ту проклятую перестройку показывали по телевидению выступления Горбачева перед «хозпартактивом» разных областей, я видел в заполненных залах в основном ровесников моих, то есть людей средних лет. Меня ужаснули их лица – непонимающие, отягченные опасением новой доуки, новой нагрузки для них. Ничего хорошего те лица не предвещали, но это были лица моего поколения, вот в чем беда.

Конечно, в те ранние 60-е годы я ожидал в грядущих 80-х годах только положительных перемен. Тот факт, что мое поколение обрушило страну, конечно же, был неприятен мне. Но я не виню людей – бывают задачи в принципе нерешаемые, бывают задачи хотя и в принципе решаемые, но неосуществимые в силу объективных причин. Скорее всего, устойчивый, развивающийся социализм при современном развитии цивилизации невозможен в силу подобных причин. Жалко ли, не жалко ли мне нашу былую страну, но я никогда не забуду то удивительно светлое чувство, с каким я впервые увидел огромный, трепещущий в руках у людей наш живой Триколор. Боже мой, подумал я тогда, теперь никто не спросит у меня, учил ли я «историю КПСС». Однако достичь такого результата в принципе можно было бы и не обрушивая страну. Так умным ли было мое поколение, или же нет?

Однако вернемся в то древнее ныне НИИ. Проработал там я около года. Получил огромный опыт, развился, повзрослел, но к барьеру недоверия добавился новый устой – теперь уже недоверие к высшей школе и твердое решение с дипломом о высшем образовании не спешить. Другими словами:

Хотя и развивался
Герой наивный наш,
В душе его остался
Серьезный ералаш...

ГЛАВА 14. СУЕТА СУЕТ

Примерно через год после окончания школы по сумме своих анамнезов и медкомиссий я получил от армии отсрочку, затем, через несколько лет – еще одну, так что в армии служить не приходилось. Это не радовало меня. Я понимал, что в десантуру я не гожусь, но в армии есть тьма нестроевых должностей – почему бы и нет. В военном столе по месту работы меня сразу же зарегистрировали по наименованию должности «лаборант» и приписали к определенному роду войск согласно профилю НИИ, а это технически насыщенные войска. Таких как я, наверное, там много. Да и в любом случае я настолько устал от всех этих своих благомерзких освобождений от физкультуры, что, чувствуя себя практически здоровым, готов был вполне патриотично хоть три года по тогдашнему сроку призыва по течению в армии плыть. Врачи в медкомиссии удивлялись моему нежеланию педалировать свои болячки, как это стало уже входить в моду в те времена. Тем не менее отсрочку они мне дали, и в конечном счете остался я «негодным в мирное время», но годным в военное к нестроевой.

В последующие годы на работе мне часто встречались ребята, отслужившие либо в этих, либо в близких по степени секретности и техноемкости войсках. Они охотно делились впечатлениями, которые мне надлежит по другой линии ме-

муаров отобразить, отчетливо отделяя то, что видел и трогал сам, от того, что только слышал от заслуживающих доверие лиц. Здесь же важно лишь то, что сумма этих рассказов слилась во мне в некоторый объединенный образ этой службы и в сумме с неполной, однако надежной подготовкой по НВП, которую я уже в своем месте упоминал, этот образ создал иллюзию, будто служил я сам. Стал я со временем сочинять еще одну любимую повесть «Вадимира» – и в ней для полноты характера героя он должен был быть парнем здоровым, свое отслужившим, сержантом запаса, наконец. Но эта повесть тоже никогда не увидит свет – я не рискну ничего специфического об армии опубликовать, ни разу реально эту шкуру не натянув на себя. Вообще я сочиняю подобные повести только для того, чтобы стабилизировать собственные суждения о предметах условного бытия – это конспекты моих впечатлений, а форма растет как трава.

Для закрытия темы об армии расскажу, чем кончилась моя военная обязанность спустя много лет. Поводился наш военкомат вызывать запасников для нелепых своих поручений – главным образом разносить повестки шоферюгам по случаю уборочной на целине. Возможно, и другие повестки бывали, я не обучен приказы начальников изучать. Наглость военкомата при этом не знала границ. Приходишь вечером домой – ан дома повестка, явиться в военкомат к 8.00, дата – завтрашнее число. Ладно, если к 10.00 – успею на работу толком позвонить, но 08.00 – беспредел. Дел на работе

гора, договоренность со смежниками, оборудование ставится на ППР и т. п. и т.д., сроки поджимают, всё невпроворот – но военкома это не касается, повестки рассылаются так, как если бы люди бродили по плацу и ждали команды ОТДЕЛЕНИЕ – -В ДВЕ ШЕРЕНГИ – СТАНОВИСЬ! Явишься в военкомат и маешься там вместе с другими такими же «партизанами» полдня, пока ленивый тыловой капитан или более толстый майор не раздадут по десятку (!) повесток в руки, и до завтра чтоб ррразнести! Мне, как бывшему почтальону, такое количество корреспонденции в одной доставке было просто смешно. Другие же «партизаны» почтальонами не были, но матерились они по этому поводу – будь здоров!

Однажды оказался я в каком-то кабинете военкомата, с какого такого дубака – не припомню уже. Там оказался человек моих примерно лет, абсолютно штатский по виду и с таким выражением лица, что я сразу понял – родной! Либо научный работник, либо с райкома мужик. Между прочим, и в крепких парткомах, и даже в райкомах попадались люди с очень умными лицами – и не нужно видеть в партийной стране один только гадостный шлямм. Так что отвел я душу, рассказал я ему, не раскрывая, разумеется, содержание своей работы, что связан на работе со множеством занятых делом людей, практически никогда не болею, и люди тоже планируют время для контактов со мной. Если бы повестки приходили хотя бы за день до явки в военкомат, я мог бы спокойно перепланировать день, только лишь и всего. Това-

рищ внимательно выслушал, подумал, спросил фамилию.

– Рядовой запаса Дубеев.

– Хорошо, до свидания. Я попробую что-нибудь сделать.

– До свидания. Спасибо на добром слове.

Больше того человека не видел я никогда, но что бы вы думали – ни одной повестки с тех пор лично мне не пришло. Лично мне это было удобно, но и этот случай можно вставить в серьезную критику СССР. Гарун-аль-Рашидам нужно не шляться инкогнито по базарам впотьмах, эпизодически что-нибудь в частностях поправляя, но устанавливая общие разумные порядки в стране. Разве это не так?

Отскочим снова назад из застойных семидесятых в ранние шестидесятые годы. Записался было я однажды в литобъединение одно, но после всего лишь нескольких занятий перестал ту литстудию посещать. Запомнились мне оттуда три лица. Одна дева задумчивая, в зеленом платье, с густыми длинными, ниспадающими почти до пояса тяжелыми потоками прекрасных золотых волос. Она томно и недоступно смотрела ни на кого, ей не хватало только гребня золотого да блестящего рыбьего хвоста – было бы самое то. Вторая была дама более опытных лет, в очереди в кассу гастронома после работы по вечерам она только мягкостью вежливости своей могла бы заметной в очереди стать. Вскоре, когда я пришел в тот кружок, в программе занятий было прослушивание «по радио» – по радиотрансляции то есть, какой-то

передачи на какую-то литературную тему – забыл я, о чем конкретно была там речь.

Компания из нескольких человек слушала с подчеркнутым вниманием эту, как мне казалось, галиматью. Не успел я по окончании передачи разинуть свою пасть для суждения о радиотрансляции как источнике вербальных помех, как все общество бросилось поздравлять эту скромно сияющую даму. Она оказалась автором и исполнительницей передачи, одновременно руководительницей нашего кружка. Третьим запомнившимся лицом был весьма неопрятный, растрепанный мужчина, муза которого водила его по пустырям и напевала ему сатирические стихи в адрес администрации района по поводу захламленности территорий, видимых гражданам с дорог. Еще они, участники кружка, как-то непонятно высказывались о поэте Сосноре. Я перестал посещать тот кружок и до сих пор остаюсь в полном неведении относительно того, на какую такую мозоль советский поэт Виктор Соснора, в то время еще молодой, им тогда наступил.

Были и другие события в той моей видимой жизни. Так, один приятель однажды дал мне на одну только ночь стопку машинописных страниц со стихами неизвестного ни мне, ни ему, никому поэта. Первые же бесхитростные строки покорили меня:

Ветер Чикой наполнил
Шорохом птиц полночных...

или вот это:

Вчерашняя девочка Света
Родила мне чудесного мальчика,
С волосами как крылышко света
На голове одуванчика...

Ксероксов не было тогда и в помине, поэтому я мобилизовал двух девиц, и они шустро переписали в тетрадку все. Я не знаю, смогу ли сейчас ту тетрадку найти. Некоторые стихи я долго помнил наизусть. Ничего не поделаешь, против времени не попрешь. «Руслана и Людмилу» я тоже помнил когда-то всю наизусть, а теперь знаменитое вступление к этой поэме – и то перевру, пожалуй. Так что если я до сих пор практически полсотни лет помню из той тетрадки отдельные строки стихов и одно стихотворение полностью – значит, это не бананаль. Увы, простой поисковик Яндекс не отзывается на знакомые строки, а проводить более полное исследование я ленюсь – тем более что определение «стихи неизвестного поэта» весьма романтично звучит.

Стал я в те годы глубже забираться в леса, ставил в лодке палатку... В общем, довольно содержательно жил – для случайного взгляда со стороны. Но барьер, тот самый барьер, постоянно стоял в душе. Есть мотыльки, кои ночью летят на свет, но есть и такие, кои от света летят в полумрак. Так и меня относил гармония собственных чувств прочь от тех

сияющих сил, которыми так исполнены авторитеты, влияние, власть. Слишком много лицемерия было в этом во всем. Непонятные «взрослые люди» детства стали непонятными «авторитетами» юности, и развитие далее по тому же вектору шло.

ГЛАВА 15. ЗНАКОМСТВО С ЭВМ

Примерно через год с момента моего поступления на работу в НИИ я получил предложение перейти в другую организацию лаборантом на вычислительный центр, точнее – в группу обслуживания ЭВМ, близкой по техническим характеристикам к ЭВМ Урал-4. Трудно передать теперь словами, что значило это предложение для меня. Грубо говоря, тогда лишь весьма небольшое меньшинство от населения даже промышленных городов имело надежное представление об этом предмете, большинство же народа могло судить о свойствах и возможностях ЭВМ только по тем восторгам, которые фонтанами плескались на страницах фантастических книг. Чего стоит одна лишь только дискуссия в рамках официальной идеологии о том, может ли «машина мыслить»... ой, не могу. Имел ли надежное представление об этом предмете я? Отнюдь. Едва ли у меня была возможность такое представление иметь, ведь только работая на вычислительном центре, узнал я подробность, которая почему-то упрямо ускользала от авторов фантастических книг – оказывается, не один лишь только электрический флюид пригоден к использованию в качестве активного носителя информации для вычислительных машин.

Для этой цели вполне годится также какой-нибудь достаточно кондиционированный газ, тот же сухой, очищенный

сжатый воздух и т. п. Существовала уже техническая отрасль пневмоника, которая отличается от пневматики так же, как электроника от электрики, и пневмонические вычислительные устройства выгодно отличались от электронных во многих отношениях, как то: – простота изготовления и эксплуатации – то есть почти во всех отношениях дешевизна; способность работать в немыслимых условиях окружающей среды – температуры, вибрации, радиации и т.п.; сравнительно небольшие габариты при равной вычислительной мощности устройств. Если мне не изменяет память, в те годы чехословацкие экспериментаторы ухитрились вкладывать в один кубический сантиметр пневмонического процессора до двух тысяч пневмонических логических элементов – и это в то время, когда примерно такое же количество электронных логических элементов ЭВМ (включая сюда малогабаритные полупроводниковые диоды) едва размещалось в шкафу. Возможно, что тот чехословацкий кубик работал тогда неустойчиво – но зачем напрягаться, пусть будет в кубике только сто элементов, все равно ведь по тем временам подобный процессор – чемпион. Даже по быстрдействию в те годы электронная вычислительная техника только обещала еще превосходство, но далеко не имела его. В то время следовало ожидать, что наибольший успех будут иметь комбинированные вычислительные агрегаты на основе различных технических баз, однако история техники упростила всю эту ситуацию до состояния наших дней. В настоящее время комбини-

рованные системы типа «механика+электрика+...+пневмоника» занимают уже определенные ниши цивилизованной технической среды, а в те времена конкуренция пневмоники и электроники была значительно жестче, нежели теперь. Я об этом не знал, следовательно, знатоком вопроса не был, но фантастики начитался до самых до ушей и сразу повел себя на вычислительном центре наподобие морской новорожденной черепашки, едва добежавшей по песку до воды.

Самое странное – это то, что мои новые товарищи приняли этот тон, и многое ошибки и просчеты в работе, о которых теперь вспоминаю я с чувством стыда, как и на прежнем месте работы, стали прощаться мне. Формально мои обязанности поначалу заключались только лишь в том, чтобы готовить к эксплуатации на ЭВМ радиолампы (то есть на специальном стенде их «тренировать») а также ремонтировать вышедшие из строя логические ячейки и поддерживать исправный запас таковых. Вскоре стал я участвовать в тестировании самой ЭВМ, ездить с незначительными поручениями в другие организации и т. п. Шаг за шагом подрастали должности и зарплата, года так через два был я уже электро-механиком 5-го разряда, и на работе считалось естественным, если в рабочее время читал я литературу по кибернетике и ЭВМ с такой же свободой, как это делает инженер. Интереснейшую производственную и общественную жизнь того коллектива подробно я в других линиях опишу, а здесь отмечу лишь то, что я редко место работы менял. После этого

ВЦ работал я в Отделе Математических Методов Исследования (ОММИ) другого крупного предприятия также на ЭВМ, затем на том же предприятии в Отделе Главного Технолога, тоже по линии ЭВМ. Оттуда я и на пенсию ушел. Примерно половина моей работы на том последнем предприятии описана в серии «ДД в НИИГОГО»

Прощаться с коллективом грустно всегда. Помню разговор об увольнении с руководителем первой моей лаборатории в том первом после школы НИИ. Я прямо сказал, что отнюдь не только повышение зарплаты является основной причиной перехода в другое НИИ. Там – ЭВМ. А здесь ЭВМ еще нет, и когда она будет, очень трудно сказать. – Я понимаю вас, – грустно сказал пожилой человек, вложивший в отраслевую науку всю свою жизнь.

Добавим-ка мы сюда ложечку дегтя, и не в последний, к сожалению, раз.

Как известно, любая ЭВМ, вплоть до самых-самых продвинутых современных включительно, состоит из так называемых «элементарных деталей» подобно тому, как из отдельных деталей состоит любое техническое устройство, система водяного отопления, например, или водопровод. Характерно, что детали водопровода в современном мире являются все типовыми и взаимозаменяемыми, то есть при соответствии номинальных параметров в одну и ту же позицию ставятся они без подгонки, или, в крайнем случае, подгонка

минимальная и тоже заранее оговорена. Поскольку детали квартирного водопровода достаточно велики для того, чтобы их можно было удобно брать в руки, то имеется реальная возможность легко переделывать внутреннюю разводку в домовладении согласно удобству жильцов. Примерно такое же положение с размером деталей было на первых «ламповых» ЭВМ.

Первые поколения тех еще «ламповых ЭВМ» отличались от нынешних рядом особенностей, и прежде всего тем, что размеры тогдашних элементарных деталей для ЭВМ весьма отличались от современных. Как известно, наименьшая функционально значимая часть современных ЭВМ, именуемых «компьютерами» уже лет тридцать, то есть так называемый «логический элемент», по своим современным размерам сопоставима с каким-нибудь микробом, а то и поменьше его. В качестве отдельных предметов такие элементы не существуют, материально они представляют собою специальным образом обработанные световым, ультрафиолетовым, электронным и т. п. точно сфокусированным лучом микроскопические участки специальных поверхностей на кристаллах, смонтированных на подложках и залитых компаундом в виде микросхем. Таким образом, владелец компьютера лишен практической возможности как-нибудь по своему желанию их переставить, переменить, перекоммутировать и вообще вмешаться в конструкцию компьютера на уровне тех микроэлементов, из которых тот состоит.

На первых же, так называемых «ламповых» ЭВМ (и в значительной степени на последующих поколениях т.н. «полупроводниковых» ЭВМ) положение было принципиально иным. Логические элементы тех ЭВМ изготавливались радиомонтажным способом на специальных каркасах, пластинах и т. п. из так называемых «радиодеталей», а радиодетали в те годы по своим габаритам, форме и весу были сопоставимы с пуговицами, чашками и т. п. То есть их можно было без затруднения даже руками брать (а мелкие – пинцетом) и впаивать куда подскажет душа. В одном каркасе монтировался либо один составной сложно-функциональный логический элемент ЭВМ, состоявший из примерно десятка-двух простых радиодеталей, либо несколько элементов попроще, с меньшим количеством радиодеталей в них. Такой укомплектованный каркас обеспечивался разъемом для соединения с общей схемой и назывался «ячейкой» ЭВМ. Сама по себе ячейка представляла собою законченное производство радиотехнического производства. Их разрабатывали разработчики ЭВМ, для каждого типа ЭВМ отдельно. Обычно для ЭВМ разрабатывалось десятка полтора типов ячеек, они были взаимозаменяемыми в рамках своего типа, а если какую-либо ячейку нужно было дополнительно настраивать по месту включения, то это оговаривалось в технической документации на ЭВМ.

Эти ячейки в определенном порядке вставлялись своими разъемами в общий большой шкафообразный каркас с ли-

цевой стороны ЭВМ, разъемы каркаса с обратной стороны соединялись монтажными проводами примерно так, как это делалось в радиоприемниках тех времен, с тем лишь отличием, что ячеек в средних ЭВМ были тысячи, в больших – еще больше, разъемы бывали, например, и 14-ти, и 16-ти, и 22-х контактными, металлические шкафы с этими каркасами образовывали ряды, и любой контакт любой ячейки в любом месте этого ряда шкафов имел и право, и техническую возможность быть соединенным посредством контактного провода с любым контактом любой другой ячейки этой ЭВМ, если таковое соединение сочтет за благо произвести человек с паяльником (или с другим, специальным, инструментом) дорвавшийся до ЭВМ. В число таких людей со временем вошел и ваш покорный слуга, а приглашен он был на ремонт ячеек, извлекаемых по причине неисправности из ЭВМ. А выходило из строя в день иной раз и несколько штук. (Обычно просто радиолампы «садились». Это пустяк.)

Радиодетали для этих ячеек были все те же, что для приемников, телевизоров, радиол итп. Производились они промышленностью независимо от ЭВМ, использовались в теле-, радио- и акустической аппаратуре обычным радиотехническим путем, их можно было выписать в любом количестве через «отдел комплектации» на производстве, а в небольших количествах – просто в магазине радиотоваров купить. Запасные, вполне укомплектованные ячейки приходили в достаточном количестве вместе с ЭВМ. На всякий случай и пу-

стые каркасы включались в ЗИП, а если их почему-либо и не хватало, то в крайнем случае изготовить правильный каркас можно было в обычной экспериментальной мастерской из подходящих материалов по образцу, или направляли в командировку «толкача» на завод.

Из всего этого становится ясно, что в принципе тогда еще можно было явочным порядком вносить изменения в схему соединения ячеек ЭВМ, а также своей головой разрабатывать и своими руками собирать не только ячейки нового, своего типа, но и какие-нибудь более крупные функциональные блоки ЭВМ с такой же легкостью и простотой, с какой некоторые продвинутые детки мастерили себе сами или в кружках детекторные приемники, аппараты для «охоты на лис» и прочее в этом роде, а более продвинутые дяденьки-радиолюбители – тогдашние телевизоры, например. В принципе можно было бы и всю ЭВМ собрать, затруднение было бы прежде всего количественное – это сколько же зарплата и сколько лет нужно для того, чтобы изготовить своими руками пусть даже и не всю ЭВМ, но хотя бы только каркасы для размещения нескольких десятков тысяч типовых радиодеталей в составе ЭВМ, затем каждую детальку из этих тысяч в отдельности или мелкими упаковками нужно было тогда в магазине радиотоваров покупать, да и площади дачного домика на шести сотках явно недостает, спорь не спорь, для того, чтобы все это как-то в процессе изготовления ЭВМ разумным образом расположить.

Однако то, что практически неосуществимо силами одного радиолюбителя дома, может быть реализовано в производственных условиях соответствующим коллективом, располагающим на работе материалами, инструментами и мастерской. Обычная эксплуатационная бригада технического обслуживания большой ламповой ЭВМ на предприятии, не считая операторов и программистов, включала в себя семь-восемь, а то и более (в зависимости от категории ЭВМ) квалифицированных специалистов разных профессиональных категорий (инженеры, техники, рабочие) из коих все имели базовое образование (согласно категории) в области электро- и/или радиотехники, а некоторые из этих людей имели сверх своего базового образования еще и специальную подготовку на курсах завода-изготовителя данного типа ЭВМ со свидетельством от завода-изготовителя на право технической эксплуатации таковых, в том числе обязательно инженеры – такая бригада вполне могла в процессе эксплуатации ЭВМ на своем предприятии выявить и при всесторонней поддержке предприятия своими силами устранить недочет не только в изготовлении, но и в начальной разработке каких-либо укрупненных электронных схем, входящих в состав ЭВМ и состоящих на соответствующем уровне интеграции из элементарных частей, но также такая бригада могла и разработать что-либо новое схемотехническое для своей ЭВМ. Спрашивается, а была ли такая самодеятельная модернизация ЭВМ актуальной в те времена?

Да, была. В те времена в целом в мире еще не было ни достаточного опыта в разработке сложных логико-электронных схем, ни даже достаточной теоретической базы. Не было еще тех систем автоматизированного проектирования и моделирования, без которых немислим современный творческий процесс разработки сложных электронных систем. Учитывая сверх всего этого, что народное хозяйство испытывало колоссальную потребность в ЭВМ, а процесс разработки ЭВМ был длительным и очень дорого стоил, было бы экономически нецелесообразно затягивать этот процесс. Вследствие всего этого в эксплуатацию выпускались ЭВМ, в принципе спроектированные разумно, однако недоработанные по мелочам. А каждая такая мелкая недоработка с высокой степенью вероятности приводила к снижению работоспособности ЭВМ, увеличению количества отказов и сбоев в ее повседневной работе по решению тех задач, для которых она, собственно говоря, и была-то в системе народного хозяйства нужна.

Поэтому эксплуатационники естественным образом в рабочем порядке и дорабатывали уже на местах в структуре готовых уже ЭВМ все, что выплывало в процессе эксплуатации на вид. Каждая такая доработка не только могла, но и должна была бы быть оформлена как так называемое «рационализаторское предложение» – конечно, если в ней не было достаточной патентной новизны для оформления на уровне изобретений.

Изобретения эксплуатационных групп на уровне частичного усовершенствования уже сданных в производственную эксплуатацию ЭВМ лично мне не известны, а рацпредложений – не счесть. Случались рацпредложения и у меня за долгое время работы на ЭВМ различных типов и поколений – но по аппаратуре довольно редко, заметно меньше, чем у некоторых моих коллег.

Поначалу существовали как бы официальные научно-технические общества пользователей ЭВМ с разбивкой по типам ЭВМ, то есть общество пользователей ЭВМ типа «Минск», общество пользователей ЭВМ типа «Урал» и т. д. Насколько я понимаю, членами этих сообществ были юридические лица – предприятия, имевшие соответствующие ЭВМ. Общества издавали и распространяли материалы типа скромных технических журналов, через которые шел обмен опытом эксплуатации ЭВМ, включая и улучшения тоже. Таким образом, завод-изготовитель ЭВМ и КБ разработчика имели возможность получать профессиональную информацию о выявленных недоработках, и сослаться на незнание темы они не могли.

Спрашивается, учитывалось ли это при выпуске новых экземпляров ЭВМ уже разработанных типов. Увы и еще раз увy. Учитывалось, но с огромными затруднениями и скрипом. Внесение любых изменений в уже отлаженный процесс громоздкого, очень сложного в техническом отношении производства требовало и хлопот, и затрат, и труда от ра-

ботников этих заводов и практически ничего не давало им. От них требовалось выполнение плана выпуска ЭВМ по заранее утвержденной технической документации, они выполняли свой план, получали за это зарплату и премии, лишняя добука им была не нужна. А предприятия, получавшие такие вычислительные машины по планам технической модернизации и развития своего производства, утверждаемых в министерствах и выше, были довольны уже тем, что хоть какую-то ЭВМ им удавалось «пробить». Я видел материалы таких обществ давным-давно, когда работал в начале 60-х годов на той машине «Урал». Из них и об обществах этих узнал. Более поздние примеры не припомню, так что по истории этих обществ ничего здесь сказать не могу.

В тех же годах ситуация на Западе была радикально иной. С одной стороны, ничто не мешало капиталистическому предприятию купить примерно такую же, как и у нас, большую ламповую ЭВМ западного производства, поставить ее на своем предприятии в соответствии с техническими условиями на помещение для нее, набрать специалистов и вариться в собственном соку, как это делалось в СССР. Но у них и другая возможность была – они не покупали ЭВМ – они покупали товарное машинное время для решения своих задач, и оплачивали только его. Да, они могли согласно заключаемому контракту предоставить фирме-посреднику производственную площадку надлежащего качества на территории своего предприятия для размещения

на ней ЭВМ указанного в контракте типа, но сама ЭВМ, как предмет, оставалась в собственности либо посредника, либо своего завода-изготовителя, а заказчику, по большому счету, было безразлично, какой договор заключат между собою посредник и поставщик ЭВМ. Посредник набирал также и технический персонал для работы на ЭВМ, и зарплату тоже ему тот же посредник платил, а не «заказчик» работы на ЭВМ, он же пользователь ЭВМ. Заказчик платил деньги посреднику только за то машинное время, которое согласно контракту он мог использовать для решения своих задач, при условии, что ЭВМ в это время вполне исправной была.

Такая постановка дела приводила, с одной стороны, к четкой научно-технической проработке вопроса о природе и диагностике исправных и неисправных состояний ЭВМ (с чем у нас заметное отставание сразу пошло) а с другой стороны, такое положение обусловило практику и опыт оперативной реакции всей этой системы деловых отношений на выявленные в процессе эксплуатации недоработки ЭВМ. Фирма-посредник была заинтересована деньгами в том, чтобы ЭВМ не сбивались, так как в этом случае по согласованным методикам учета товарного времени слишком много машинного времени списывалось на сбой и не оплачивалось никем. Поэтому фирма-посредник мигом рассылала по всем своим эксплуатационным бригадам предложения по улучшению работы ЭВМ, и те оперативно внедряли их. И на заводы-изготовители ЭВМ такие фирмы тоже умели нажать или

по-деловому договориться с ними – ибо и у заводов тоже был в этом товарном «машинном времени нетто» свой конкурентный денежный интерес.

Вследствие всего этого на Западе еще на уровне старинных ламповых ЭВМ сложилась своеобразная строгая, ответственная КУЛЬТУРА разработки, эксплуатации и применения ЭВМ, до которой нам было очень и очень далеко. Именно на этой культуре они и начали нас уверенно обгонять, к огромной досаде рядовых специалистов в нашей стране, которые все это видели, знали, но ничего изменить не могли. Я узнал об этом вследствие профессионального общения в коллективе еще на той ЭВМ Урал-4, на которую впервые тогда пришел, и осознание безысходности ситуации с этим делом в нашей стране тяжелым камнем легло в тот барьер, который с детских лет меня от нелепого взрослого мира уверенно отделял. Я продолжал работать как бы играя в школьном кружке, любые разговоры с кем бы то ни было о возможной карьере в этом отвратительном «мире взрослых людей» вызывала реакцию «фу!» – разумеется, при более вежливой попытке с моей стороны переменить разговор.

Для определенности уточню, что описанная здесь схема эксплуатации ЭВМ через продажу машинного времени нетто без продажи самой ЭВМ относится именно к тем далеким уже временам. По мере стремительного развития вычислительной техники в мире менялись и способы её эксплуатации. Но это в тему данного мемуара уже не войдет.

ГЛАВА 16. НОВЫЕ, ОЧЕНЬ ИНТЕРЕСНЫЕ ЗНАКОМСТВА

Первоначально на новом рабочем месте в Отделе Математических Методов Исследования мои обязанности состояли в том, чтобы в качестве младшего члена бригады обслуживания участвовать в технической эксплуатации двух «средних» ЭВМ: Урал-4 и БЭСМ-4, затем к этому добавилась обязанность самостоятельно обслуживать две малые ЭВМ типа «Проминь», которые выведены в серии «ДД в НИИ-ГОГО» под условным наименованием «умор». Эти маленькие машинки правильнее было бы называть «Проминь», так как это киевская разработка знаменитого КБ Глушкова, по-украински это значит «луч», а нынешний интернет отзывается на оба варианта в наименования этих «малых» даже по тому времени ЭВМ. Эти машинки в техническом отношении в то, свое для них время, были настолько интересны, что по другой линии мемуаров заслуживают отдельной статьи. Но здесь я замечу только то, что эти малые ЭВМ описаны мною в серии про НИИГОГО правильно, однако по тому беспощадному методу, которым часто злоупотребляют жестко zaangażированные, несвободные СМИ: что-то выпатим, о чем-то умолчим – и никто не придерется, ни слова лжи, но невозможно узнать, что же там в действительности про-

изошло. Прямо как в цирке – никто же не верит, что фокусник проглотил большой мяч, но аплодируют в цирке все. То же и тут.

Вообще-то я советую серию про ДД в НИИГОГО прочитать, так как там всего лишь чуть-чуть утрирован юмористический оттенок бытия, реальные факты моей биографии подкорректированы вполне реалистически под образ растяпы Дениса Дубеева, и если не считать грубым искажением прототипа тот факт, что тот Денис Дубеев принимал участие в неформальной самодеятельности и порою в закоулках своего факультета даже ночевал будучи уже студентом Университета, тогда как прототип Дениса Дубеева проделывал все это благодаря знакомствам в студенческой среде еще до поступления в Университет, то рассказы те правдивы настолько, что невозможно вычислить как. Лично я считаю, что обстоятельства основных событий и образы всех персонажей той серии соответствуют тому, как я видел этих людей, и подкорректированы с учетом литературной сюжетики только чуть-чуть. По-моему, все персонажи той серии описаны мною с любовью. Кто не нравился мне – тот туда не попал, и забудем о них.

В дополнении к занятиям Дениса Дубеева в НИИГОГО я добавлю лишь то, что в этом ОММИ, помимо высококвалифицированных, вполне «остепененных» специалистов, в общем штатном составе порядка 120 человек оказалось также какое-то население младшего технического состава, в кото-

ром большинство училось заочно-вечерне в разных вузах нашего городка. Администрация всячески шла им навстречу, в частности, все сквозь пальцы смотрели на то, что эти ребята в рабочее время и на своих рабочих местах готовились к занятиям, делали контрольные работы итп. Среди этой учащейся молодежи оказались лодыри и лентяи, которые повадились бегать ко мне за консультациями по поводу этих учебных дел. Я прекрасно понимал, что делаю плохо для них и для страны, что это делать нехорошо, однако мне и самому хотелось бы знать, чему и как учат в технических вузах их. Я спрашивал у них методички и, так сказать, «помогал». (Я не знаю, были ли лентяйки среди девушек-заочниц, но девушки по таким пустякам, как учеба, уже не приставали ко мне. Это не школа, вот оно что – возраст уже иной.)

Как-то незаметно освоился я и с программированием для ЭВМ – коды, ассемблеры, алголы, фортран. Рассуждения мои были просты. Несведущий в программировании наладчик ЭВМ подобен ветеринару, который может пощупать собачке носик, но не может ее спросить. Сведущий же в программировании наладчик подобен врачу, который и нос пощупает, если нужно, и вопросы задаст страдающей недугом ЭВМ. Также как-то само собой получилось, что ко мне стали обращаться за консультациями сотрудники разных отделов НИИ, которым ЭВМ давала непонятные решения задач (химических, физических и разных таких других) а группа обслуживания ЭВМ отвечала, что техника вся, мол, ОК.

Ох, если бы наша страна вместо этой англоязычной идиомы переняла бы у Запада культуру непрерывного тестирования и методики расчета товарного и нетоварного времени работы ЭВМ! Увы, об этом было сказано много и горько в предыдущей главе, зачем повторяться здесь.

В этих разговорах с коллегами из разных отделов мне весьма помогало то, что к тому времени я уже кое-что и по классической логике самостоятельно подчитал, и по основам математической логики тоже прослушал на матмехе спецкурс (еще туда формально не поступая,) к сожалению, курс небольшой. Это действительно помогало мне разбираться в хитросплетениях разных чужих задач, и я с удивлением видел, что мои коллеги с дипломами серьезных технических вузов, на должностях научных сотрудников большого, всесоюзно значимого НПО просто плавают в четких понятиях логики, лишь понаслышке зная о них.

Огромное положительное значение для меня имело общение с несколькими действительно серьезно образованными людьми, работавшими в ОММИ, а также и в других отделах НИИ. А также и с людьми, которые степеней не достигли еще, но отличались ясным умом и серьезным отношением к делу. В других линиях мемуаров я подробно о них расскажу. Каждый из них был светочем для меня, но все они, за исключением двух-трех руководителей предприятия и членов парткома, находились на невысоких служебных местах. Впрочем, это не диво. Так ли уж много было

поэтов-вельмож или астрономов-царей? Все эти темы не помещаются здесь, но я постараюсь со временем обо всем рассказать.

К этому времени руководство отдела уже оставляло меня старшим по смене на ЭВМ и в вечер, и в ночь, а однажды ко мне подошел начальник лаборатории программирования (лаборатории были частью отделов в том НИИ) и сказал что-то вроде того: – Оказывается, вы программируете? Вот тут отдел главного технолога просит решить им одну задачку, что-то со станками ЧПУ, а у нас программисты заняты практически все. Не могли бы вы посмотреть, что там и как? – так начался мой многолетний путь, описанный в следующих главах. А в этой главе важно теперь только то, что я счел себя достаточно подготовленным для дальнейшей учебы и решил поступать на матмех.

ГЛАВА 17. МАТМЕХ

При подготовке к экзаменам в университет имел место забавный, хотя и совсем незначительный случай, который все же следует здесь привести, так как это покажет нам наивность нашего героя, несмотря на то, что возраст как бы уже и к серьезности располагал, и последующее развитие событий от этого примера станет более ясным нам.

На предварительных консультациях почтенная представительница нашего деканата академически мягким, даже несколько ласковым тоном объясняла огромной аудитории «абитуриентов» порядок прохождения вступительных экзаменов на матмех. Закончив рассказ, мадам предложила присутствовавшим задавать ей вопросы. Однако огромная аудитория молчала, еще не успев как следует эту лекцию осознать. А я вообще ни в каких собраниях участвовать не любил, а если уж приходилось, терпеть не мог, когда докладчик от молчащей аудитории какого-то действия безрезультатно ждал. Быстрѐхонько сообразив бессмысленную тему вопроса, я встал и спросил, как следует поступить в том случае, если экзаменационная задача окажется разрешимой средствами высшей математики более корректным, более компактным путем, чем если решать ее средствами школьной программы. Разрешается ли на экзаменах выходить за рамки тех методов и приемов, которые в школьную программу во-

шли. Сказать по правде, я вовсе ту «высшую математику» достаточно-то и не знал, но надо же было вопросом рассеять в аудитории тишину. Цели я достиг – аудитория насторожилась и шевельнулась, тараща глаза и на лидершу, и на меня.

– Можете, – очень мило хозяйка той ситуации ответила мне и, чуть улыбнувшись, добавила – но имейте в виду, что и оценивать такую работу мы станем по критериям совершенно иным...

– Спасибо, понял. – веско ответил я и сел на место, очень довольный собой. Из этого вы можете сделать предположение, что и само по себе поступление в Университет изначально было для меня родом кружковщины, родом игры, как и работа вся вообще. Оправдается ли такое предположение в дальнейшем – скоро будем смотреть.

На первом курсе заочного отделения матмеха следовало пройти следующие науки:

– первый том трилогии на тему дифференциального и интегрального исчисления сочинения известнейшего мэтра Фихтенгольца – толстый серьезный том;

– немного менее толстый томик аналитической геометрии, автора не помню;

– по выбору, либо томик средней толщины Никольского, либо тонкое руководство, почти брошюру, Боровича на тему линейной алгебры, определителей и матриц;

– курс диалектического материализма, автора не помню;

– что-то краткое по немецкому языку.

На первой же сессии я скинул без особых затей только немецкий язык и, кажется, аналитическую геометрию (или она осталась в хвостах, не помню уже.) Со всем остальным я чудил, а занятия посещал сначала прилежно, затем менее прилежно, затем совсем перестал. И в самом-то деле, зачем заочнику вечерами на те же лекции ходить, когда есть книжки, например, и методички к ним. И я, будучи еще со школы теми уроками утомлен, стал всё по книжицам учить. Изложение же предметных чудачеств начнем снизу вверх.

Для зачета по диамату на первом семестре было достаточно какую-то «контрольную работу» написать, тема свободной была. Придумал я тему себе «Наивный реализм». Мысль была та, что тончайшее проникновение в сущностные глубины материи хорошо лишь в условиях обеспеченной безопасности людей. Мир же опасностями полон, необходимостью хлеб насущный себе добывать и действовать в природе вообще. Именно для уверенного действия живых существ в природе эволюция и выработала упрощенное отношение в животном мире к ней; дальнейшее, рационализированное развитие этого отношения на человеческом уровне развития материи и представляет собою наивный реализм. Представьте себе на минуту, что вы стали свидетелем начинающейся аварийной ситуации в цехе какого-нибудь завода. Вы же не станете в эти мгновения рассуждать о том, через

непрерывный ли воздушный флюид наблюдаете вы картину событий, сквозь молекулярно-воздушную сетку или сквозь эйнштейнианские релятивистские поля? Нет, и еще раз нет. Мгновенным прыжком вы перескочите через стоящий поблизости ящик и рванете вниз рукоятку электрошкафа у входа в цех – а такую свободу стремительных, точных, но в то же время рационально мотивированных движений дает только удивительное слияние разума и природы, именуемое «наивный реализм»... и вот такими приблизительно рассуждениями была заполнена простая ученическая тетрадь.

Сдал я ее на проверку с волнением примерно таким же, с каким отсылал когда-то в журнал свой первый литературный рассказ. Оценка оказалась проста: три балла, научный уровень низок. Разыскал я на кафедре марксизма-ленинизма преподавательницу, которая проверяла заочникам работы. Это оказалась девушка моих примерно лет, видать, сама только этой весной окончила курс философских наук. Очень была она удивлена уже тем, что какой-то заочник недоволен ее трояком. Я объяснил, что с оценкой по количеству баллов в ней я полностью согласен, но ведь я же «учусь». Объясните, пожалуйста, вашу короткую рецензию насчет научного уровня. В чем именно состоят мои ошибки в данной работе, иначе как же смогу я в дальнейшем их избежать? Юная философия ответила, что содержание работы в принципе верное, ошибок в нем нет, оценка же снижена по причине отсутствия списка литературы, откуда я это все взял. Я

говоря, что конкретно не взял ниоткуда, именно так я думаю сам. – Вот то-то и плохо, – объяснила преподавательница, – в науке принято источники изучать... Конечно, уж с этим-то мне согласиться пришлось. И в самом-то деле, тут ничего не поделаешь, ведь это действительно так. Вдруг кто-нибудь ранее нечто такое писал – вот обидно-то будет ему, если узнает, что даже студенты-заочники – и те не читают его.

При объяснении списка учебной литературы нам коротко сказали, что министерство назначило учебник Никольского, но факультет рекомендует Боровича. Это наш питерский математик, профессор, лучше возьмите его. Делового объяснения не было, а я с детства всякую надутую рекламальную «питерщину, ленинградщину» в упор терпеть не могу. Ах, белые ночи, белые ночи... А ночи то у нас вовсе не «белые». «Серые» ночи у нас, вот и все! Не понравился мне этот местечковый патриотизм, и я принципиально в библиотеке Никольского взял. (Надо бы оба издания взять, но не смекнул, увы.) На экзамене преподаватель удивлен: – «Постойте, постойте, что это такое вы говорите? Ах, у Никольского так? Ну ладно, валяйте по Никольскому, я и это пойму...". После экзамена я тут же в библиотеке Боровича взял, и что бы вы думали? Если есть на Земле хоть один гениальный учебник, то это краткое, тонкое руководство Боровича «Определители и матрицы», кажется, так называлось оно. Я никогда не думал, что такие отвлеченные вопросы на простейших примерах можно так ясно, так кратко и так теоретически чи-

сто изложить. У Никольского тоже свои достоинства есть – тяжеловесные, академические, сухие. По Боровичу хорошо сей предмет начинать, по Никольскому – повторять, и никто именно этого в самом начале не объяснил.

Аналитическая геометрия представляет собою перекрестную игру геометрических образов и числовых величин. Это очень полезная в технических приложениях дисциплина; в последующие годы я постоянно имел дело с ней, но что было с ней на матмехе – извините, забыл. Помню, что трудностей она вроде бы не вызывала, задачки решались легко.

По настоящему трудным во всей этой истории был только основательный Фихтенгольц, точнее, его предмет. Этот предмет давно уже известен миру под двумя разными названиями: – " дифференциальное и интегральное исчисления" и «математический анализ бесконечно малых величин», или просто «матанализ» на учебном аргю. Иногда еще неопределенно какой-то «высшей математикой» называют его, но это название неудобно из-за неясности в соотношении между общим и специальными смыслами этих слов. Трудность матанализа заключается в том, что предметом изучения в нем являются объекты, даже аналоги которых отсутствуют в природе или в комнате под рукой, так что набросок, чертеж, модель или, на худой конец, даже анекдот об увлечении невинного простофили Интеграла коварной искусительницей Производной из правого двумерного пространства в левое пространство более четырех измерений и жестокого от-

мщения обоим со стороны серьезной Первообразной могут помочь пониманию сути дела только после того, как эта суть будет понята и осознана через чисто логический путь.

В этом исчислении «бесконечно малая положительная величина» есть такая величина, которая вообще-то нулю не равна, но заведомо меньше любого заранее заданного малого положительного числа. Интересно, как это студент-первокурсник может представить и отразить вспомогательным чертежом эту «величину»? Что такое «заранее заданное малое число»? Одна стомиллионная ангстрема? Не смешите меня, одна стомиллионная ангстрема по отношению к любой бесконечно малой величине есть бесконечно большая величина... Одна стомиллионная от той стомиллионной? Какая ей разница, сколько **КОНКРЕТНЫХ** раз вы будете ту **КОНКРЕТНУЮ** границу на ваши **КОНКРЕТНЫЕ** сто миллионов делить. Вдумайтесь в определение и перестаньте меня утомлять... Однако если одну бесконечно малую величину разделить на другую бесконечно малую величину, то получится все что угодно в зависимости от индивидуальных особенностей этих двух условных «величин». Вот вокруг этого деления и пирует в течение последних трехсот лет вся теория механики макромира, то есть нашего слоя материи, в котором столь правильно действует вышеупомянутый наивный реализм. Однако поскольку бесконечно малые величины непредставимы модельно, то любые попытки упрощенно этот предмет изложить не упрощают, но опрощают его.

Даже лучшие популярные сочинения Зельдовича для начинающих, даже учебники втузов – это не «матанализ», это попытки трехлетнего дитяти объяснить воспитательнице детского сада кинетику воздушно-топливной смеси в цилиндрах двигателя автомобиля отца. А вот про Фихтенгольца такое не скажешь – он действительно этот предмет изложил. Зато и трилогия получилась большая, ее интересно, но трудно читать.

Я изучал этот первый том так. Открываю его на первой неувоенной еще теореме, закрываю доказательство и читаю условие. Затем вспоминаю, что вся эта монография построена строго упорядоченно от аксиом старинного ученого Дедекинда, следовательно, предыдущий материал достаточен для доказательства и этой теоремы тоже, надо лишь разум к ней приложить. Поехали, будем доказательство сами искать. Если в течение двух-трех дней не удавалось найти, только тогда смотрел я в книжку и ахал: – «Надо же, так остроумно! Как же сам не смекнул!». Ладно, проехали, следующий параграф берем...

За месяц-два таких занятий стало мне казаться, что тут как будто бы что-то не так, как будто бы аксиоматическая база всей этой системы какая-то шаткая, фундамент всех таких построений хлипкий какой-то, слабоват не по силе последующих теорем. Вместо того, чтобы проконсультироваться хотя бы у тех специалистов, о которых я столь уважительно в прошлой главе написал, или преподавателя в кори-

дорах матмеха за пуговицу поймать и потребовать от него разъяснений, я увлеченно и самолично в этот вопрос полез. Разобрался я в этом и пришел на матмех. А там математики-профессионалы смотрят на меня скучающими глазами и спрашивают, зачем это я в открытую дверь-то ломлюсь. Это все известно со времен Эвариста Галуа (полторы сотни лет, теперь уже где-то порядка двухсот.) Этим мы будем заниматься на четвертом курсе, на пятом, а сейчас-то вам это зачем. Ядовитая же начальница такая, приставленная там учет успеваемости студентов в большие таблицы писать, раскрывает свою амбарную книгу и перечисляет, сколько задачек мне нужно решить по текущему плану работ, сколько контрольных сдать, включая все математические предметы, немецкий и диамат. – И не забывайте, молодой человек, сессия через три недели, вам еще допуск к ней получать...

Как я ту сессию свалил, и почти без хвостов – сам не помню уже. Помню, знаменитый Станислав Лем мне помог. Страшно тяжелый был день, голова – никакая, в библиотеке матмеха – изо всех курсов толпа, все требуют каких-то руководств, учебников, материалов. Библиотекарей почти что всех задавили, заглушили, их не слышать, не видеть. Пробрался я к каталогу художественной литературы (скромненько, но представлена и она) просматриваю карточки каталога. Ба, Станислав Лем, Кибериада! Недавно издана у нас, а здесь уже есть. Пробылся я к стойке сквозь мятущихся, теснящихся коллег. Девушка-библиотекарь была несказанно удивлена

потребностью в художественном слове в этот безумный день, но книжку мне принесла. Вышел я на мягкий холодок под серое зимнее низкое небо, смёл со скамейки в сквере снежок, устроился, стал читать и смеяться, смеяться и читать... Стало заметно темнеть, вернулся я в здание, экзамены еще идут. Сдал я тогда экзамен, не помню точно, какой – ну, и дальше дело пошло.

На втором семестре вместо штатной учебы опять не удержался я от соблазна разобраться в том, что же такого натворил бедолага Эварист Галуа, и, конечно же, разбираться стал сам. В конце концов я понял это все так, что наш достославный матмех кормит студентов математикой не с того конца, с какого нужно математику излагать, но почему? Ясного, толкового ответа получить я не смог. Возможно, не слишком старался я, но, во всяком случае, ответы типа «такова традиция» или «такова утвержденная сверху программа» не устраивали меня. Опять же этот барьер. Ну, те самые «взрослые люди» и до математики добрались, все отравляют и путают, чего ни коснись. Какое мне дело до них... Так и бросил я учебу на матмехе, решил, что пока сам я в этом не разберусь, лучше время не тратить на вздор.

Спустя какое-то время один из лучших программистов страны, семинары которого были отдушиной здравого смысла и логикой мастерства для меня, мне сообщил, что начальник вычислительного центра на матмехе разыскивает меня. Будто бы тот достойный джентльмен сказал прямо так: –

«Дайте мне документы этого парня, я его восстановлю. Пусть этот парень придет и бумаги свои принесет.» А поскольку тот программист и начальник ВЦ были прекрасно знакомы друг с другом, сомневаться в действительности намерений начальника ВЦ не было никаких причин. Тем не менее был я в те годы настолько глуп, что и это приглашение отклонил.

Впоследствии я все же разгадал этот важный секрет. Нужно было внимательно читать наименование факультета: математико-механический факультет, то есть факультет математических аспектов механики – можно и так толковать. А что такое «механика» – это прежде всего механизмы, машины, техника, заводы и вообще техносфера в массе своей основной. В ней необходимо огромное количество так называемых инженерных расчетов, и будущие инженеры обучаются этому в технических вузах нашей огромной страны. Для тех же вузов нужны преподаватели прикладных математических дисциплин. Но учитель-то должен знать предмет и шире, и глубже учеников, вот матмех и учит прежде всего преподавателей математики для технических вузов по-настоящему, чем те станут впоследствии своих студентов учить, но, конечно же, прежде всего учит тем разделам математики, которые преподавателю математики в вузе будут больше всего нужны. Ну а собственно современная математика в ее постньютонианском развитии на старших курсах идет на десерт.

Далее, на матмех поступают исключительно такие вче-

рашние школьники, у которых в школе было с математикой хорошо и, как правило, с физикой тоже. Отсев же на первых курсах матмеха большой, даже такие ребята не все свободно впитывают матанализ в себя. А куда же они после неудачи на матмехе пойдут – конечно же, в технические вузы, и вот тут-то они и вспомнят добрым словом матмех, так как даже неудачная учеба на матмехе оборачивается огромным подспорьем перешедшим в технический вуз. Никоем образом не нахожу я в этом обиды для технарей. Не математика ведь главное для них – но логика процессов в природе, поведение сплавов при нагреве и охлаждении с разной скоростью в разной среде, износ при трении металла о металл, сжатие бетона и способы защиты от коррозии меди, например. Всего перечесть невозможно, поэтому инженеру не нужно и некогда думать о том, насколько мотивированно выдающийся математик XIX-го столетия Дедекинд обосновал своими аксиомами математический анализ бесконечно малых величин, почему выдающийся мэтр Советского Союза Фихтенгольц именно с аксиом Дедекинда начинает свой толстый трехтомный курс, и почему Дедекинд, имея на этом поприще столь знаменательный результат, занялся развитием идей Эвариста Галуа и достиг результатов и в этом, несмотря на свой опыт в другом. Пусть об этом думает тот, кто прошел весь матмех, у инженеров же по плану выпуска продукции на заводе совсем другие дела. Но как бы то ни было, логика в программе матмеха есть. Но почему нет доступного изложения

стратегии матмеха, вступительного краткого курса о строе-нии математических знаний, изложения программы матме-ха в свете этой структуры, разъяснения, что к чему... Ох, уж эти мне «взрослые люди»... Везде нелепость, неясность и фальшь.

Поразмыслив далее над мотивацией своего поведения на матмехе, я пришел к заключению, что если строить программу матмеха так, как я себе представляю ее, то в программу придется включить философию математиче-ских знаний, историю математики и т. п. А также и важные в теории, но редко применяемые на практике разделы выс-ших математических знаний окажутся в начале курса и по-требуют огромного времени для наработки опытности в спе-цифическом «математическом» мышлении, тогда как в име-ющемся курсе эта наработка опытности, по крайней мере, проводится на математическом материале, близком к прак-тике инженера, то есть к практике повседневной работы для многих и многих в нашем мире людей. Учитывая все это, курс растянется, можно предположить, на десять приблизи-тельно лет вместо обычных пяти. Короче говоря, не на ма-тематико-механическом факультете следовало бы учиться мне, а на математико-умозрительном факультете, если бы был такой. А что такого: матумозр – разве плохо звучит?:))

ГЛАВА 18. ЕЩЕ ОДИН ДЕБЮТ

Предыдущая глава нам показала, что наш герой приходил в Университет за чем угодно, но только не с целью обрести там диплом. Иначе ему было бы безразлично, с какого конца математику грызть. Теперь посмотрим, как развивалась на этом фоне его производственная жизнь.

Итак, руководитель лаборатории программирования в отделе математических методов исследования предложил мне заняться программированием для отдела главного технолога (ОГТ). Я числился в то время рабочим лаборатории обслуживания ЭВМ того же отдела ОММИ, однако организационных проблем не возникло, и я связался с ОГТ, чтобы узнать, в чем там вопрос. И тут я должен занять ваше драгоценное внимание описанием технических подробностей, давно уже канувших в Лету к моменту написания этих строк.

Металлообрабатывающие станки с числовым программным управлением (станки с ЧПУ, или проще: станки ЧПУ, СЧПУ и т.п.) ныне весьма совершенные и распространенные, в то время были еще редкими штучками в нашей стране и работали так:

а) Станок не имел обычных лимбов и рукояток, все движение рабочих органов станка осуществлялось спецприводом от электронной стойки управления станком, то есть от металлического шкафа с тогдашней электроникой и элект-

трикой внутри. Из этого следует, что выбросить электронику и приставить рабочего к станку было бы уже затеей бесполезной – рабочему не на что было там смотреть и нечего было крутить.

б) К стойке управления станком подключалась некая такая, тоже металлическая, тумба со специальным магнитофоном в ней. Лента такого магнитофона (МЛ) была плотнее и шире обыкновенной; она, как и вся эта электроника, должна была выдерживать работу в цеху. На ленту должны были записываться рабочие импульсы станка в том темпе, в каком должен работать станок.

в) Для записи этих импульсов на ленту нужна была еще «система», она же «стойка», в виде отдельного устройства, размещаемого в удобном месте где-нибудь в стороне. Эта система электронным образом моделировала работу станков определенного типа, генерировала соответствующие управляющие импульсы и писала их своим магнитофоном на ту специальную магнитную ленту МЛ. Таких записывающих систем было нужно меньше, чем станков. В зависимости от загрузки, обычно была нужна одна «система» на несколько станков. Но даже если станок был один, все равно такая стойка была нужна.

г) в дополнение к обычному обслуживающему персоналу для таких станков был нужен инженер-электронщик, один на несколько станков, иногда и другие специалисты тоже были нужны.

д) Вместо квалифицированных рабочих-станочников были нужны квалифицированные рабочие-наладчики, обязанность которых состояла в том, чтобы технически правильно и геометрически очень точно установить на станке инструмент, заготовку и в начальное положение все правильно привести. Это имело огромное значение в некоторых технологических ситуациях, которые мы опускаем здесь. Один наладчик в зависимости от характера производства мог обслуживать несколько станков.

е) Также нужны были операторы станков с ЧПУ, то есть рабочие средней квалификации, которые присматривали за работой станков и выполняли вспомогательные операции, загружать которыми наладчиков было бы нерационально по соображениям экономии квалифицированного труда. Один оператор также мог обслуживать несколько станков.

ж) Инженер-технолог цеха в обычном порядке получал плановое задание на подготовку производства и как обычно готовил особую технологическую карту, которую при обычной работе передавали через мастера или поммастера соответствующего участка рабочему для выполнения указанных в карте операций на станке. Со станками ЧПУ это делалось несколько иначе, об этом далее смотри.

з) По этой карте инженер-технолог или специально подготовленный техник-технолог заполняли буквами и цифрами специальный бланк, а случайные ошибки в этой требующей скрупулезности работе были малозаметны даже им.

и) Бланк передавался на Вычислительный Центр, где по нему сначала набивали перфокарты, случайные ошибки на которых даже самой квалифицированной перфораторщице также были незаметны на глаз, затем

й) по этим перфокартам на ЭВМ получалась бумажная перфолента, и никто не мог гарантировать, что не было сбоя ЭВМ.

к) Перфолента передавалась в цех, где с нее на системе записи (см. пункт в) записывалась пробная МЛ.

л) На станок ставилась пробная болванка и выполнялся пробный прогон. Результат прогона тщательно измерялся, и если все было правильно, перфолента и магнитная лента считались пригодными для работы на план.

м) В случае неправильного результата пробного прогона было необходимо разобраться в ситуации, исправить ошибку и вернуться в пункт з) или в другие пункты, в зависимости от того, на каком этапе следовало ту ошибку исправлять.

Как видите, мороки много, занято много служб, техники и людей, а станки ЧПУ того времени заменяли станочников не выше средней квалификации, притом обычно полутора-двух. Другими словами, два станка с ЧПУ заменяли три простых станка с рабочими при них. Это не удивительно, так как скорость работы станка определяется отнюдь не человеком-рабочим, но технологическими режимами резания металла (или другого воздействия на металл) в данной работе на данном станке, и при равных расчетных режимах разница

в скорости работы не велика. Довольно часто бывает нужно притормозить станок, и рабочий обычно из осторожности, чтоб не испортить нечаянно работу, притормаживает более, чем это нужно станку. Электронная автоматика осторожно-сти в своем функциональном тезаурусе не имеет, она тормозит ровно столько, сколько заложено в программе, поэтому и работает быстрее. Так что выигрыш по времени на обычных деталях станочной обработки обычно бывает не очень большим, и только на деталях особо сложной конфигурации выигрыш бывает в десятки раз. Но производство таких-то особо сложных деталей видел не каждый цех.

Итак, выигрыш невелик, техника дорогущая, сложная, ломучая, масса сложных операций, участие многих новых людей, иные из которых к цехам отношения не имеют, например, на ВЦ. Перфокарты, перфоленты, магнитные ленты... Стоит ли овчинка выделки, нужны ли заводу такие станки?

На Западе все решает культура экономических расчетов. Обычно делалось так. Строился новый цех, полностью заточенный под эти новые станки, включая вспомогательные службы; иногда для этого сносились старые корпуса цехов, иногда использовались старые корпуса – все как покажет расчет. Набирался и проходил обучение персонал, заключался договор на товарное машинное время ЭВМ... Станки работали с полной нагрузкой, быстро изнашивались или морально устаревали. Но они давали своему предприятию дополнительный доход, и менеджеры уже присматривали заме-

ну этим станкам на более прогрессивные, с усовершенствованной электроникой, которая работала уже непосредственно от перфолент без промежуточной записи на МЛ. (Прогресс и дальше пошел, но речь здесь у нас о другом. У нас тоже скоро появились в меру усовершенствованные станки ЧПУ без МЛ.) Конечно, если возникала ситуация выгодной эксплуатации даже и одного станка с ЧПУ, менеджер мимо не пройдет, но это случаи нетиповые, не станем в дебри влезать. А то вспомним вдруг удивительный опыт Дании и не кончим главу никогда.

У нас в СССР все такие проблемы решали «взрослые люди» и решали их наобум. Положительные случаи все же были, не без того, благодаря успешной изворотливости на местах, но сплошь и рядом министерства в планово-приказном порядке давили на предприятия, требуя непременно внедрить всего лишь несколько станков, а заводское руководство на местах умоляло избавить их от такого счастья и отбрыкивалось от этой новой обузы как могло. С министерствами спорить трудно, вот и к нам привезли на один из заводов нашего куста в зоне ответственности нашего ОГТ три таких станка. Как ни странно, но именно на этом заводе сложилась ситуация, весьма благоприятная для них, так что, возможно, умница Главный технолог и не очень-то отказывался от этих станков, а скептические разговоры в цехах далеко не всегда отражают дальновидность руководителей предприятия наверху.

Однако станки пришли, а с программами для них еще конь не валялся, и только тогда ОГТ обратилось в ОМ-МИ. Сложность была в том, что для получения перфолент на ЭВМ общего назначения необходимы специальные большие программы, пафосно именуемые «системами программирования для станков с ЧПУ». Такие программы обычно рассчитаны на обработку деталей обычного типа, то есть таких деталей, выигрыш по которым на станках с ЧПУ невелик. А на том заводе узкое место было связано с деталями внешне как бы простыми, но только на первый взгляд. На них имелись криволинейные участки с особо сложной в математическом отношении кривизной. В связи с неуклонным расширением производства и рядом неустрашимых негативных причин изготовление их ручным методом создавало все более сужавшееся и сужавшееся узкое место на производстве в этом цеху, которое было необходимо этими станками расшить, а другой технической возможности не было в те времена. Однако существуют ли «системы программирования для станков с ЧПУ», пригодные для решения именно этой задачи, и где их взять, на какое предприятие СССР позвонить, договариваться с ним через министерство и ехать в командировку с официальным письмом, и сколько времени эта волокита займет?

Ознакомившись с проблемой, я заявил, что с «системами программирования» торопиться не нужно, потому как никто не знает, сколько времени на это уйдет и удастся ли вообще

найти именно то, что нужно для нас. Задача же у нас специальная с одной только точки зрения – с точки зрения конкретных формул этой кривизны. Несколько лет тому назад на том заводе работал один продвинутый инженер, который уже тогда эту ситуацию предвидел и вывел формулы для этой кривизны, вполне подходящие для расчета на ЭВМ. Но он уволился и больше не работает здесь, а формулы, как честный человек, оставил всё же нам. Так что задача специальная только в отношении формул, но формулы эти есть.

В аспекте же применения ЭВМ задача эта несколько не специальная – это задача типа инженерных расчетов, а в нашем ОММИ для инженерных расчетов имеется мощное универсальное средство Алгол, да и другие тоже подойдут. С перфолентой я тоже знаком. Недавно в ОММИ внедрили интересное устройство «графопостроитель» – с целью механизированно научные графики рисовать. Графики пока еще не рисует никто – для этого, оказывается, тоже сложное специальное программное обеспечение нужно. Программисты над этим работают, но пока еще графиков нет. (Имелись в виду проекции в плоскость чертежа объектов из многомерных пространств, это действительно не просто так было решить.) Графопостроитель сам по себе независимо работает от перфоленты, и я в порядке личной инициативы уже опробовал его и кое-что простенькое нарисовал. Эти мои случайные наработки по перфоленте с некоторой переделкой подойдут для станков. Таким образом, и по инженерным рас-

четам как таковым, и по кодированию перфолент начальная база есть. Так что если формулы того инженера верны, то проблема сводится к нескольким простым задачам, для решения которых у нас есть начальный задел, а если формулы неверны, то не поможет никакая ЭВМ – придется тогда аналитическую геометрию с матанализом вспоминать и эти формулы заново выводить.

Однако и здесь не все так сложно, как кажется на первый взгляд. Если разрабатывать программу на языке высокого уровня, на том же Алголе, например, то формулы следует реализовывать в виде вставных процедур. Тогда в случае ошибочности какой-либо формулы будет нужно заменить только соответствующую процедуру и более ничего. Все остальное останется без изменения и будет уже отлажено и проверено на пробных образцах. Во избежание лишних заморочек, пока все это не установилось, перфокарты и прохождение через ЭВМ я беру на себя. Это удобно также и в том отношении, что я владею приемами управления ЭВМ, которыми обычно пользуются программисты, но операторы не знают их. Это позволит значительно упростить весь процесс на первых отладочных порах.

Цеховые люди, не избалованные вниманием программистов, слушали это как сказку и не очень-то верили мне. Формулы того инженера оказались верны, и вскоре в присутствии большой компании людей, среди которых было чуть ли не полцеха местного народа и в придачу Главный инженер,

первая сложнокриволинейная деталь сошла с одного из этих, новейших по тому времени, станков. Станок работал что-то в районе 20-ти минут, и в сравнении с ручной выработкой этих криволинейных поверхностей выигрыш времени не считать. А далее подобные детали в рабочем порядке непрерывным потоком пошли.

После этой истории ОГТ вцепилось в меня словно клещами и далее из поля зрения не выпускало в течение последующих лет, пока я сам в связи с появлением так называемых «мини-ЭВМ» на работу в ОГТ не перешел, сохранив при этом прочные профессиональные связи и с ОММИ, и с другими научными подразделениями этого большого НПО. Интересно, а заметил ли читатель легкое изменение тональности и лексического состава повествования от средних хотя бы глав. Растет лаборант, растет...

Но подрастал и барьер.

ГЛАВА 19. АКТИВИСТ ВСЕГДА В СВОЕМ ФУТЛЯРЕ

Вследствие события, описанного в предыдущей главе, передо мною открылось как бы новое поприще, работы на котором было выше головы и работа была по мне. В то время в нашей милой стране только ленивейший из лояльных писак не упражнялся в тогдашних односторонних СМИ на тему «научной организации труда» НОТ, что создавало вполне обоснованное предположение, что наш великий советский народ под руководством передовой марксистско-ленинской Коммунистической партии Советского Союза, то есть светоча и маяка для рабочего класса всея Земли на основании строго научной теории марксизма-ленинизма, ухитрился создать и внедрить по всей своей огромной стране какую-то отсталую «ненаучную» организацию труда, которой теперь официально противопоставлена эта самая-самая-самая «научная» организация труда НОТ, и с ней в направлении создания материально-технической базы коммунизма мы продвинемся еще, еще и еще на очень серьезный шаг. Народ иронизировал на эту тему, ёрничал и ухмылялся, однако организация труда в производственных подразделениях изрядного по тому времени НПО от какого бы то ни было «научного» качества очень была далека. Разные неувязки, узкие

места и затруднения торчали тут и там. В дальнейшем мы коснемся чуть-чуть подоплеку такого положения дел и увидим, что никакой конкретной вины руководящих работников предприятия снизу доверху в этом нет. Конечно, на всех уровнях управления каким-либо огромным, сверхчеловеческим делом попадают неподходящие люди – но что поделаешь, если подходящих-то нет. Далек не каждый ведь человек справится с работой начальника участка или цеха, если правительство делает все для того, чтобы ему помешать, и при этом только и слышишь со всех углов громогласно: НОТ, НОТ, НОТ!

В нашей стране принято было считать, что если некоторое предприятие переходит на выпуск новой продукции, меняет технологию или, тем более, делает это все сразу, то на период освоения этих производственных новаций можно было бы как бы неофициально закрыть глаза и посмотреть сквозь пальцы на временные отклонения от установленных порядков отчетности и расходования материалов в цехах и на снижение производительности труда, лишь бы к концу периода освоения новой тематики это все пришло бы к своим намеченным рубежам.

Производственные подразделения нашего НПО работали главным образом в режиме опытного производства для нужд научных отделов и мелкосерийных заказов нашего и других министерств, очень часто по экстренным указаниям сверху вне планового порядка работ. В этих условиях технологи-

ческое оборудование участков приходилось переналаживать в иную неделю несколько раз. Разнообразие этой работы было таким, что я не стал даже подсчитывать количество модификаций комплектующих изделий, основных и вспомогательных материалов и сырья на этом производстве за время работы в том ОГТ. С меня хватило узнать, что только существенно различных модификаций резины и резиноподобных компаундов в опытном производстве проходит около девятистот, а ведь это только один из малозаметных корпусных материалов той наукоемкой продукции, которую разрабатывало и в опытном производстве осваивало НПО! В любое время от любого так называемого «руководителя нижнего звена» на производстве могло потребоваться знание технологических особенностей любого из этих материалов и грамотного включения их в производственный цикл. А ведь кроме материалов, существуют еще и конструктивные особенности множества различных изделий, особенности разнообразных технологических операций, огромная номенклатура оборудования с расчетным износом и износом реальным, каждое устройство со своим графиком ППР... Не расскажешь всего того, что должен учитывать, рассчитывать, планировать и предвидеть рядовой руководитель низшего уровня на местах. Очевидно, подобные условия производства на предприятии равносильны постоянному освоению всяческой новизны, то есть тому состоянию производства, которое на серийных предприятиях может быть только

временным, и в течение которого снижение строгости требований к отчетопроизводству воспринимается как естественный шаг.

Несмотря на такой очевидно опытный, постоянно перенапрягаемый характер нашей разнообразной работы, в главке и выше в министерстве требовали предоставления отчетности по расходам материалов по всем видам опытных изделий и технологий едва ли не более подробно, чем от предприятий постоянного серийного производства, а штат работников для составления этой отчетности утверждался по нормам для серийных производств. Помнящий советскую реальность человек пожмет плечами и скажет так – ну, мы все кувыркались тогда на работе, вот и вы кувыркались как все...

Самое нелепое было в том, что наверху действительно в любой момент по какому-нибудь неотложному делу могла понадобиться любая частичная справка по тематике наших экспериментальных работ. Нелепо же предполагать, что «наверху» вообще никто никогда не изучал положение дел на множестве различных предприятий, не вдумывался, не сопоставлял. Допустим, что «верхние» службы работали – тогда и сведения им были нужны. Какая же именно понадобится справка – заранее не известно, поэтому требуют сведения часто, сразу и всё, но поднимать штат соответствующих учетных работников, которые по причине сложности предмета все должны быть инженерами профильных специальностей, до ста, например, человек – вот этого они, высокие

наши начальники, как раз и не могут позволить нам. Подобные многочисленные штаты учетно-вспомогательной службы ни в какие ворота не лезут, это будет, конечно, не НОТ.

Далее, сотрудницы главка, в руки которых и попадали толстенные «альбомы» с рукописными графами прихода-расхода бесчисленных материалов и в таком разрезе, и в другом разрезе и т.д., с многочисленными подчистками и исправлениями цифр – эти сотрудницы всё понимали и не требовали «лишнего» ничего, лишь бы сходились суммы откровенно подчищенных цифр... Однако и подчищать эти цифры нужно было с большим умом: если поймают за руку – не сдобровать, возьмут да и пришлют комиссию с внеплановой проверкой – и та всенепременнейше найдет какой-нибудь нелепый «негатив».

У меня сложилось впечатление, что с нашей стороны поступали предложения наверх насчет того, что не проще ли было бы направлять туда не формы полной отчетности, но просто аккуратно оформленную «первичку», то есть еще не обчисленные подекадные данные из цехов, всего лишь проверенные, сверенные и уточненные, но не обчисленные по всем методикам до конца. В министерстве, чай, имеются большие-пребольшие ЭВМы, квалифицированные-распреквалифицированные программисты – пусть они загружают наши первичные данные в свои большие-пребольшие ЭВМ да по ним непосредственно и рассчитывают, и распечатывают любые статистические функции нашего предприятия са-

ми. Вполне определенно гарантировать этот факт я, к сожалению, не могу. Разговоры об этом как будто бы были, но легко догадаться, что такую наивность не любят начальники наверху, и номер такой не прошел.

Тогдашние «автоматизированные системы управления» – АСУ – хорошо работали только в теории либо в стабильном, хорошо отлаженном серийном или массовом производстве, к нашему опытному производству они и подступиться не могли. АСУ – это вам не установка вакуумного напыления и не химический реактор. Ее не будешь переналаживать каждую неделю – она перепутает все перфокарты и зависнет уже навсегда. Я уж не стану передавать, что говорили об этих АСУ на предприятии, но лично я за все время своей работы на производстве ни одного специалиста по АСУ в цехах предприятия не встречал. Конечно, под нажимом «сверху» какие-то работы в этом направлении на огромном предприятии, весьма вероятно, по общей моде велись, писались уклончивые отчеты, заслуживавшие несколько легкомысленного определения «туфта» – но лично я на уровне своей работы ничего позитивного об этом никогда не слышал. Наша страна вообще напоминала толстый слоеный пирог, и в тех слоях, в которых трудились многие и многие миллионы реально работавших бок о бок, рука об руку как членов КПСС, так и людей беспартийных, многое из официальной пропаганды было просто туфтой. Также и в этой задаче,

как и во всех других, мы обошлись без официальной «АСУ».

При внимательном рассмотрении долженствовавшая быть решенной задача оказалась не очень-то и простой. Проблема невыносимой перегрузки работников учета и отчета в ОГТ многократно обсуждалась в разном составе заинтересованных в ее решении сотрудников и руководителей этого весьма влиятельного на любом предприятии отдела. После успеха с криволинейными деталями на станках с ЧПУ и решения двух-трех подобных мелких задач люди на производстве и в ОГТ стали считать меня «своим» и времени на разговоры со мной не жалели. Удалось разделить задачу на более простые согласованные между собою компоненты, после чего все их отдельно решить. Кажется, ушел на это год, и задача была решена.

С точки зрения эксплуатации, основное отличие этих нескольких взаимосогласованных довольно простых программ от обычных тогдашних АСУ состояло в том, что всё это строилось на очень простой методике описания и формирования выходных документов в довольно широком диапазоне документальных структур. Включение в состав выходной информации новых так называемых «форм документов» со всеми «визами», «шапками», «подвалами» и формулами расчета величин в графах «основной части» в экстренных случаях делалось мной «на ходу»; с разработкой обычных форм документов справлялась девушка техник-программист, окончившая тот самый «райпищеторг» (см. главу

«Лаборант») которая и была моей единственной помощницей по сопровождению всей этой «АСУ» на мини-ЭВМ. Инженеры-технологи постепенно тоже входили во вкус самостоятельной работы с ЭВМ и все реже и реже обращались ко мне. После внедрения этих программ любой руководитель опытного производства мог запросить для изучения и размышления справку по расходу материалов по любой формуле расчета показателей, как типовых, так и нетиповых, лично им изобретенных, притом в удобной форме документа, которую тоже мог придумать себе сам. Если форма была не сложна – ответ получался, ну, на другой, скажем, день, а если я или помощница были свободны – заказчик мог и в тот же самый день получить подпрограмму новой формы документа, и она поступала в общий поток однотипной обработки данных по этой тематике в ОГТ.

Специальных людей-операторов на эту задачу мы даже и не планировали набирать. Программы на мини-ЭВМ обычно загружала и запускала моя помощница, а данные в режиме диалога вводили и проверяли сами сотрудницы ОГТ, которые такими цифрами занимались по работе вообще и знали их почти наизусть. По крайней мере, видели статистику «насквозь». На первый взгляд, они теряли на этом свое драгоценное инженерное время, но только на первый взгляд. Ведь если бы работал оператор, то предварительно нужно было бы чисто-начисто расписать ему весь массив вводимой цифири на бланках, затем проследить, чтобы он не напутал

чего, а потом еще и работу оператора проверять. Такими вкусными пряничками мы накушались досыта в «пакетном режиме» с бланками и перфокартами на старых «больших» ЭВМ, а теперь в «диалоге с мини-ЭВМ» соответствующие специалисты ускорили свою работу более чем в двадцать раз и получили возможность оперативно получать не только отчетность по давно установленным и утвержденным формам документов, но также и по любым внеплановым другим. А это значит, что руководство предприятия получило в свое распоряжение самую разнообразную оперативную статистику производства и могло над ней в свое безразмерное рабочее время поразмышлять. До такой гибкости тогдашним АСУ было весьма далеко, и я никогда не забуду суждение Главного технолога в самом начале моей работы по этой теме, когда задача только ставилась передо мной. Дословно фразу не помню, но мысль была та, что установленные формы отчетности для министерства – это по сути пустяк, ему необходимо видеть реальное положение дел. Припоминаю, что в отношении штатных, утвержденных на самом верху учетно-отчетных форм, предназначенных для отправки наверх, этот почтенный, немолодой уже деятель нашей науки употребил эlegantное слово «туфта».

А министерство – что министерство? Оно стало получать идеальные машинограммы нашей официальной статистики без каких-либо видимых помарок и подчисток, и какой-то начальник в главке был невероятно удивлен, когда попросил

изыскать возможность внедрения в отчетность нашей АСУ новой формы документа, и где-то через неделю в плановый срок текущей отчетности он такой документ получил. Не забудем еще и о том, что примерно десять сотрудниц ОГТ, все инженеры с огромным знанием производства (посидишь годами на тех распухающих год от года расчетах и отчетах по сотням и сотням материалов и процессов – поневоле узнаешь всё) получили возможность, оставаясь в формате своего подразделения ОГТ, бывать непосредственно в цехах производства и вместе с цеховыми технологами реальные, а не бумажные, технические вопросы решать. Например, они стали работать над согласованием и унификацией норм расхода материалов на однородных операциях разных изделий и технологических схем. До того момента в этом вопросе полная неразбериха была. А тут уже никакие ЭВМ + АСУ не помогут, тут нужны инженерные знания, опытность и голова.

Чтобы не было впечатления, что я там только эпохальные задачи решал, расскажу об одной из множества небольших, но полезных задач. Была на предприятии бригада, которая по сути дела неизбежно должна была состоять из рабочих разных специальностей при очень разнообразном оборудовании, бывшем в распоряжении у нее, так что как ни планируй работу, а всяко кто-то в простой попадет. Пока бригада была небольшая и оборудования тоже было не много, то как-то все это самотеком привычно шло, но вместе с нашим опытным производством бригада тоже мало-помалу росла.

Совпали два события одновременно – наше ОГТ обзавелось новейшей по тем временам диалоговой мини-ЭВМ с очень удобным дисплеем, а бригадиром той бригады назначен был толковый инженер моих примерно лет. Начинал он рабочим, учился заочно и недавно диплом получил. Пришел он как-то раз ко мне на эту мини-ЭВМ и поделился со мною задумкой, как ему казалось, очень непростой. Вот бы ему организовать дело так, чтобы рабочие в его бригаде получили бы, кто пожелает, вторые специальности хотя бы до средних рабочих разрядов, избавились бы от простоев и стали бы сверх оплаты по нарядам еще надбавку за совмещение профессий получать. Однако сделать это нужно так, чтобы подросла вместе с этим также и производительность труда, иначе не пропустит ОТЗ – то есть нужно дать бригаде дополнительную работу (возможность есть) но в разумных количествах, чтоб согласился народ и планы были бы выполнимы. Нормативную базу он проработал, но ручной расчет вариантов получается долгим и путаным, надо бы смоделировать его бригаду на ЭВМ. Тем более это желательно потому, что бригада развивается, будут еще новые люди, новые станки. Придется подновлять проект под ситуацию, и не один, видать, раз.

Сделаем, а?

Ну что, это вам не учебные задачки лодырям решать, это приятная просьба была. Я с удовольствием согласился, и, поскольку у коллеги вся подготовительная работа, притом грамотно, была уже проведена, то у меня это заняло несколь-

ко дней на фоне текущих задач. Работать с ним было удобно, легко, объяснять азы про ЭВМ ему было не нужно. Он был уже из нового поколения инженеров, спокойно относящихся к ЭВМ. Он рассчитал по этой программке весьма убедительный проект использования, как в те времена говорили, «внутренних резервов» своей бригады, начальство одобрило, ОТЗ пропустило. Все официальное было утверждено, Отдел Технического Обучения посодействовал с дополнительной подготовкой рабочих – вот и стали люди в той бригаде работать больше, разнообразнее, стали больше и получать. Кто не хотел – мог уйти, но насколько я помню те годы, бригада вполне процветала и постепенно росла. Замечу вскользь, что в реорганизации той бригады на этапе организационно-правовых решений принимал самое активное участие один интереснейший деятель нашего заводского профкома, большой знаток и сторонник внедрения в производство ЭВМ. Но обо всех единомышленниках и товарищах в этой серии не рассказывать. Будет отдельная серия – «Люди, которых я помню всегда». Думается, такая серия была бы очень нужна.

Помимо разнообразной официальной работы, у меня было еще неофициальное сотрудничество с разными специалистами других отделов и участие в одном загадочном научно-техническом обществе, которое я здесь не назову вследствие того, что мнение людей об этом обществе было неоднозначным, от восхищения до наоборот. Некоторые вообще

считали его шарлатанским, а у меня в этом кратком мемуаре нет возможности его защищать. Будут другие серии мемуаров, в них войдет то, что сюда не вошло. Во всяком случае, это научное общество действовало официально, проводило регулярные семинары в разных городах страны и генеральные сессии в Москве на площадке Политехнического музея и какое-то время поддерживалось на самом партийном верху. Поездки на сессию в Москву требовали нескольких дней. Главный технолог выписывал мне командировки без проблем, но и отчета требовал с большим интересом весьма.

Учитывая все это, трудно поверить, что столь деятельный человек жил за стеклянным барьером судьбы. Тем не менее, это так. Корешок недоверия к миру «взрослых людей», укоренившийся с детства, развивался вместе со мною и рос, вот развился совсем и расцвел. Возьмем для примера тот же самый огромный, многолюдный, в современных интерьерах, мощный отдел ОММИ. Это витрина огромного НПО в глазах министерства, многочисленных комиссий и делегаций, посещающих НПО. В отделе есть отделанный лаковым деревом свой конференц-зал и свой маленький, освещенный через стеклянную, разноцветную, подсвеченную изнутри работу профессионального художника очень уютный кафетерий. В отделе есть другой профессиональный художник, оформленный как инженер, который обеспечивает постоянную приятность для глаз всех интерьеров отдела, и вид интерьеров хорош.

Как это ни странно, но тот отдел действительно работал, и работал он в полную силу, и отдача от этой работы была. Во всяком случае, большая ЭВМ отдела нередко светила в две смены, иной раз и в ночь. (Сам дежурил когда-то старшим по смене на ней.) Поколения ЭВМ планомерно менялись, в отделе вводились в эксплуатацию все новые и новые, более производительные, более скоростные ЭВМ. Совместно с собственно научными отделами, тоже довольно большими, но без таких интерьерно-бытовых совершенств, решались могучие, кардинальные, великие отраслевые задачи. И одновременно с этим на том же самом предприятии годами кисло и прокисло огромное со многими участками и цехами сложнейшее современное производство, в котором люди кувыркались на множестве мелких проблем. И никого, кроме недоучки-рабочего, отдел не направил туда.

Честно по правде сказать, такие попытки были. Делались они крайне неуклюже, потому что творческие работники отдела почему-то не понимали сущности производственных задач. Они хорошо понимали сущность теоретических задач. Например, решить на большой ЭВМ систему дифференциальных либо, наоборот, интегральных уравнений такой размерности и сложности, что человеку с арифмометром и логарифмической линейкой даже и не подступиться к ним – это они могут, а производству по мелочевке помочь – это как-то не получалось у них. Было бы этически некорректно по отношению к коллективу того отдела описывать

их неудачи, так как эта тема будет уже не обо мне. Поэтому сообщу только один эпизод, не называя имен.

Когда я работал еще в ОММИ, но занимался уже исключительно задачами цехов, один ответственный товарищ из руководства этого отдела (но не начальник отдела, отнюдь) поинтересовался как-то раз у меня, как работа идет. О своей работе вообще рассказывать приятно, тем более что это был товарищ «ответственный» и мнение его могло быть весьма и весьма весомым в любом совещании на уровне, недоступном для меня. С открытой душой поведал я ему важный методологический момент. Я разделяю работу по каждой теме на два этапа. На первом этапе применяются средства и методы программирования, посредством которых получаются медленно действующие, но зато легко изменяемые, легко модифицируемые программы. На этом этапе начинается решение реальных заводских задач и отрабатываются приемы работы сотрудников цехов с этой программой. У них в процессе этой пробной эксплуатации программы, тем не менее на задачах вполне реальных, возникает множество замечаний, пожеланий, предложений по улучшению программы итп. Все то, что можно из этого учесть, я учитываю и дорабатываю программу достаточно быстро и легко. После того как улучшать уже нечего, наиболее удобный для заказчиков вариант этой программы подлежит переработке на другой уровень реализации программ, на котором изменить программу уже трудно, но работает программа значи-

тельно быстрее. Медленный же вариант остается в запасе на случай, если возникнет необходимость что-либо доработать и вернуться к нему. Так, например, по той задаче, над которой я работаю в тот момент, просчет одного варианта заводского задания занимает до десяти минут на нашей ЭВМ, а в день бывает десять и более вариантов. Ожидается, что после окончания всех доводок переработанная программа будет работать быстрее в несколько раз. Все это было выслушано очень внимательно, и руководитель очень серьезно сказал что-то вроде того: – «Денис, вы не учитываете того, что помощь нашего отдела цехам определяется количеством машинного времени, которое расходуется на них.» Нетрудно догадаться, в каком дурацком положении относительно заказчиков из цехов могли оказаться программисты отдела, в большей степени зависевшие от того «ответственного товарища», нежели зависим был я.

Но был и другой аспект. Бесспорно, те задачи, которые успешно решали на большой ЭВМ специалисты ОММИ, были очень востребованы на предприятии, но не на производстве, а на среднем, промежуточном уровне – в научных отделах отраслевого НИИ. Однако разница в том, что физики и химики прикладники из научных отделов, заказывая свои неподъемные «краевые задачи», «системы уравнений» и прочее такое на ЭВМ, вовсе не обязаны были в кратчайший срок облекать их в металл. Эти результаты нужны были им для того, чтобы дать какую-то специальную пищу для раз-

мышлений на какое-то время вперед, а до «отчета» по теме еще и месяцы могут быть впереди, и сто раз еще можно переобдумать и пересчитать, если что-то получилось «не так». А на производстве дело обстоит иначе, там результат работы ЭВМ во многих случаях идет непосредственно в работу с «металлом», с материалом, иной раз буквально на следующий же день, и срок сдачи изделия в ОТК и в отгрузку заказчику может считаться на дни. В первом случае ЭВМ готовит пищу умникам для размышлений, во втором ЭВМ становится как бы инструментом работников для непосредственной работы в мастерской. Очевидно, что праксеологическая природа работы «на науку» чем-то серьезным отличается от таковой в отношении КБ или цеха, однако праксеологию в советских вузах не преподают. Поэтому умнейшие ребята, прошедшие весь матанализ сквозь жернова полной трилогии Фихтенгольца и усвоившие многое еще и похлеще того, но никаких навыков в элементарной праксеологии не имеющие, никак не могли столкнуться с теми, кого не могли (или не хотели?) понять. Я легко находил контакты и с теми, и с другими, пытался это все уяснить, уложить в голове и понять. Но никто не давал мне ответа, и снег за окном молчал...

И такое вот положение с применением ЭВМ складывалось практически везде по стране, а в известных мне случаях иного положения дел в основе лежит поддержанный начальством энтузиазм одиночек в низах. Почему о проблемах

внедрения ЭВМ в реальных условиях производства не пишут хотя бы партийные издания в СССР? Во всем мире ЭВМ дают прекрасные результаты, в Финляндии фермеры применяют уже ЭВМ для оптимизации своих сельских хозяйств, а у нас прекрасные ЭВМ все еще заняты только «большими задачами» и не видят ничего иного вокруг себя. Ах, эти «взрослые люди». До чего же они глупы... И мне было просто неприятно даже в своем воображении видеть себя среди них.

Последствия таких настроений и размышлений были просты. Многие доброжелатели пытались мне втолковать нелепость моего положения среди реальных людей. Предлагаемая программа была проста:

а) Вступление в партию (особенно настаивали на этом сначала начальник ОММИ, затем, после моего перехода на производство, секретарь партбюро в ОГТ.)

б) Любой технический вуз. С моей подготовкой и работой я смогу многое сдать досрочно и выиграю год или два. С четвертого, а то и с третьего курса возможны инженерные должности, с получением диплома – ведущий инженер или научный сотрудник, руководитель бюро по внедрению ЭВМ в ОГТ. (Примеры на предприятии были, в том же ОММИ один толковый, весьма уважаемый мною парень прошел подобным путем.)

С хорошими работниками у меня хорошие отношения были всегда вне зависимости от того, в партии те или нет.

Если бы я захотел вступить в эту партию сам – то не только рядовые члены партии, товарищи по работе рядом со мной – но также иные члены заводского парткома охотно дали бы рекомендацию мне. Но для меня вступление в партию означало приобщение к миру тех самых неприятных мне умозрительных «взрослых людей». Стало быть, это – табу. С изобретательностью, достойной лучшего применения, я придумывал самоотвод.

Я прекрасно понимал, что, будь у меня диплом, то в должности рядового инженера не удержусь. Однако занимать какую бы то ни было, даже самую скромную руководящую должность – это тоже приобщение к миру «взрослых людей». И в этом то же самое табу, и тоже требуется самоотвод.

Известно, посеешь поступок – пожнешь привычку, посеешь привычку – пожнешь характер, посеешь характер – пожнешь судьбу. Сумма всех моих самоотводов требовала постоянного подтверждения мотивировками, особенностями поведения и прочего всего такого, что создает особенность характера без прямой конфронтации с обществом вокруг. А попробуйте играть все эти особенности постоянно и при этом постоянно сохранять регулярно подтверждаемый допуск по электробезопасности IV-ой категории до полутора тысяч вольт (от высшей V-ой категории я отказывался сам, так как она давала администрации формальное право назначить меня бригадиром, а я вообще-то не только программировал, но и по технике делал еще кое-что, но «бригадирство-

вать» не хотел;) затем сохранять допуск секретности и отметку в пропуске, дающую право свободно проходить сквозь проходные нескольких предприятий нашего куста в любое время с 7.00 до 23.00 в любые, в том числе и нерабочие дни. (Начальник чуть было не подписал бумагу на круглосуточный пропуск, но я его остановил. Ночное время – это время повышенной серьезности в промышленности вообще. Лучше не трогать его. Начальник понял, что я имею в виду, и поставил разумные, вполне удобные часы.)

Любой человек, знакомый с работой режимных предприятий, поймет, что мне нужно было над так называемым «образом» хорошо поработать, чтобы и все это себе сохранять, и в партию не вступать, и от вузов держаться далеко в стороне. Так и сложился великолепный, отлично сработанный, очень прочный футляр. Ну что тут много говорить, посеешь футляр... что пожнешь?

ГЛАВА 20. ПОЛУФИНАЛ

Во все свои годы с детских лет я пытался понять окружающих меня людей, почему же они так нелепо себя ведут, но успеха в этом до сих пор не достиг. Одинокие размышления ведут, как известно, в тупик, поддерживать их на правильном направлении хотя бы просто книгами надо, однако серьезная литература, доступная просто так, без затей и усилий в СССР, довольно однобокой была. Да что там «серьезная» литература – юмористы-иронисты дореволюционного времени – и те либо совсем не издавались, либо издания были очень редки. Один очень серьезный человек дал мне такой совет:

1. Вступить в партию.
2. Окончить вуз.
3. Вступить в общество «Знание»
4. Получить через это общество допуск в спецхран.

Вот и вся недолга. В обществе «Знание» нужно будет почитать лекции в аудитории вполне для лектора благоприятной – пенсионерам в жилконторах, например. При моей профессии, связанной с модной нонеча темой ЭВМ – это просто пустяк, и не чаще, чем в месяц раз. Зато в спецхране лежит такая обалденная литература – пальчики оближешь,

сразу и разберешься во всем. Именно так разумные люди и делают, почему же не хочешь ты? Я отвечал, что в партию не вступлю.

В то же время и бороться с партией я давно уже не хотел, так как устранять вообще-то нужно не следствия, но причины, а как раз-то именно причины той самой советской коммунистической партии, как явления в мире, неизвестно в чем состоят. Однажды еще в ОММИ другой, тоже очень серьезный, человек осторожно заговорил со мной о «партии технократов» в наших промышленных краях. Я и ранее слышал о ней, но немного. Я спросил, в чем там тезис у них. Оказалось, концепция той новой тайной партии «технократов» сводится в конечном счете к тому, что по существующей в нашей стране политической системе к власти приходят люди, сведущие в политиканстве, но невежественные в реальных делах промышленности, сельского хозяйства и вообще во всем. Согласно идее же этой партии технократов, заниматься управлением должны исключительно специалисты, знающие дело и не допускающие тех неисчислимых управленческих нелепостей, которые сплошь и рядом совершает наша компартийная власть, чем наносит кошмарный ущерб стране.

На предприятии в то время был один специалист, человек с бесспорным высшим образованием, с прекрасно подвешенным языком и отчетливой диссертационной перспективой впереди (который спустя какое-то время действитель-

но кандидатом стал.) О нем ходили слухи, что он безжалостный и грязный карьерист, но вместо убедительных конкретных доказательств в тех неприятных слухах фигурировали довольно туманные мотивировки такого мнения о нем, и более ничего. Он действительно делал карьеру, но мы с ним существовали в столь разных плоскостях, что сама собой информация об этом в мои руки придти не могла, а специальное сбирание персональной грязи человеческой – это не для меня. Карьеру же в принципе можно было делать в нашей отраслевой науке также и более или менее честным путем, если темой реально владеть и превосходить в способностях, трудолюбии и комплексном таланте с явным преимуществом своих конкурентов в диссертационной борьбе. Способности же того человека имели комплексный характер, он и специфическим диалектом научной терминологии, и управленческим жаргоном в равной мере уверенно владел. Дивно ли, что карьера успешной была.

Тот человек относился ко мне с уважением и при случае в очень вежливой форме выражал сожаление по поводу отсутствия диплома у меня. Однажды шел я в большой задумчивости по отделу ОММИ и увидел, что довольно многие наши сотрудники и сотрудницы с очень серьезными лицами в одно из просторных помещений этого отдела идут. Я поддался минутному любопытству и машинально в этом потоке пошел, опомнился же только после того, как сообразил, что оказался я на партсобрании отдела, а демонстратив-

но уходить показалось мне неудобным уже. Участники собрания оглядывались на меня, но никто меня не выгонял, я же смиренно в сторонке сидел, с любопытством наблюдая церемониал незнакомого мне ордена коммуноверов. Кстати оказалось, что упомянутый товарищ играет в местной первичке какую-то ответственную роль. После собрания он подошел ко мне, пожал мне руку и с некоторым подъемом сказал, что я на верном пути, и он приветствует мое желание приобщиться к рядам.

Против этого человека я могу сказать только то, что вокруг него собирались люди, малосимпатичные лично мне, но с которыми я тесно контактировал по работе, так что кроме конкретных деловых отношений, ничего общего с той компанией не было у меня. Однако это не доказывает ровным счетом ничего, и поэтому у меня не было никаких конкретных оснований иметь на него какой бы то ни было зуб, но с моим собеседником он определенно был на ножах; с собеседником же мы были в отношениях дружеских, иначе он не стал бы касаться подобных тем в разговоре со мной. – «Так значит, возразил собеседнику я, – руководить должны специалисты? А вот товарищ *** – он разве не специалист?» – Крыть было нечем, и о «партии технократов» с тех пор я ничего определенного не слышал.

Постепенно стали складываться более-менее устойчивые представления о том, что такое есть человек, природа и мир. Но от «представлений» до «понятий» очень неблизкий путь,

тем более что и «научный уровень», то есть привязка ко всему разработанному в этой области до меня, тоже необходима, если серьезно о публикациях размышлять. Труд колоссальный, а нужен ли он теперь?

Постепенно терял я знакомых, друзей. С родственниками тоже виделся все реже и реже. Да и какая мне радость все время читать по глазам: – Надо же, такой многообещающий юноша был, а теперь... Рабочий где-то там, по ЭВМ...

На работе тоже были свои перемены. Я был первой ласточкой на том производстве по применению ЭВМ не «отвлеченно» через ВЦ, но в непосредственной производственной деятельности заводских специалистов на почти что рабочих местах, однако за первой ласточкой прилетают другие, и это общее дело развивалось теперь уже само собой практически без меня. При очередной реорганизации производства начальник бюро программного управления, в котором я был с самого начала организации этого бюро что-то около десяти лет фактически основным, задающим тон специалистом, ушел на повышение, и место начальника оказалось вакантным. Сотрудники прямо говорили мне: – «Вот видишь, чего ты своими капризами натворил. Был бы диплом, назначили бы тебя. Теперь варяга пришлют, как расхлебывать будем?» – «Не больно-то и хотелось!» – разве ответишь друзьям... Главный технолог тоже новое назначение получил, многое вокруг меня переменялось, стало каким-то чужим. Но мне все это было уже неинтересно, и я ушел в тихий,

укромный уголок – один производственный участок на нашем же предприятии в закоулке, не сразу его и найдешь. Участок был густо насыщен уже тогда компьютеризированным оборудованием, были две свои мини-ЭВМ (затем добавились «персоналки») но не было ни одного человека, который умел бы программировать вообще. Уже тогда там эксплуатировались две серьезные программы, обе моей разработки, я вообще постоянно курировал тот участок, как и еще один цех. В связи с ростом объемов и разнообразия производственных заданий, усложнения технологии и появления новых компьютеризированных устройств там был нужен постоянный программист, да и мое знание аппаратуры тогдашнего уровня тоже было полезно там.

Встретили меня с распростертыми объятиями, вышестоящее над этим участком начальство гарантировало мне все мои прежние привилегии, я также сохранил сотрудничество по старым связям с некоторыми отделами и цехами, да и новые появлялись порой. Неудобство было таким – начальник над моим непосредственным начальником участка повел себя было звонить мне по телефону и задавать вопросы производственного характера, например, о степени готовности к сдаче наших работ, а на такие вопросы мне неудобно было через голову своего непосредственного начальника отвечать, и кто-то не очень умный в моем присутствии стал делать выводы на этот счет. Я откровенно поговорил с начальником участка с глазу на глаз, попросил его эту ситуацию

разрулить, и такие звонки прекратились.

Однако шеф второй ступени от меня не отстал. Он прямо заявил мне о том, что пока у меня нет диплома, то я, видите ли, не интересую его. Ах, вам до пенсии всего лишь двадцать с чем-то лет, и простой работы при мини-ЭВМ на этот период хватит? Мне до пенсии осталось пять лет, но я не распускаю соплей. Не распускайтесь и вы.». Об этом недавно назначенном «старшем товарище» ходили легенды, что «партия» имеет будто бы обыкновение посылать его на самые провальные направления работы, он вытягивает их, поднимает; партия ставит перед ним новую задачу, а на прежнем месте сменяющие его начальнички, обыкновенные совковые бугры, снова разваливают все. Вот и к нам теперь назначили его, чтобы вытянул он за наши волосы нас, правда, неведомо из чего.

Товарищ шеф действительно оказался деловой, при нем и наш участок как будто бы стал развиваться, и другие подразделения тоже. Также этот товарищ считал, что сотрудники должны не только новое оборудование получать, но и расти дипломально. Так, например, одна сотрудница приятных бальзаковских лет с дипломом Политеха от юных годов вполне успешно руководила бригадой операторов на производстве, дома воспитывала дочерей и ни о каких таких безумствах не помышляла, а этот тиран взял, да и упек ее на курсы повышения квалификации с отрывом от производства под тем благовидным предлогом, что ей де нужно непре-

менно развиваться и расти, а ему нужно, представьте себе, иметь какие-то «формальные основания» немного зарплату ей приподнять. Вы будете смеяться, но и в самом деле по окончании курсов ей изменили наименование должности и вроде бы повысили зарплату, насколько – не в курсе я. Но мадам, однако, имела цветущий вид.

Меня же тот товарищ по всем своим административным каналам так прижал, что я согласился на участие в группе так называемых «практиков», то есть немолодых уже людей с дипломами техников, которые фактически много лет работали на производстве в низшем руководящем звене, и которым, согласно новейшим указаниям партии, теперь необходимо иметь еще и высшее образование для занятия привычных своих должностей. Дипломы в этой группе получались формально полновесными, срок заочного обучения в техническом вузе сокращен – четыре года всего, и все мои товарищи по группе считали, что это намного удобнее, чем в их летах идти в учебе общим заочным шестилетним путем. На работе все вокруг говорили, что новый шеф у нас – умница, хороший человек, и мне наконец-то повезло: нашелся герой, победивший этого дурака.

Средние ситуации бывают мало возможны, шарик судьбы скатывается в лузу только одну. Жить обычной отвратительной жизнью советского человека было так уже неприятно мне, что я проучился в той группе что-то около полутора лет и прекратил учебу практически сразу же после того, как

этот настойчивый шеф перешел из нашей промышленной сферы в академическую науку тоже что-то такое там поднимать. После его кратковременной деятельности на нашем направлении остался основательно реконструированный цех, наш обновленный участок, налаженное взаимодействие науки и производства по профилю наших работ, хорошо поставленный в этом отдельном секторе нашего предприятия производственный цикл. При отчислении оказалось, что мой средний балл что-то около пяти, а сдано, сам не заметил как, года за два с половиной. Близилась перестройка, и мне это было уже все равно.

ГЛАВА 21. ПОЛНЫЙ ФИНАЛ

Перестройка не вызвала особо сильных эмоций у меня. К тому времени я прекрасно уже понимал, что попытка построить в нашей стране так называемый «коммунизм» есть попытка построить нечто до исследования вопроса о том, годится ли для этого сооружение имеющийся в наличии строительный материал. Другими словами, будь человек хоть тысячу раз разумным существом, тем не менее человеческий разум ограничен какими-то рамками, и, как живое существо, человек подвержен действию инстинктов, и надо еще посмотреть, какая мера разумности и даже какие инстинкты нужны гипотетическому Номо Communicus для того, чтобы коммунистическое общество могло бы неколебимо самосуществовать, и есть ли подобные качества у человека вообще, как у реального биологического существа.

Социализм организован проще коммунизма, потому что частично допускает и примитивный частный интерес. Социализм основан на фондах общественного потребления, из которых, полностью или частично, удовлетворяются те потребности человека, которые социалистическая социология считает основными и подлежащими удовлетворению за общественный счет. Это как бы освобождает человека от страха за завтрашний день и дает ему возможность приятной, относительно беззаботной жизни в расчете на то, что

все люди в социалистическом обществе осознанно употребляют энергию своей беззаботной жизни на пополнение и совершенствование этих фондов. Ну и как, позвольте вас спросить, относился простой советский народ к этим возможностям и фондам?

Не миллионы ли и миллионы советских студентов, обучаясь за счет этих фондов, абсолютно добровольно стали подменять содержание слова «учиться» чем-то чуждым ему и вместо смысла «приобретать надежные, прочные знания» стали под этим словом иметь в виду процесс приобретения посредством полуученья и всяческих уловок диплома как документа, дающего определенные права. Исключения были, но много ли было их?

В бытность мою на матмехе перед самой сессией услышал я шутку: – Товарищи студенты! Сдадим посредственные знания на хорошо и отлично! – Конечно, это была только шутка, но и правды было в ней немало. Если верить некоторым произведениям художественной литературы, еще до революции среди российских студентов вместо выражения «выдержать экзамен» стало распространяться выражение «сдать экзамен». Теперь же никто не удивится, если услышит, что некий студент даже «госы» «свалил». Сначала это было дерзостью бойкого слова, но постепенно стало вытеснять коренное содержание серьезного слова «экзамен», разве это не так? А сплошная замена высокого слова «ученье» словом низкого стиля «учёба»? Так каким же будет учебный процесс

при коммунизме, если он уже при социализме таков?

А много ли советских людей гордилось тем, что пополняют своим трудом эти необходимые фонды, и многие ли вообще отзывались на разговоры о них? На разговоры о зарплате отзывались практически все, на разговоры о фондах – нет. Не странно ли, что в советской «научной» фантастике о светлых будущих временах человечества все герои суть люди исключительных профессий – звездоплаватели там, прогрессоры... ну и всё, а простых-то строителей подъездных дорог к космопорту чего-то там не видать. В общем – в тумане был коммунизм, но тем не менее я не очень-то одобрял также тех, кто, искривив в гримасе отчаянья лицо, рвал на митингах в толпе свой партбилет (а он не рвался просто так, крепкая книжка была.) Крайности всегда нехороши, а если с этим связаны еще и такие сильные чувства, то лучше повременить – ведь и при капитализме компартия тоже нужна – как один из флангов общественных движений и мысли, исповедующий свой мечтательный идеал.

Буржуазная действительность меня разочаровала, но плакать я не стал. Конечно, огорчает, что древний вопль «хлеба и зрелищ!» превратился теперь в техногенное питание со множеством искусственных приправ, в телик, дурацкие видеоигры да интернет. А демократия как была ничем, так и осталась – в древности ведь и римские императоры только потому и действовали под демократическим лозунгом SPQR, что ни «сенат», ни «народ» толком не понимали со-

временных их жизни проблем, как не понимают того и сейчас ныне действующие сенаторы да народы. Чтобы понимать их – нужно очень много учиться, а чтобы решиться на это – предварительно нужно эти проблемы понять – получается замкнутый круг. Так что перспективы у человечества неважные, но упование есть добродетель, и, возможно, Всевышний вбросит в сей перерастающий самого себя человеческий мир какую-нибудь спасительную новизну. То, чего нет до сих пор у людей, как не было труда у обезьян.

На всё на это я смотрел всегда со стороны. Оставаясь внешне вполне общительным и даже способным порою и пошутить со случайными прохожими по поводу автомашины, загородившей проезд, я привычно ограничиваю с давних уж пор более серьезный контакт. За время исторических перемен я три раза проходил разные профессиональные курсы, прикидывал свои возможности в перемене профессии, но перенес тяжелое заболевание с хирургией и последующей постоянной диетой и оставил намерение вступить в законную конкурентную борьбу за масло на хлебном куске. Я продолжал работу на заводе, на том самом участке, который уже описал. Завод и участок худели, но госзаказы поддерживали его, а также теплилась жизнь и в других уголочках завода и НИИ. Изредка оттуда, как и ранее, коллеги обращались ко мне. Пришлось серьезно вернуться к прежней профессии наладчика контрольно-измерительной аппаратуры и автоматически действующих устройств, поддерживая

работоспособность аппаратуры, безнадежно выработавшей свой производственный моторесурс, но и программировать тоже приходилось в слабеющем ручейке задач.

Ушел я на пенсию, когда стали подводить глаза. Программировать по старой памяти в системах старой своей разработки еще могу, но для аккуратной перепайки микросхем зрение уже не подойдет. На предприятии осталось немного энергичных людей, в том числе некоторые члены того парткома, которые всегда поддерживали меня. Директор – энергичный человек, когда-то он был рядовым конструктором в одном отделе со мной. Перед моим уходом на предприятии стали появляться молодые энергичные лица начинающих инженеров только-только с институтской скамьи. Жаль, у меня не было случая контактировать с ними, да и было не много их. Уходя, обнулil я все свои старые связи с заводом – так захотел мой барьер.

Ну что теперь? Пенсионер, в прошлом ударник коммунистического труда, победитель Всесоюзного соцсоревнования, теперь ветеран труда. Барьер барьером, футляр футляром, а за свою работу я никогда не краснел и всегда понимал, что мой труд не только в зарплату идет, но и в фондах общественного потребления есть лепта также моя. Теперь не встречаюсь ни с кем, нарочно не лезу в простые социальные сети. Разве что контакты на Яндекс-фотках да Прозе.ру еще остались в игре у меня. Думаю часто о прошлом, о старине. Это не слабость – это особая сила, это мой личный фу-

тляр.

Мы мирно спим в заброшенных могилах,
Нас не тревожит новой жизни гам,
И разбудить нас, право же, не в силах
Ни ваш «дурдом», ни наш былой «бедлам».

Бесцветным стало нашей жизни бремя,
Мы долежим до Вечного Суда.
И на вопрос: – «Оставить ли вам Время?»
Не все из нас ответят Небу «ДА».

И как бы то ни было, но каждый год 7-го ноября в 10 часов вечера я ставлю на подоконник свечу, и она горит час в память о людях – и праведниках, и заблудших, сформировавших бешеный, неукротимый, хмуро уставший к концу странный XX-й век.

01.01.2015

Санкт-Петербург

Любовь Чефранова (Ланева). Простая биография

Родилась я в Сибири, ближе к концу войны. Машины родители были из старой сибирской семьи, вспоминается, что из казачьих корней. Но казачеством уже не занимались, а занимались предки хлебопашеством, да зимою водили обозы на линии Владивосток-Москва-Владивосток со всеми промежуточными городами: Иркутск, Чита... и т. д. А когда была построена железная дорога, то этот промысел не то, чтобы отпал, но на местных линиях очень востребован был. Бабушка ярко вспоминала, как зимними морозными ночами ее отец с дядьями внезапно являлись с дороги домой в заледенелых тулупах, и столько шуму, радости, переполоху они приносили с собой. И лошадей нужно сразу устроить, и вообще в восторге вся семья....

В гражданскую войну мужчины нашего семейства воевали за новую жизнь, за Советскую власть, а затем поднимали хозяйство, работали наравне с лошадьми. А затем началось раскулачивание, и все это прахом прошло. Притом история нашей семьи имела особенности, чисто приключенческие, если подробно их рассказать. Сразу раскулачить нас не смогли – заслуги семьи в Красной Армии были большие, но потом такая катавасия пошла – в общем, хватило беды и на

нас. Маме было тогда 14 лет, и ни на какую работу ее не брали. Тогда бабушка уговорила врача, а доктор все понимал и пошел на подлог – выписал справку, что девушке уже 16 лет, а метрические книги в нашей волости сгорели вместе с церковными строениями еще в гражданскую войну. Но это не помогло, так как во всяких конторах бывалые люди просто смеялись в лицо, мол, кого ты обманывать хочешь, девчонка – тебе не больше пятнадцати лет. Никто не хотел из-за этой липовой справки рисковать очень серьезной статьей.

А в городе в то время гастролировал цирк шапито – такой огромный шатер и табор со всем цирковыми делами при нем. Напрасно мама там убеждала конторских, что она деревенская и привычна к любой работе – умеет и убирать, и за скотиной ходить, и вообще по хозяйству все. С тем, что она деревенская и все умеет – с этим не спорил никто. Посоветовали ей до шестнадцати лет дорасти и тогда приходить. Вышла она из цирка и стала плакать. Тут идет какой-то очень представительный мужчина и спрашивает ее, что у нее случилось, какая такая беда. Она и расскажи ему все. Человек ее за руку взял и прямо в тот цирк и привел. А там все: "Иван Максимович, Иван Максимович...", двери сами открываются перед ним. В конторе человек тот только сказал: "Устройте!" – и в тот же вечер девчушка проверяла билетки на входе в тот цирк, а затем и в любой другой работе по-деревенски сноровистой была. Это был знаменитый Иван Максимович Поддубный, который был тогда на закате своей сорокалетней

карьеру, но сборы цирка еще зависели от него.

В цирке мама работала недолго, так как не могла уезжать одна далеко от семьи. Но трудовая занятость в ее документах уже была, поэтому кадровики стали равнодушными к сомнительной справке о возрасте, и работу она нашла. В общем, крепкий мы были народ, не так то и просто было всех нас затоптать. Во время войны мама работала в госпитале в Сибири, куда привозили с далекого фронта уже негодных для службы, сильно покалеченных солдат, и одного такого неунывающего, веселого инвалида войны мама взяла домой, и поженились они – настоящая была у них любовь. После войны они переехали из Сибири уже с маленькой со мной в Европейскую часть страны, ближе к родственникам моего отца. Отец, по профессии станочник широкого профиля металлостроитель, происхождением из крестьян, затем школа Фабрично-Заводского Ученичества ФЗУ, оконченная еще до войны. Так он на простом протезе работал наравне со здоровыми мужиками и у станка на заводе, и кочегаром на угле в котельной ради комнаты для семьи, перестраивал стенку в коммунальной квартире, чтобы сделать в той комнате хотя бы одно окно, подрабатывал ремеслами по вечерам – больно было ему временами до ужаса, но он все терпел и работал, поднимал всю семью. И мама тоже работала на фабрике до пенсии всю свою послевоенную жизнь – и никаких ни "руководящих работников", ни "блата" не было и намек у нас ни в семье, ни в знакомствах, и никакую "коррупцию" не уме-

ли делать мы никогда. Правда, положенные бумаги оформляли, как положено четко, характеристики с места работы у всех членов семьи просто отличными были, "почетных грамот" – не сосчитать. Я рано вышла замуж по любви, мужа тоже на работе смолоду ценили за трудолюбие и мастерство – он на заводе сначала электрослесарем, затем электромехаником был, заочно учился и вообще свое дело знал. Бывало, с завода машину за ним присылали не в смену домой, если срочное что-то нужно, а никто без него не поймет. Очень помогла нам тогда одна большая начальница с погонями полковника милиции на форме милицейского образца. Точно ее должность мы с мужем теперь уже и не помним, но муж-то по армии с погонями знаком, он говорит – что и сам удивился званию этой начальницы по прописке, тогда ведь полковники милиции не часто встречались даже среди мужчин. Была она немолодая, спокойная, очень внимательная к нам, и вся абсолютно седая – белая-белая, словно сто лет. С войны-то тогда только лет двадцать прошло, и где она так поседеть и так поумнеть могла – догадаться легко. На ее поколение и службу такое выпало, что с нынешним не с чем сравнить. С ходатайствами от предприятий и всем, как теперь говорят, пакетом документов мы добрались до нее. Мужа она слушала внимательно, но недолго, посмотрела бумаги, вздохнула, сказала, что детям, конечно, нужно расти... и подписала один документ, поставила резолюцию на него. Затем уже дело времени, и за два-три года расселилась вся

наша большая семья.

Мои родители получили очень хорошую, удобную двухкомнатную квартиру в новом кирпичном доме, окнами в южную сторону на детсад и быстро зеленеющий двор. Сестры тоже получили квартиры, а мы с мужем предпочли две большие, высокие смежные комнаты в коммуналке, для нашего города – очень себе видовые, и дом хороший – СФК. Квартира была небольшая, кроме нас – две семьи, и мы решили, что чем детей на продленку сдавать и вечерами к ним привязанные сидеть, лучше жить в коммунальной квартире – дети будут у соседей всегда на виду. Район был старый, устроенный, магазины были все близко от нас, до клуба с секциями и кинотеатром – двадцать минут пешком, до Дома пионеров и школьников – прямая улица без поворотов, школа – тут за углом, чуть ли не все маршруты городского транспорта с нами рядом идут. В общем, прижились мы там, и уже в новом тысячелетии расселили эту квартиру, и теперь в ней сами без соседей живем. Каких трудов это стоило нашим детям и нам – и не расскажешь всего, тем более что и кризисы были, и внуки маленькие, и экономика вся ползет, и годами инфляция все пожирала, и работу молодым не найти. Все же нам помогло государство – мужу льгота на выкуп дополнительной площади была, как ветерану труда. Вся семья теперь не помещается в квартире, частично дети отдельно живут, своими семьями обзавелись. Но все равно по будням обеденный стол на светлой, просторной кухне собирает пя-

терых едоков. Отсюда делайте вывод – держитесь дружной семьей, и никакая "перестройка" не сломает вам жизнь. (А прежняя комната мужа в старой его коммуналке осталась его сестренке, которая подрастала тогда – тоже ведь хорошо.)

В младших классах школы я была паинька словно картинка – как девочка-октябренок или пионерка уже с красным галстуком, в белом передничке, с огромным бантом в волосах. И голос у меня был чистый, звучный, отчетливый. И мне всегда приходилось декламировать громко и ясно пионерские правильные стихи на торжественных партийных мероприятиях разного рода или торжественно преподносить на таких мероприятиях выдающимся людям цветы. Однажды был у нас знаменитый иностранный писатель, много писавший там у себя на Западе за границей насчет того, что русские – это нормальные люди, войны не хотят и бояться не нужно нас. Распорядители устроили так, что на каком-то торжественном спектакле по его произведениям в его честь я оказалась при всем параде на почетном месте рядом с ним. Возможно, многие думали, что я – дочка какого-нибудь «бугра», а вовсе не дочь инвалида войны – рабочего и работницы, выбивающихся из сил, чтобы семью содержать, и живем мы все и старые, и средние, и малые в одной комнате коммунальной квартиры, вообще-то непригодной технически для жилья. Не знаю, что думали люди тогда обо мне, но дорожка была простая – совет пионерской дружины, Артек, комсомол, актив, аппарат и т. д. Однако далее предсе-

дателя совета дружины и секретаря первичной комсомольской организации в школе я сама не пошла – отмахнулась от этого как от сухой шелухи, как только стала немного взрослеть, и затем уже в комсомоле незаметной мышкой в массе таких же была. Во всяком случае, коньки в нашем парке зимой и съемная дача летом в уютных местах от города недалеко своею естественной свободой под строжайшим бабушкиным контролем вполне заменяли Артек.

После школы я работала в разных местах; из-за раннего замужества и деток было трудно стабильное место найти. Была я и уборщицей в детских яслях, и работницей на заводе в тарно-коробочном цехе, и работала несколько лет в телефонии из-за четкого голоса и хорошего слуха. Работала в заводууправлении по распределению работы и учету нарядов по участкам и цехам, разносила разную учетно-техническую документацию по ним. А они оказались-то, представьте себе, в разных концах обширной промышленной территории нашего завода, там сплошные подъездные пути для железнодорожных составов и "бетонка" для большегрузных автомашин. Говорят, для здоровья полезно столько бегать и прыгать за день, вот я и бегала там для здоровья в любую погоду весь год. Надолго определилась я только оператором большой-пребольшой ЭВМ и стала там же образование пополнять. Поступила я тогда на вечерние бухгалтерские курсы с очень плотной программой обучения в два года для дневного отделения и в три – для вечернего. Помимо стандарт-

ного бухгалтерского учета там были системы автоматизированного управления и ЭВМ, статистика, советское право и куча еще всего. С какой стороны ни смотри – это программа учетно-экономического техникума, а не просто бухгалтерских курсов. Однако курсы выдают "свидетельство", а не диплом. Тем не менее, в этом свидетельстве есть строка: "может работать главным бухгалтером промышленных предприятий". Легко запутаться, свидетельство это, или диплом.

На курсах мне никто ничего толком не объяснял, пока я до завуча не добрались. Наша милейшая мудрая завучиха, солидная, серьезная такая – прямо главврач санатория на югах, смотрела на меня сквозь начальственные очки и очень убедительно говорила, что полного среднего специального образования наше учебное заведение не дает по причине отсутствия или неполного отражения в программе таких предметов, как истмат, диамат и история КПСС. Ну, так нужно добавить эти предметы в программу – умно посоветовала я. Однако завуч была не согласна со мной. «Понимаете, милочка, – объясняла она мне, – главным бухгалтером промышленного гиганта с нашими курсами трудно стать, потому как есть ФИНЭК и высшее экономическое образование вообще. А вот главным бухгалтером предприятий местной промышленности – сколько угодно. Представьте себе, что-то случилось у вас на работе не то, понимаете? А у вас даже средне-технического образования в этой области нет, вы предвидеть ничего не могли и ошиблись, ну, только чуть-чуть...». Тут

я все поняла и покраснела ужасно, и перестала вопросы руководителям задавать. Почти весь учебный материал был на практике мне знаком по работе в разных местах и, особенно, на ВЦ[1], на работе начальники шли мне навстречу во всем, поэтому я успешно прошла тот курс и получила свидетельство с правом работы главбухом, но "среднего специального образования" у меня до сих пор еще нет.

Затем я долго работала на том же заводе бухгалтером, никакой карьеры делать не стремилась, все мои мысли занимала семья. В перестройку работала вторым бухгалтером научно-производственных кооперативов, но это движение по общим экономическим причинам заглохло у нас на корню. Попробовала было силы в торговле, но сразу увидела – не мое. А на пенсию я ушла с должности ведущего бухгалтера в системе министерства культуры, и в моем ведении был наш городской музей. Я отказалась от более выгодных в материальном отношении предложений, так как хотелось мне перед пенсией хотя бы немного поработать с чем-нибудь чистым и светлым для души. И я никогда не забуду, как приходила в музей со служебного входа даже в "закрытые" дни, общалась с сотрудниками и была в коллективе своя. А материально нам помогал тогда уже вставший на ноги сын, а так же оставались востребованными в разных местах и специальность мужа, и разные его личные ноу-хау, благодаря которым изношенное донельзя оборудование продолжало работать на заводе и на сторонние заказы, и на быстро худеющий план.

И хотя везде по деньгам это было не много, но стабильно. В общем, мы пережили трудные времена. Во время кризиса 98-го года случился забавный экономический эпизод. Незадолго до кризиса сын заказал в одной частной столярной мастерской прекрасный стеллаж для книг.

А тут обвалилось все. Предприятие, на котором работал сын, выдержало это с очень большими потерями и трудом, многие мелкие предприятия разорились совсем. Исчезла и столярная мастерская, никто о заказе у нас и не вспоминал – было не до того. После кризиса примерно через год кто-то нам позвонил и обрадовал, что мастерская восстановлена и возобновила работу. Поскольку же наш заказ был еще до кризиса проплачен, то теперь требовать дополнительных денег они вроде бы не вправе от нас, но изменились все цены на всё и выполнить заказ в прежнем объеме теперь они не могут. Так не согласится ли заказчик на замену материала и более простую обработку? Мы были счастливы уже от того, что кто-то еще рядом с нами выкарабкаться сумел, и согласились на все. Вскоре стеллаж был доставлен; он выполнен из простого материала, но удивительно прочно и аккуратно, и он мощно стоит до сих пор – и сто лет простоит как скала. Вот такие порядочные люди бывают в нашей стране: кризис, не кризис – договоры следует выполнять. А могли бы ведь просто "забыть" тот заказ – никто бы не вспомнил о нем.

Я вышла на пенсию сразу, как только исполнилось 55, хотя была на хорошем счету и могла бы работать и работать еще.

Но прежде всего – семья. Дочка тоже, как я, сначала детками обзавелась, затем об образовании стала думать. А внуков пришлось взять под крылышко мне. Так вот и кончилась моя трудовая карьера в том возрасте, когда другие женщины-бухгалтера продолжают активную трудовую жизнь и даже еще "растут". Зато дочка смогла спокойно работать и заочно закончила институт. Теперь и внуки уже подросли, получились и на ноги постепенно встают, и хотя с трудоустройством молодежи у нас еще очень не просто, но рассчитываем и эти вопросы решить. Ну а я уже давно домохозяйка, стряпуха и экономка в семье. С утра до вечера – продуктовые лавки, рынок, магазины, плита и всякое другое домашнее хозяйство на мне, как когда-то на бабушке было. Также очень утомительны и много времени занимают скрупулезные подсчеты расходов на питание – только так и можно экономить, обеспечивая здоровое, сбалансированное питание семье. Да и здоровье, конечно, уже у меня не то. За продуктами я хожу главным образом с мужем, и мы большую сумку на колесах берем. Сумка бывает такая, что мне и не приподнять, и хотя здоровье мужа тоже уже не то, и он на пенсию вышел, тем не менее, шутит, что будто бы велют доктора ему шевелиться, и он сумку таскает на наш этаж как бы еще легко. А ведь подумать только, всего-то лет тридцать тому назад он взбегал по этой лестнице ради шутки со мной на руках... а полвека тому назад просто подбрасывал к потолку. А я верещала, делала вид, что боюсь... Вот и думайте сами, счаст-

лива я или нет. А мне некогда думать об этом: сейчас нужно мужу вкусненькое по диете варить, да ребятам обед, скоро с работы придут. Да еще они просили шарлотку на вечер, да и много еще чего. Некогда думать мне... так и проходит жизнь.

[1]Вычислительный центр (Чефранов С. Д.)

© Чефранов Дмитрий Николаевич

Художественное оформление обложки осуществлено Чефрановым Сергеем Дмитриевичем